

АРТ
ЛАД

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

<i>A. Вурдов.</i> Родовое начало. <i>Повесть</i>	4
<i>B. Лодыгин.</i> Керка. <i>Кывбуръяс</i>	23
<i>A. Попов.</i> Чудь мыльк. <i>Кык юкёна драма</i>	31
<i>A.Г. Попов.</i> «Любовь к независимой мысли...» <i>Стихи</i>	54

ДРЕВНОСТИ

<i>P. Павлов.</i> Человек на Севере в эпоху палеолита	62
<i>A. Мурыгин.</i> Чудские древности	70
<i>B. Мингалёв.</i> Зооморфные изображения на оружии и деталях конской сбруи ананьинской эпохи (Х–II вв. до н.э.)	80
<i>B. Напольских.</i> К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке	88
<i>B. Понарядов.</i> Проблема датировки распада пермского праязыка	128

АРТ-ФАКТ

<i>B. Смирнов.</i> Отрывки из записных книжек	134
<i>O. Орлова.</i> «Зачем сжигаю душу я...»	143
<i>L. Кочерган.</i> Виталий Кокачев, народный художник Республики Коми	169
<i>B. Морозова.</i> Мы интересны друг другу. (Майатул – 2006)	180

Сыктывкар
2007

**Республиканский литературно-публицистический, историко-культурологический,
художественный журнал**

**Республиканской литературно-публицистической, историко-культурологической,
художественной журнал**

Издаётся с 1997 года четыре раза в год на коми и русском языках при финансовой поддержке Правительства Республики Коми.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-26177 от 10 ноября 2006 г. зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Учредители: Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям,
Министерство культуры и национальной политики Республики Коми,
МОД «Коми вайтыр»

Главный редактор — Галина Бутырева

Зам. главного редактора — Павел Лимеров

Адрес редакции: 167982, г. Сыктывкар, ул. Карла Маркса, д. 229, тел./факс: (8212) 201-499.
E-mail: artkomi@mail.ru www:<http://www.komi.com/artlad>

©«Арт», 1998 г.

Подписано к печати 12.10.07. Формат: 70×100 $\frac{1}{16}$. Печать офсетная. Усл. п. л. 14,19 + вкл. 1,29.

Тираж — 1200 экз. Заказ 26242. Отпечатано в ОАО «Коми республиканская типография» с дискет закладчика в полном соответствии с качеством предоставленных материалов, 167982, г. Сыктывкар, ул. Савина, 81.

Цена свободная

Подписной индекс 78503

Все права на материалы, опубликованные в номере, принадлежат журналу «Арт». Перепечатка без разрешения редакции запрещена. При использовании материалов ссылка обязательна. Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Художник заставок — Ю.Лисовский

В оформлении обложки использована работа В.Смирнова. Стелла «Тундра». 1969.
Шамот, ангоб. НГРК.

Материалы, не опубликованные в журнале, редакция не рецензирует и не возвращает авторам.
Публикую материал, редакция не обязательно поддерживает точку зрения автора.

Журналын йөзөдтөм гижёдъяс редакция оз рецензиурит и авторъяслы найёс оз мөддөд. Редакция оз век во ѿти кывйö авторъяскöд.

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

Алексей Бурдов

Бурдов Алексей Иванович родился 1956 году в г. Инте Республики Коми. Закончил Лесотехнический институт в Архангельске и заочно Ленинградский финансово-экономический институт. Работал в Архангельске в мехлесхозе, а также в Управлении внутренних дел. Сейчас живёт в Кослане.

Выходили книги на коми языке «Менам Йирва» и «Сирвойв кодзув». Печатался в журналах «Войвыв кодзув», «Охотник» и «Охотничье хозяйство», в газетах «Коми му» и «Выль туёд». Пишет на коми и русском языках.

Родовое начало

Начало в № 3 2007 года

Повесть

Глава 2. Мосей

Через день вся община проводила своих посланников в далёкий путь с единственным пожеланием, скорей вернуться обратно живыми и здоровыми.

«Да хранит Вас Господь!» — благословил старейшина и троекратно перекрестил каждого перед дорогой.

Все трое, впереди Юрий, уверенно шли привычным размеренным шагом друг за другом, всё дальше удаляясь в глубь тайги. До Светлых озёр, а это примерно в верстах двадцати пяти от деревушки, леса были знакомые и особого труда не составляло правильно ориентироваться в заданном направлении. Каждый на спине нёс больше чем пудовую ношу, в основном, провианта, помимо личного вооружения: топора, ножа, лука со стрелами и копья в руке, — поэтому через каждые полтора-два часа путники коротко отдыхали. К вечеру они достигли озёр, переплыли на плоту на противоположный берег и там заночевали.

С рассветом, наспех позавтракав оставшимися от вчерашнего ужина зажаренным на костре окунями и вяленым мясом, люди молча двинулись туда, где ещё не ступала нога человека. Во время привалов Мосей аккуратно наносил на берестяные кусочки маршрут движения, отмечая каждый ручеёк, болото, высокий бугор, тип леса и другие особенности местности. Глухаринные, тетеревинные выводки и, особенно, рябчики встречались часто, хотя ягода уродилась местами. Постепенно

ельники сменялись сосняками вперемежку с берёзой. В сумерках вышли на большие болота, на горизонте которых чернели пунктиры лесных островков и сверкающие блески озерков.

Устроив короткий отдых, все трое посовещавшись, решили повернуть налево — на запад, и продолжить путь вдоль болот, а дальше будет видно. По времени за день они прошли около тридцати вёрст, но этого вполне хватало для того, чтобы заслужить долгожданный отдых до утра следующего дня. Выбрав получше и посуше бугорок на краю болота, люди нарубили лапника и веток, соорудили привычный шалаш и устлали подстилку.

Тихий ветерок разносил с дымом и приятный запах поджаренных тетеревов над костром. Вечерня получилась на славу. Нежное мясо птиц-первогодков люди макали в рассоле и лакомились, запивая оставшейся от вчерашнего дня простоквашей.

После трапезы Тюка укрылся своей накидкой и вскоре уснул. Ночь выдалась прохладной. Юрий подбросил ещё одну толстую валежину, и сполы искр взвились к небу. Сейчас костёр больше потрескивал, потеряв яркость, но горел умеренно. Поразительно, но вездесущие кукши вовсе не боялись костра и буквально, перелетая с ветки на ветку, садились на шалаш или рядом. Утомительный шум тайги иногда заглушало длинное дружное гоготанье гусей где-то на болотах. Юрий, видя, что Мосей ещё не спит, вдруг спросил: «Мосей, а скажи, где такая жаркая земля Палестины, о которой рассказывал Фоня? Вот, я думаю, если там нет такой тайги, нет зимы и снега, то как же там люди живут?»

«Да я и сам не знаю, правда, слышал, что на свете живут разные народы и цветом кожи отличаются тоже и на разных языках говорят,— спокойно отвечал Мосей.— Земля создана Богом и все живые твари, и мы тоже, этому меня мой родитель учил... Я вот многое не знаю, а ведь есть учёные люди, которые обошли весь мир, и труды написаны великие. Но когда-нибудь всё равно я побываю в Великом Владимире, а может и в Великом Новгороде или Московии». И вдруг захотел, не веря своим мечтам.

«Ты ещё молодой, неженатый, умный — может и будешь учёным», — весело вслух отозвался Юрий. Оба рассмеялись, повторяя присказку: «Тешил себя рыбак, да рыбу не поймал, тешил себя охотник, да ни пуха ни пера ему не досталось...» Лишь потом разговор умолк, а после и вовсе негромкий храп доносился из шалаша.

Блеклый рассвет из-за нахлынувших туч предвещал пасмурную погоду. Озябший Тюка проснулся первым и растолкал товарищей. От ночного костра остались только тлеющие угольки, вспыхивающие язычками пламени от порывов ветра. Съёжившись и с неохотой, наконец, все засутились и натаскали ещё дров. «Главное, нет дождя», — промычал Юрий, — но ветер переменился на западный.

Через час путешествие продолжалось. Несмотря на хмурое утро, яркое соцветие листвьев осины и берёзы от жёлтого до рыже-красного цветов на фоне зелёной хвои необычайно радовало глаза. Местами на склонах бугров низко свисали большие ярко-красные гроздья рябины. То и дело с шумом и треском тяжело взлетали глухари, уступая людям дорогу. Болото постепенно сужалось, обрастаю стеной леса с обоих сторон. А вот и ручей, который начинался из болота, можно и

привал устроить. Пока Юрий и Тюка занимались костром, Мосей аккуратно очерчивал контуры южной стороны болота, соединяя помеченные пунктиры, сделанные в пути, проставлял количество верстов.

Но что это? Мосей сразу не разобрался, и тихо окликнул товарищёй: «Смотрите туда, туда,— указывая жестом руки в сторону болота.— Кажись не то волки, не то ешё кто?» Действительно, в саженях двухстах на противоположной стороне болота из леса одно за другим выходили животные серого окраса, непохожие на коз. Пригнувшись, люди застыли на своих местах. И только через небольшую паузу всем стало ясно, что это олени. На болото вышло целое стадо из двадцати семи голов. Постояв несколько минут, вожак повёл остальных вдоль болота в сторону востока. Огорчёнными взглядами люди провожали всё дальше удаляющихся оленей. «Да,— вздохнул Юрий,— не повезло, догнать можно, но добыть — нет, только и вспугнём, а для этих копытных болото, как земля родная».

Тут, как назло, и дождь закапал. Пришлось перебраться под ели. Обедали без свежатины, довольствуясь вяленым мясом, ржаными лепёшками, запивали горячим чаем, приготовленным из чаги и брусники. Каждый себе добавлял в чашу с чаем по небольшому кусочку лесного мёда, но не больше нормы, какую определял старший. Вообще, все относились спокойно и с пониманием к подобным ограничениям. Прошло уже больше часа, а дождь не переставал моросить. Несмотря ни на что, решили двигаться дальше на северо-запад. В сумерках наткнулись на бурелом и, пока с трудом одолевали его, стемнело. Ещё через час вышли на большой бугор. Через силу, превозмогая усталость и сырость, почти на ощупь соорудили шалаш под корневищем вывороченной ветром сосны. На удивление опытный Юрий сумел-таки быстро запалить кремнем сухие кусочки бересты и вскоре огонь весело заплясал, освещая вокруг кромешную тьму. От тепла запахло потом, кожей, и клубы испарины поднимались от одежды людей. Не давая себе расслабиться, Тюка получше разложил лапник, а берестяные короба уложил сзади со спинами. Мосей с зажжённым факелом из бересты и с котелком в руке пошёл искать воду. Юрий тихо бранился про себя из-за сапога, который порвался об сучок.

К ночи дождь перестал, но всем было не до сна. Надо было обсушиться и согреться. Тюка долго рассказывал всякие небылицы, в том числе и такие, какие с ним случались на охоте и рыбалке. Потом показывал свои способности подражать голосом пению птиц, да так мастерски получилось один раз, что где-то далеко сова откликнулась бу-буканем на его голос. Тем временем Юрий пришил заплату на сапоге. Восход солнца все трое встретили в полной дремоте. Неожиданно напустившийся туман медленно рассеивался под солнечными лучами. Кругом тысячами блёсками мерцали дождевые капли и только остатки ночной прохлады волнами бродили по лесу. Небо постепенно прояснялось от тёмных хмурых туч. Юрий выбрался из шалаша и осмотрелся. Недалеко у подножия бугра лежали большие каменные валуны, сверху заросшие мхом и лишайником. Подобрав несколько сушинок, он подтащил их к костерку и положил сверху. Затем улёгся поудобней, укрывшись накидкой и сказал: «Ну, молодцы, пару вздохов можно ещё поспать, а то уж больно горка высока».

На самом деле, поднявшись на вершину бугра, люди увидели, что подобные возвышенности впереди закрывали горизонт. Обходить их не было смысла, толь-

ко время терять и силы тоже. После очередного штурма лесной горы наметился пологий спуск, как будто к какой-то реке.

Так и оказалось, они вышли к быстрой порожистой речке шириной примерно в двадцать саженей. Противоположный берег был круто обрывистый, испещрённый светло-жёлтыми каменными отложениями. Удивлённые и очарованные такой величественной красотой смельчаки, сидя, любовались, отдыхая от усталости. Смеркалось и надо было спешить.

Люди молча брали по галечному берегу вниз по течению. Солнце садилось за деревья, когда дым от костра расстелился над гладью быстрой воды.

Прошло ещё два дня, а речка всё текла по направлению на запад. Пришла пора первоходцам повернуть на юг. Чтобы обозначить границу, установили на берегу столб, на котором вырезали букву «Веди» (В), год и дату. Спустившись в лощину, шедший впереди Мосей вдруг остановился как вкопанный, в десяти шагах прямо перед ним стоял медведь на задних лапах и фыркал. Ничуть не испугавшись, охотник тут же метнул копьё, но зверь успел увернуться,бросившись в сторону. Стрела, пущенная шустрым Тюкой, также не попала в цель, а застряла где-то в густом можжевельнике. Только зад убегающего медведя ещё раз промелькнул меж деревьями, и на этом всё кончилось. «Убежали клыки,— протяжно и с улыбкой на устах произнёс Юрий.

«Значит, не наши были,— весело отозвался Тюка.— Хитрый косолапый оказался».

Копьё и стрелу быстро отыскали, после чего ещё раз сверили самодельным компасом «маткой» направление и двинулись дальше. Вскоре Мосей и Тюка ретировались, показав свою удаль и сноровку, когда влёт каждый из них меткой стрелой поразил по глухарю. Юрию нравилось честное соперничество тщеславных молодых охотников и при каждом случае старался похвалить обоих в равной иерее, хотя по характеру и нраву они были разными. В одном месте путешественники наткнулись на ключи, бьющие из-под земли, образовавшие целое озеро. С озера начинал своё начало и небольшой ручей, по которому люди продолжили движение. Примечательным являлось то, что вперемежку с осиной и лиственницей произрастали высокие пихтовые деревья, придавая воздуху необычайно острый смолистый аромат. Пройдя около часа, люди вышли ещё на одно озеро шириной почти в двести саженей и округлой формы. Северный берег был усыпан валунами, а южный — покрыт заросшими болотами. Вода была настолько прозрачна, что не только каждый камушек был виден, но и любая мельчайшая живность. Обойдя вокруг, обнаружили, что озеро проточное,— вытекал сюда ручей, но шире, чем впадающий. Судя по всплескам на воде, рыба водилась разная. «Останавливаться на ночлег не будем, хотя место заманчивое»,— предложил Юрий. Кивком головы его товарищи дали согласие. Путешествие продолжалось ещё три дня без каких-либо особых приключений, разве что Тюка ушиб бедро, свалившись с бугорка. А дальше непрекращающиеся дожди вторые сутки держали людей в ельнике у безымянного ручейка. Все трое успели уже отоспаться и отдохнуть вдоволь, и сейчас молили Бога угомонить капризную погоду. И, действительно, на трети сутки задул северо-восточный ветер, и небо прояснилось от тяжёлой завесы дождевых туч. Вздорённые и отдохнувшие люди спешили, словно боясь куда-то опоздать. Жуткая картина представала перед ними, когда

пересекали прошлогодний горельник: искорёженные, обугленные деревья, сгоревший напочвенный покров и кустарник, остатки обожжённого молодняка наводили мрачную тоску. На многие версты тянулись сгоревшие, оголённые, зубчатые бугры. Лишь несколько уцелевших зелёных островков напоминали о былой природной красоте здешних мест. А сотни чёрных стволов деревьев, уставших от огненной стихии, как пики, остались символами борьбы за жизнь.

Темноту встретили в чистом сосновке, где с удовольствием заночевали без домоганий мошки. К полудню следующего дня путники вышли к речке и стали подниматься вверх — на восток. До дома добирались ещё четверо суток. Вся община с ликованием встретила своих героев. Перед праздничной обедней все трое держали отчёт на общинном Совете. А за общим столом старейшина произнёс хвалебную речь в честь отважных путешественников. С этого дня начиналась новая веха в истории рода, ибо была узаконена общинная вотчина числом 14, месяца сентября, 1692 года, о чём свидетельствовала полная картина с границами владений с прародительским символом буквой «Веди» (В...) и за подписью старейшины.

Спустя неделю в далёкий поход на Печенгу отправляли уже другую группу да не только с ценной пушниной, а впервые с берестяными грамотами составленных лично Лукой для заключения торгово-обменных сделок с купцами. Это позволяло родовой общине напрямую иметь торговые связи без всяких посредников, а также уменьшить риск от беззаконий, нередко чинимых служивыми на государевых землях. Снаряжённый отряд сначала на лодках добрался до верховья реки, а дальше пешком по известному маршруту. А сопровождающие на лодках обратно возвращались в деревушку. И так было каждую осень. Как правило, домой с грузом посланники возвращались до Рождества Христова. С наступлением холода осенние заботы завершались и начинались другие, не менее важные: добыча пушнины и мяса. Сезон добычи оленей и лосей начинался с октября, то есть в период брачных гонов, в основном, двумя способами: на тропах оборудовали ямы-ловушки и путём загона с помощью собак на засады в местах гона, где скапливались животные. На сей раз удача оказалась переменчивой. Большое количество выпавшего снега в столь ранний период помешало охотникам быстрее и расторопнее организовать загоны в нужных направлениях. Собаки быстро выыхали и не успевали забегать вперёд животных, а те, в свою очередь, напропалую проскакивали через широкие бреши. Единственным утешением было лишь то, что почти ни одного раненного зверя не упустили. Обычно на второй день догоняли по следам обессилевшего животного и добивали или гнали зверя в обратном направлении, пока последний совсем не обессилит и не рухнет на землю. Освеженные и разделанные на части туши и шкуры выносили к ближайшей лесной просеке. Такие дороги шириной всего в сажень прорубали и готовили ранней осенью в определённых местах, специально для вывозки на конных розальнях не только добытого мяса, но и завоза провианта, снаряжения в дальние уголки охотничьих угодий. Каким-то чудом волки не успели воспользоваться заготовленной олениной и лосятиной, хотя следы много раз встречались людям. В первых числах ноября вывозка мяса закончилась, в целом, благополучно. Наконец-то, уставшие и замерзшие люди почувствовали домашний уют и тепло. Особенно тяжко досталось бригаде Мосея. Из разных ям-ловушек они с большим

трудом вытаскивали каждую из пяти туш. Буквально пронизанную острыми кольями почти насквозь тушу сначала высвобождали и с помощью верёвок долго извлекали, поднимая наверх. Выносить разделанное мясо в двух случаях приходилось на расстоянии не менее пяти-шести вёрст от просеки. У людей от тяжести жердей, на которые нанизывались куски мяса, жутко болели плечи. Достаточно было совершить две или три ходки в день, как человек уже не мог даже вверх поднять руку от боли. Но, слава Богу, справились без помощи других и сейчас об этом не вспоминали.

В один из вечеров Мосей долго убеждал родителя, чтобы тот разрешил ему на новых землях в северной части вотчины открыть своё угодье. Последний не противился, но апеллировал вполне объективными аргументами, которые, в основном, сводились к отсутствию условий жизнеобеспечения в незнакомой тайге. «Возьму с собой Сергия, с ним за три дня поставим избушку-времянку у Больших болот, там у ручья и глина, и камни есть,— доказывал своё Мосей.— Потом плашки и «трубки» изготавлять будем, куницы и выдры наверняка там много водятся».

«Морозы посильнее ударят и времянка ваша тогда не спасёт,— не сдавался Лука.— Потом надо и провианта, и шкуры на лежаки, на нартах вам за раз не сделать такой путь».

«Сколько сможем, сейчас утащим, а как построим избушку, возврнёмся домой и опять потащим»,— говорил Мосей.

«Ладно, давай попробуем по-другому,— спокойно заключил Лука.— Вам помогут ещё два человека дотащить до места всё что можно да помогут ещё и избушку поставить. Завтра об этом со всеми главами семейств поговорим. Всё равно когда-то надо начинать осваивать те края».

Обрадованный Мосей с сыновней любовью обнял своего родителя и говорил: «Спасибо, спасибо за добро». «Но, будет, бесшабашная твоя голова»,— ласково произнёс Лука.

На Совете этот вопрос не только решили, но и приняли с одобрением инициативу Мосея, и даже не карте определили примерный участок для охоты. Кроме того, Мосей с Сергием выслушали много разных мудрых и полезных советов от опытных охотников. На подготовку отвели всего один день, так как погода как раз была спокойная с лёгким морозцем и дорог был каждый час.

Через трое с половиной суток Мосей привёл людей к облюбованному месту, именно туда, откуда он с Юрием и Тюкой наблюдали осенью за стадом оленей.

Пять мужиков дружным напором за четыре дня поставили очень даже ладную избушку с навесом. На следующее утро трое помощников налегке на лыжах с пустыми нартами отправились в обратный путь. Пока Сергей мастерил «плашки» и «трубки» (орудия лова), Мосей обходил каждый день округу, определяя места установки ловушек. Действительно, белки, куницы, выдры, горностая было много: собака то и дело облавала то белку, то тропила куницу. Наконец, Мосей оценил ситуацию таким образом, что западная часть оказалась гораздо богаче зверьём. За последующие три дня они установили более двадцати ловушек на куницу с разной приманкой. Два раза обнаруживали следы рыся и росомахи. Собака Гунька даже один раз догнала росомаху, но в единоборстве со зверем проиграла вчистую и потому, скользя от полученных укусов, обратно прибежала к

хозяину. А догнать на лыжах зверя по такому снегу было делом бесполезным, и охотники даже не думали реагировать на дальний лай собаки.

Мосей обычно шёл впереди, оборудовал места установки ловушек и делал топором затёски, а Сергей ставил «плашку» или «трубку». Но вот в сторонке звонко залаяла собака. Частый, почти без пауз, лай указывал на то, что это большая птица. Приготовив лук со стрелой, Сергей осторожно направился в сторонку лая. Прошло больше десяти минут, а собака продолжала работать. Большой глухарь, вытянув шею книзу с недовольством «хоркал» на игру собаки, которая, заметив подкрадывающего человека, перекатывалась на спине, тем самым отвлекая внимание птицы. Сергей два раза пускал стрелы, но промахивался скорее всего от волнения. Однако третья, роковая, пронзила под крылом красавца, и тот с шумом и хлопаньем рухнул на землю. Хватило двух прыжков и собака уже с рычанием вцепилась в шею птицы. Старый глухарь на редкость превышал на вес десять килограммов. Тут и Мосей подоспел. «Ну вот, за наши труды и Бог вознаградил нас таким богатырём», — весело отозвался он.

«Только с третьей попытки завалил, рука дрожала от спешки, — сказал Сергей. — Молодчина Гунька, отвлекала играючи». Поискал кругом, только одну стрелу и нашли. «Ладно, потеря одной стрелы ничего не значит, — замолвил Сергей, — надо успеть ещё «плашку» поставить, а то скоро стемнеет».

Сергий был старшим сыном Никона, младше на два года Мосея, ростом вровень с ним, хотя шире в плечах, особенно отличался изобретательностью. Его пущистая, небольшая тёмно-рыжая бородка всегда вызывала улыбку, а глаза всегда блестели. Характером был покладистый и, в отличие от некоторых сверстников, никогда не ссорился с Мосеем, и всегда старался быть похожим на своего товарища. Единственное, грамоту знал плохо — не хватало выдержки и стараний, особенно пренебрегал заучиванием молитв. Но всегда был справедливым и честным, чем и подкупал Мосея в большей степени. Всегда что-то изобретал и мастерил. Даже стрелы его были самые бесшумные в полёте. Вообще, что-то было в нём притягательное. Недавно он изобрёл трёхрядную звуковую дудку, но, правда, все посчитали это за игрушку для малышей, и никто не придал особого значения. Но изготовленная рыболовная мушка пользовалась большим успехом у всех, недаром прозвали «Сергиевой мухой». Вот и сейчас вечерами он пытался смастерить другие ловушки, но не получалось так, как хотелось, и он даже высказывал Мосею мысль о железных обручах.

А погода совсем остервенела, морозы всё более крепчали и достигали более двадцати градусов ниже нуля. Отдельные дни охотники отсиживались в избушке. Промысла было немного — семь куниц и один соболь, что очень редко бывало. Почти месяц прошёл с момента их пребывания на новом месте. Мосей нервничал и было отчего — через пару недель завершится декабрь и надо будет возвращаться домой. А тут, как назло, два раза плашки подвели, да ещё в рыся два раза промахнулись стрелами, хотя и легко ранили. Но вот как-то, очередной раз проверяя ловушки, наткнулись на свежую тропу оленевого стада. Мосей тут же распорядился, чтобы Сергей придерживал собаку, а сам налегке побежал вперёд по следам. Через три часа он догнал стадо, успел вовремя обойти и сейчас выжидал. Животные появились в ста шагах, но проходили параллельно от него. Мосей снова осторожно сделал круг и притаился совсем на краю небольшого

болота. Вожак, ничего не подозревая, двигался почти прямо на него. Олени узким клином приблизились почти на расстояние в десять саженей и, почему-то, остановились, озираясь по сторонам. Этой паузы хватило, чтобы два раза прицельно пустить стрелы. Уже вдогонку ещё одна стрела догнала очередную жертву. Один олень пробежал ещё примерно шестьдесят саженей и рухнул. Остальные двое уже двигаться не могли и брыкались на одном месте. Возбуждённый охотник на лыжах быстро добегал до каждой жертвы и пускал кровь, перерезая ножом горло. Отдышавшись, начал освежевать каждого зверя. Через часа полтора подоспевший Сергей, увидев такую картину, аж крикнул: «Господи, Мосей, ну ты даёшь, ну молодец! Не переставший удивляться, он помогал разделывать туши и продолжал хвалить товарища.

Нарты были одни, поэтому, загрузив одну тушу, Мосей опоясался лямками и потащил вперёд. Сергей окликнул товарища: «Постой, Мосей, я положу своё оружие в нарты». Затем снял пояс, обвязал за голени неразделанной туши и пыхтя, закинул на спину её целиком. «Ну вот, сейчас можно и двигаться», — заключил Сергей.

«Смотри, не надорвись, — отреагировал Мосей. — Как тяжко будет, оставь в пути, всё равно ещё раз придётся возвращаться».

«Посмотрим, может и не донесу», — спокойно сказал Сергей. Путь предстоял не очень далёкий, напрямую около пяти верст. Через каждые полтора версты отдыхали, переводя дух. За версту до избушки Сергей отстал, а Мосей, оставив нагруженные нарты, запрягся другими и пустился в обратный путь.

Уже стемнело, когда запыхавшийся и весь в инее Мосей притащил последнюю ношу. Сергей готовил пищу из свежатины. В протопленной избушке было тепло и светло от горящих лучин. Мосей, весь мокрый от пота, разделся до рубашки, развесил накидку и штаны, бахилы на палках прислонил к стене около печки, а потом распластался на лежаке, тяжело дыша. Да, сегодня ему досталось и труды выпали, и, главное, — удача. Вечереть уже не осталось сил. Сергей снял котёл с печи и тоже улёгся рядом со спящим товарищем. Через минуту сон и его победил. Тёплый дымящийся запах варёного мяса долго ещё витал над головами спящих людей и собак.

Спустя пару дней подул юго-западный ветер, да так, что лес выл и шумел, осыпая с ветвей снежную одёжку. Потеплело немного, а значит, нужно поспешить совершить обход угодья длиною семнадцать верст в окружности. Положив три заготовки для ловушек в нарты, охотники быстрым ходом устремились по старой лыжне вслед за собакой. Первые три плашки были пусты, хотя куница в двух случаях трогала приманку. Такие «осечки» бывают, когда сторожок обледенеет и ловушка не срабатывает. Ещё в нескольких местах ловушки присыпало снегом. Но всё-таки три зверька попались к радости охотников.

Дни проходили, ничем не примечательные, обычные в привычных трудах. Добытая пушнина прибавилась ещё на четыре шкурки. Через день охотники наметили возвращение домой. Оленину кусками подвесили на верёвках под навесом в прихожей избушки накануне дня ухода, а очищенные от мездры и прожилков скрутили в трубки.

В одну из плашек недалеко от избушки в последний день попался лис, когда он был ещё живой, собака успела придушить его. Путь домой начался неожидан-

но трудно. Сергей топором рубил дрова из сушкины, как от сучка соскользнул топор и задел стопу. Крови было много, хотя тугая перевязка, сделанная Мосеем, не только прекратила её, но и частично заглушила боль, ибо рана была присыпана толчёной сушёной зеленью из лечебных трав. Несмотря на боль, Сергей аккуратно двигался по лыжне, приподнимая правую лыжу без натуги. На вторые сутки ходьбы нога в стопе опухла так, что пришлось бахилу разрезать в области щиколотки. Опираясь на копьё, Сергей двигался размеренно своим шагом. Через пару дней поднялся жар от воспаления раны и идти приходилось через силу. Мосей подбадривал своего товарища, как мог, но понял, что тому не дойти своим ходом. После долгих уговоров Сергей согласился лечь на нарты и, таким образом тащил Мосей необычайный груз. Медленно и тяжело они двигались на юг, изредка поглядывая на компас. Когда вышли на реку, оба поняли, что в течение суток доберутся до дома. Так и случилось, на следующий день Мосей и Сергей встретили своих сородичей в трёх верстах от деревни, которые помогли добраться до дома на конной повозке. Добрая бабушка Огра через неделю вылечила пораненную стопу Сергея, который, опираясь на палку, уже выходил на улицу. Кто раньше, а кто позже возвращались и все остальные охотники с других угодий. Трофеи были не ахти какие, но разные. Всего набралось пушинны: сорок три куницы, два соболя, семь выдр, две рыси, пять лис, а три олены шкуры определили для шитья обуви. Но самым важным и волнительным событием явилось возвращение с Большой земли главных посланцев, в аккурат за два дня до Рождества Христова. Ребятня, громко крича на весь двор, первыми заметившие на реке четыре конные повозки, зазывали взрослых скорее пойти на берег. Люди, наспех набросив на себя шубы и малицы, бежали к реке. Кто-то, надев лыжи, побежал первым на встречу санным повозкам. Дошедшие на родину люди неуклюже сходили с саней и тоже шли навстречу. Все девять человек, обросшие, некоторые обмороженные, поднимали руки вверх, обнимали встречающих, кричали, плакали, целовали жён и детей своих. Трудно передать словами, что чувствовали и переживали эти люди, но радость на изнеможённых и почерневших лицах говорила только об одном — они дошли, они дома!

Наконец груз выгрузили в общинный амбар, лошадей распрягли и водворили в общий хлев, люди разошлись по избам. Только собаки во дворе всё ещё продолжали бегать и лаять, как бы извещая округу о возвращении домой своих хозяев.

Через день состоялся расширенный Совет у старейшины, на котором присутствовали все мужчины, кроме детей и женщин. Изба еле вмещала всех приглашённых. Турья и другие участники похода долго рассказывали о всех своих приключениях и торговых делах, в том числе и о подвигах на обратном пути в стычке с разбойниками, и как помогли спасти чужих людей от волков. Вобщем, много интересного и разных новостей услышали сородичи в этот день. Но были и другие, более серьёзные и важные сообщения, о которых поведали походники только членам Совета общины, как и полагалось правилами. «Не всем посадским государевым людям нравится вольная жизнь родовых общин, и мы таковые касательны тоже, — тяжело говорил Турья. — Я с Фоней говорил с воеводским человеком, который грамоту воеводы показывал о пошлинах непомерных да контроле над используемыми землями».

«А как же это понимать?» — спросил у Турьи Серафим. «Да я и сам не знаю толком, — отвечал Турья. — Только мне показалось, что это личные прихоти тамошней воеводы, уж больно он жаден и немилостив, ходят среди людей такие слухи о нём».

«Ещё один купец из Московия послания, батюшка, тебе написал, на пергаменте, — продолжил Турья. — Очень интересовался разной пушниной, особенно куньими шкурками да медвежьими шкурами, даже готов после твоего согласия приехать сам со своими людьми за товаром, да, вобщем-то, там на бумаге написано».

«Эты! Какой шустрой! — заговорил Лука, прочитав послание. — А предлагаёт то ненужный товар, пусть подождёт покамест. А насчёт прыти воеводы о таких пошлинах я против его воли, пусть сам, если захочет, к нам приезжает и посмотрит, как мы живём и трудимся, а радеть его прихотей нет надобности, — высказался Лука. — Аль у кого-то есть другое мнение?»

«Нет, другого быть не может, согласны», — все поддержали старейшину.

«Торговать будем, но по-честному», — заключил Лука. — Знали бы купцы и воеводы, с каким трудом достаётся каждый зверь, какие страдания испытывают наши люди. А коль мы вольные от Бога, то и терпение должны сохранять должным образом».

Затем Фоня похвастался привезённым пергаментом да библией в книжном переплете. Потом гурьбой пошли в амбар. Из кожаных и холщевых мешков достали ткани льняные, парчевые лоскуты, даже несколько бус из бисера. В конце осмотра Турья вручил главный подарок старейшине — кремнёвое ружьё из трёх приобретённых. «Уж больно дорогие, но не поскупились, — жаловался Турья. — А это пороховницы из меди, и свинец есть, правда не очень много, и стреляет ружьё хорошо». «Ну, братья, велик подарок, — чуть смущенно, но с нескрываемой радостью благодарили Лука. — Спасибо, добрейшие, за честь».

«Кажется, железа маловато привезли, но соли должно хватить, — на ходу говорил Лука. — Но всё же молодцы, доволен братья мои, доволен вашими стараниями».

На следующий день все праздновали Рождество Христово. Лука не скучился, каждому, и стару и младу, подарки раздавал лично. Женщинам достались парчовые лоскутки одинаковой длины, нарезанные заранее, для которых такие подарки были самыми желанными, о чём воочию говорили их сияющие лица. За общим столом выставил бочонок ржаной бражки да хвалебные речи посвящал своим дорогим сородичам. Дотемна продолжались игры на дворе вокруг большого костра, несмотря на колкий мороз.

После праздников Мосей со своим дружком Тюкой и с любимой собакой Гунькой вновь отправился в угодье на промысел. Старая лыжня держала хорошо, хотя немного была припорощена снегом. На полпути к избушке наткнулись на свежие следы двух крупных волков. По величине отпечатков следов ясно было, что они самец и самка. Бедная собака, чуя опасных зверей, ни на шаг не отходила от хозяина. Волки преследовали охотников, но держались на дистанции пятьдесят — сто саженей. Во время ночлега у костра Мосей с Тюкой дежурили поочерёдно, а преследователи, наоборот, то приближались в темноте, то вышли поодаль. Такая наглость матёрых особенно раздражала Тюку, который со злости ругал их всякими словами на чём свет стоит. На следующий день охотники

благополучно добрались до избушки и свободно вздохнули. Разгрузив нарты, пока было светло, Тюка сделал небольшой круг и прошёлся по лыжне,— следов волчьих не обнаружил. После ночного отдыха в тёплой избушке всё-таки перед уходом в тайгу Мосей снял с бечевок из прихожей куски оленины и занёс во внутрь, подальше от греха. И, оказалось, не напрасно. Вернувшись вечером, люди обнаружили не только натоптанные круги вокруг избушки, но и усердные попытки хищников лапами сделать подкопы у стен, изгрызенный край дверцы, и хорошо, что окошко было закрыто ставней.

Неожиданно возникшая ситуация оборачивалась беспокойством охотников уже не на шутку. Весь вечер с угрюмыми лицами Мосей и Тюка думали, что придумать, чтобы каким-то образом дать отпор волкам. Наконец, выбрали вариант со сквозным загоном. С утра из вырубленных кольев сделали невысокую окружную сквозную изгородь, в центре которой на вбитый кол привязали кусок оленины, а напротив установили лук с натянутым пучком из трёх связанных стрел. Протянутая тонкая верёвочка от приманки и привязанная к тетиве служила сторожком.

Потратив почти полдня времени, охотники поспешили на маршрут. Смеркалось, когда люди осторожно подходили к избушке, возвращаясь из леса. К радости, ловушка сработала, колья были разворочены, пятна крови и клочья серой шерсти на разрытой площадке говорили о том, что зверь скорее всего ранен. Глубокая снежная борозда со следами крови уходила в глубь леса. Под вечер преследовать смысла не было и охотники вернулись обратно. «Ну вот, получил злодей своё,— радовался Тюка,— больше не захочет нос совать... Жаль, что и приманку утащил с собой». «Чтоб тебе околеть!»— погрозив кулаком в сторону уходящей тропы, добавил Мосей. И, действительно, прошла уже неделя, а волки больше не появлялись. В один из дней, прямо около лыжни собака обляяла куницу на старой сосне. Пришлось срубить дерево, так как зверёк находился внутри в прогнившем канале ствола. Постукивая тихонько топорами от комля до вершины, Тюка выманил рукавицей вцепившегося острыми зубами зверька и голой рукой цепкой хваткой снизу придушил его. Такое редко случалось, но и на сей раз умение и сноровка не подвели охотников. А через день ещё одну куницу выкурили дымом из-под валежины, где уже опытная Гунька отличилась, одним броском настигнув зверька и вмиг придушив его. Следует учесть, что не каждой собаке удается поймать куницу, ибо последняя может так «обидеть» ловца укусом за морду, что у того тут же пропадает всякое желание повторить ещё раз подобное действие. Только специально натасканные собаки могут безболезненно побеждать ловкого «противника». За десять дней охоты добыча составила шесть куниц и один соболь, не считая двух зайцев и трёх глухарей.

Не теряя впустую свободные дни, решили отправиться вниз по ручью разведать западное направление. Пройдя верстов десять, ручей перешёл в озеро длиною в полтора версты. Примерно половина водоёма была открытой, а над водой от мороза клубился пар. Любопытство превзошло всякие ожидания. В середине озера вода играла большими водоворотами, обдавая обледеневшие берега небольшими волнами. Таких мощных ключей Мосей и Тюка никогда и не видели. Удивлённые чудным явлением они молча стояли на берегу, вглядываясь в светлую пучину вод. В конце озера ручей вытекал во много раз шире и глубже.

Местами по руслу тянулись узкими ленточками промоины. Тропы, проложенные выдрами по берегам, то исчезали в лунках, то вновь появлялись за поворотом. Скоро берега совсем перешли в крутые склоны лесных бугров. Дальше идти вперёд время не позволяло, и охотники повернули обратно. По пути выбранные места для ловушек и сам маршрут отмечали затёсками. Что было интересным, следов росомахи и лисы встречалось больше, чем куньих, а значит и плашек покрупнее следовало изготавливать. Весь следующий день потратили на конструирование орудий лова, более массивных и тяжёлых, чем обычные.

С момента их установки не прошло и двух дней, как ударили жестокие морозы, ночью даже огонь в печке постоянно приходилось поддерживать. Вокруг от холода всё трещало, и стоял стойкий туман.

«Боже мой, всё-таки придётся бока помять несколько дней на лежаках,— говорил Мосей.— Хоть бы дров хватило».

«Должно хватить, если что, сходим за сушиной, здесь недалеко, я заприметил,— отозвался Тюка.— Жаль другое, сторожки примёрзнут, вот тогда будут дела».

«Я всегда раньше думал, что когда морозы крепкие,— продолжал Тюка,— как же дичь под снегом не замерзает, сидя там по несколько дней и не питаясь ничем? Ладно, у зверья мех тёплый да жира хватает — это понятно, а у птиц совсем не так, им летать нужно».

«Да, птицам, конечно, намного хуже, некоторые замерзают и дохнут,— говорил Мосей.— Я сам замечал, особенно рябы».

«Вобщем-то, сейчас мы сами как рябы, если бы не избушка да огонь,— рассмеялся Тюка в ответ.— Но главное, мы существа, божьи создания, самые развитые, умные и умеющие творить. Жаль только одно — не умеем летать».

«А, может быть, когда-нибудь люди научатся летать, как птицы?— с оживлёнными глазами продолжил Мосей.— А почему бы и нет, приделать крылья большие и хвост веером прикрепить сзади и...»

«Ха-ха-ха,— опять громко засмеялся Тюка.— Вот ты полетишь, а тебя ветер унесёт куда-нибудь в облака и будешь святым...»

«Хватит гоготать, лешего разбудишь,— сам, улыбаясь, просил угомониться его Мосей.— Давай лучше чулок свой заштопай, а то пальцы через бахилу вылезут».

Долго ещё болтали и смеялись над своими фантазиями два дружка, пока оба не уснули.

Продрогший от холода первым проснулся Мосей. Весь съёжившийся он растянул своего товарища и принял растапливать давно потухшую печку. Однако Тюка не нашёл в себе силы подняться с лежака, что-то пробурчав себе под нос, укрылся с головой накидкой, свернувшись в «калачик». Когда дрова разгорелись, Мосей полностью открыл дымоход и откинулся на лежак. Одна лишь собака не показывала никакого беспокойства, а спокойно продолжала лежать клубком около печки, изредка поглядывая своими зенками на хозяина. Яркий огонь жёлто-красными бликами освещал тёмные стенки и плавно «раскачивал» толщу дымовой пелены под потолком. За окошком медленно брезжил холодный рассвет.

Всё бы ничего, но на восемнадцатые сутки пребывания в глухой тайге какая-то внутренняя тоска по родному дому начала одолевать обоих охотников. То ли

усталость, то ли проклятые морозы, то ли одиночество давили на мозги так, что наступала апатия уже ко всему. Пропал и аппетит к пище, и азарт к охоте. Даже добытая с большим трудом росомаха, которая вырвалась из ловушки и, пройдя версты четыре с переломанными задними лапами, залегла под валежиной, где и стала трофеем, — не прибавила большой радости усердным промысловикам. Они не жаловались друг другу, но по глазам было нетрудно угадать непривычное состояние каждого. Такое бывает, когда занимаешься одним и тем же делом долгое время в одних и тех же условиях. Потратив ещё пару дней на обход угодья, чтобы снять ловушки, Мосей и Тюка приготовили всё необходимое, снарядили нарты и ранним утром следующего дня отправились в обратный путь домой. Как будто появилось второе дыхание, несмотря на довольно холодную погоду, они скользили на лыжах бодро и уверенно. Труднее, пожалуй, было собаке, которая часто проваливаясь в снегу, бежала по лыжне сзади них.

Одержаные мыслями о скорой встрече с родными, эти люди мужественно покоряли и усталость, и холод, и стужу, и трудные версты далёкого пути.

Год спустя с небольшим в мае месяце сразу после Пасхи Мосей обвенчался с Люлей. Ни для кого из сородичей такое событие не было неожиданностью. Молодые друг друга знали давно и несколько лет готовили себя к этому торжественному моменту, заранее зная, что родители обеих сторон ничего против не имеют. До августа молодая супружеская пара жила у Луки, а потом перешла в свою новую избу. Так началась самостоятельная жизнь Мосея. К этому времени его родители, старейшина Лука, утомлённый частыми болезнями, сильно сдал здоровьем, а к зиме и совсем слёг.

Будучи ещё в здравом уме, он распорядился собрать Совет общины и объявил старшего сына правопреемником и просил членов Совета утвердить Мосея старейшиной. По сути утверждение на Совете было по большей части формальностью, но того требовала установившаяся ранее традиция. Никаких возражений не поступило ни от кого, и только прослезившиеся глаза верных друзей печально смотрели на дрожащую руку своего отца-благодетеля, когда тот медленно выводил свою подпись на пергаменте. Все понимали, что Луке осталось жить недолго. После торжественной клятвы, произнесённой Мосеем у священного столба перед сородичами, те поклоном ответили ему и молча разошлись по избам. Ещё через месяц вся община проводила в последний путь любимого Луку. Он умер, когда ему было всего сорок пять.

Глава 3. «Испытания»

Август 1699 года выдался сухим и тёплым, когда в семье старейшины родился третий ребёнок — дочь, назвали Феней. Первенец — сын Лука, названный в честь покойного деда, четыре с половиной годика от роду, рос светловолосым кудряшом, на год младше его — дочка Марфушка, вся была в маму — тёмно-русые волосы, большие глаза, курносенькая. И теперь ещё одна дочка своим появлением на свет принесла большую радость в дом. Мосей всю ночь не спал,

волновался за свою жену, у которой начались схватки и только к утру всё разрешилось благополучно. Старушка Огра, принимавшая роды, успокоила старейшину, что всё прошло хорошо и девочка здорова. Народ уже томился у дома, когда счастливый родитель бережно на руках вынес завернутое в серую тряпичку дитя на крылечко и поднял над головой. Толпа радостно заулокала и встретила поклонами, осыпая возгласами поздравлений.

Празднество продолжалось весь день, так как все работы были отменены, кроме хозяйственных забот личного подворья. При делах оставались только мальчишки, которые пастушили коз и лошадей на окраине деревушки. Малышку нарекли Фроськой.

Через несколько дней Люля, ещё слабая, но уже хлопотала по хозяйству. Мосей вместе со всеми с утра до позднего вечера пропадал на дальних сенокосах. Страна завершалась, и все мужчины торопились уложить последние стога и огораживать их, пока дождей не было. Часто вечерами приходила в гости старушка Огра, а вернее сказать, помочь молодой маме по уходу за детьми да ещё и потому, чтобы уберечь их от разных болезней. Хотя в доме всегда хлопотала по хозяйству матушка Люли, любимая свекровь, такая опека и забота над семьёй Мосея была естественной и понятной для всех окружающих. Вообще, в общине среди семей царило почтение и уважение друг к другу, несмотря на случавшиеся ненужные ссоры. Случалось и такое, что глава какой-нибудь семьи нет-нет да и «учил» кроткости и послушности свою жену тумаками, но об этом, как правило, никто не судачил и «сор» из избы не выносился.

В целом, жизнь в общине протекала по своему устоявшемуся календарному кругу. Лишь погодные катаклизмы могли вносить свои некоторые коррективы в планы обитателей. Каждый месяц играл свою роль строго по своему назначению: после сенокосной страды начиналась уборка урожая, а с наступлением заморозков в сентябре занимались рыболовством и добычей боровой дичи; в октябре промышляли лосей и оленей; в ноябре почти вся добрая мужская половина отправлялась в тайгу на пушнину... И так из года в год.

Однако, кроме всех прочих забот, Мосея беспокоило совсем другое. В прошлом походе на Большую землю приходилось ему от многих людей слышать об учёте вольных зырянских общин и их имуществах, а также образований новых поселений на Северных землях по указу самого царя Российского. Не выходил из головы и недавний разговор с Вашкинскими охотниками на берегу Большой реки, от которых он и его товарищи узнали об экспедициях государевых людей в эти края.

«Чай, грядут перемены», — сидя у окошка на лавке, про себя размышлял Мосей. — К худому аль доброму?»

Действительно, трудно было предполагать, чего ожидать в будущем. «Ведь главное, вольная жизнь и без того тяжелейшая вряд ли слаше мёда будет, хотя,— почесав свой лоб, подумал он,— Бог не даст в обиду».

Очередной поход на Большую землю завершился только перед крещенскими морозами. Пожалуй, он стал не только самым трудным, но и трагичным. Потеряли в пути одну лошадь, которая сломала переднюю ногу и, поэтому, пришлось пустить под нож. Тяжело заболевшего Григория вынуждены были оставить на милость божью в далёком пермском селении у знахаря за пять шкур выдры. Да к тому же, двое захворали неведомо какой хворью. И заветных товаров доставили

немного. Несмотря на привычные заботы и дела, что-то тревожное поселилось в души людей. Потянулись тягучие дни и недели. Через месяц заразная болезнь свалила с ног ещё четверых. Вскоре двое умерли, несмотря на все принимаемые усилия и чудодействующие отвары из лекарственных растений.

На очередном Совете Мосей выглядел взъярённым и несколько растерянным. Настроения участников выражали нервозность, и разговор не клеился. Старишина с грустью читал в их глазах явную тревогу и страх. Однако, он сам не знал, что делать. Главы семей предлагали самые разные варианты, как избавиться от страшной болезни. В конце концов согласились на том, что всех больных надо изолировать от семей в отдельную избу и таким образом их попытаться излечить снадобьями, уповая на милость божью.

«Если мы так не сделаем, то мор не пожалеет никого из нас», — такими словами завершил Мосей и поставил точку в тяжелейшем обсуждении.

Сильные духом люди, каждодневно переносившие тяготы и лишения, не впали в отчаяние, а молча и терпеливо боролись за своё выживание. Мосей, как мог, старался подбадривать каждого. Сам неустанно трудился вместе с другими мужиками и, возможно, больше всех переживал за будущее. Казалось, эпидемию удалось обуздать, но ещё две невинные души покинули земной мир, так и не дождавшись весенних оттепелей. Люди с нетерпением дожидались схода снега, чтобы потом окончательно определиться: покинуть обжитое место либо оставаться жить дальше. Об этом думал каждый, и каждый надеялся выжить.

В апреле, как назло, припасы заканчивались, особенно зерновые. Хорошо, на двух глухариных токовищах удачно поохотились молодые охотники. Трофеев добыли больше двух десятков, в основном, на силки. Обитатели общины, занятые нехитрыми ремёслами, торопились встретить очередную долгожданную весну в полной готовности.

Как-то ранним утром Тюка и Никола по твёрдому насту спустились по реке к Большому омуту, где перемычки-ловушки были устроены на налима и щуку. Появившиеся забереги разливались на излучинах, и Никола постоянно окликнул собак, когда те подбегали к открытой воде. Короткие камусовые лыжи легко скользили по искристому хрустящему снегу. Озорной морозец щипал нос и щёки. Красное солнце поднималось из-за леса, окрашивая лучами верхушки деревьев и дальний горизонт. Добравшись до места, молодые люди умело и ловко отбили пешнями лёд и вытащили колья из воды. Подняв вентеря, вывалили рыбу на снег, радуясь улову. Как раз в это время одна из собак притащила к хозяину откуда не весть кусок свалывшейся шкуры.

Тюка, отобрав из собачьей пасти находку и рассмотрев повнимательнее, поделился вслух со своим товарищем: «Посмотри — да это же рваная шапка из Выдриных спинок с ушами. Странно, интересный пошив с двойными узлами крестиком, таких мы не шьём. Давай обойдём местечко. Вон там!» Пройдя по еле заметным следам собаки, оба обогнули склон, затем среди елей почти у самого берега заметили обветшалый навес из прошлогодних сухих ветвей.

Подойдя поближе, рыбаки увидели страшную картину: человеческие останки в позе клубка с остатками стенившего козьего полушибка, наполовину засыпанные снегом, покоились под деревом. Шест от копья со сломанным концом торчал сбоку от комля.

«Господи! Это человек! Откуда он? — залепетал взволнованный Никола.— Свят, свят, свят! Сохрани наши души! Пошли отсюда, Тюка, нашим сообщить надо».

Позже четверо мужчин на нартах перетащили останки «чужака» до ворот общины. Мосей лично осматривал обнаруженное содержимое в кожаном кошеле: истлевший кусок пергамента, нательный медный крестик, и в придачу топор и копьё. На следующий день мужчины захоронили останки безымянного христианина чуть в сторонке от общинного погоста. Понятно, что подобный случай никак не мог прибавить бодрости. И всё же Мосей думал совершенно о другом, нежели его товарищи. «Если этот незваный незнакомец добрался до наших мест, значит где-то есть и другие селения и, наверняка, не ахти как далеко,— размышлял про себя старейшина.— Скорее всего тоже у реки. Точно — у Большой реки! Жаль, что пергамент не сохранился. С чем он шёл, бедняга, одному Богу известно было». Время шло, а роптанье среди сородичей продолжалось.

Больше всего угнетала атмосфера страха и неуверенности. Каждый держал свой «камень» в глубине души, хоть и не показывал.

Причём, из трёх оставшихся тяжело больных до ледохода не выжил никто. На том и закончилась эпидемия. Слишком дорогой ценой заплатили ирвинские обитатели за своё будущее. За зиму потерять семь человек — это трагедия. В двух семьях отцов заменили старшие сыновья.

В конце мая после посевных работ по решению Совета отправились в дальнюю экспедицию на Большую реку Тюка с Некой и Юрием. На двух новеньких «долбленах» с благословения старейшины и под поклоны своих земляков трое отважных с восходом солнца отчалили от родного берега. С собой они везли письменное послание Совета ирвинской общины, обращённое ко всем жителям Большой реки о налаживании добрососедских отношений и обменно-торговых связей. Пожалуй, впервые поистине мудрый шаг в сторону от устоявшейся традиции обособленности был сделан велением времени и обстоятельств. Мосею всётаки удалось убедить других, что «в одиночку выживать из года в год не только тяжело и опасно, но, главное, бесперспективно. Очевидно, что последние события, связанные с эпидемией, явились тому свидетельством, к тому же частые неурожай сколько раз ставили всех на грань вымирания. Весомые аргументы не давали поводов главам семейств сомневаться в правильности принятия единого решения. Да, риск оставался перед неизвестностью. Ведь возникало много встречных вопросов: С какими людьми налаживать отношения? Кто они — друзья или враги? Однако выбор состоялся и сейчас всё зависело от трёх посланников, на которых была возложена хоть и опасная, но благородная и ответственная миссия. Среди подарков Мосей оставил от себя ожерелье из медвежьих клыков и напутствовал Тюке его «подарить в знак уважения главе самого большого селения, а значит, самого богатого». Перед экспедицией Мосей принял участников у себя в избе и после трапезы дал наказ составить схематический маршрут движения вверх по Большой реке.

Так начинался новый отсчёт исторического времени и вряд ли ирвинцы предполагали о новых переменах. Они жили своими надеждами на лучшее и молились о скорейшем возвращении сородичей с добрыми вестями.

Не прошло и трёх недель, как путешественники вернулись домой. Усталые, закопчённые, но радостные лица говорили о некой удаче и отнюдь не предвещали

разочарованием. Действительно, то о чём рассказали посланники, явилось открытием и неожиданностью. Оказывается, в верховье Большой реки, что в пяти днях подъёма, основано поселение пришлых — «чудских». «Люди они русые, рослые, языком отличные, хотя и наш разумеют. Оружия разного много. Огненная кузня есть и много лошадей и коз. Одёжа лучше и шапки меховые с наплечниками. У Главы крест на груди и медальон. Ведает грамотой Великого Новгорода», — сбивчиво и непоследовательно говорил Тюка. Затем поправляли и дополняли рассказ Юрий и Нека: «А ещё собаки лохматые, грозные. Лодки как баркасы, есть и пироги — «долблёнки». Соль добывают на красном болоте. Места богаче, чем наши. Вообще, вроде бы степенные, но воинственные. И грамоту как послание передали для тебя, наш Родитель. Причём, как подарок дали поровну зерно, соль, холст и, главное, железный котёл. Осенью готовы с нами встретиться».

Любопытство присутствующих не иссякало, и каждый старался спросить о самом разном.

Бойкий на язык Нека усердно, жестикулируя руками, подробно описал лики Богов, вырезанных из дерева, яркие кокошники женщин, украшенные бисером, короткие широкие мечи на поясах мужчин, барабаны, обтянутые кожей, горны и дудки-свистульки...

С удивлёнными глазами, взбудораженные люди бурно реагировали хлопками ладоней и даже улюлюканьем, слушая дивные прерывистые рассказы.

Всё бы ничего, но каждый понимал, что их доля гораздо тяжелее в сравнении с «чудскими» обитателями.

Возможно, кто-то в глубине души скрывал свою зависть, а некоторые открыто восхищались, задаваясь вопросом. А тут ещё и Нека нечаянно выпалил: «Эх! Приняли бы они меня к себе, пожил бы власть!» Сразу возникла пауза. Однако Мосей не рассердился, а просто спокойным голосом, улыбнувшись, произнес: «А что! Вот сладим с ними и не хуже их будем жить, и будет вдоволь того, чего сейчас не хватает, и огненную кузню построим, и шелковые рубахи носить будем.., а пока строить нужно да детей растиль». На том и разошлись по избам. Солнце клонилось к закату и только лай собак разрывал тишину летнего вечера.

Как-то в один из дней Тюка завёл странный разговор с Мосеем. А тот никак не мог уразуметь, что его друг хочет сказать. Наконец, почесав короткую, но аккуратную бороду, выдохнул и прямо заявил: «Дорогой мой, Мосей, я тебя давно знаю и почитаю, я верно и честно трудился на благо всех, а теперь хочу покинуть с семьёй родное селение, перехожу к «чудским»».

Мосей оторопел сначала, но тут же резко обронил короткую фразу: «Не позволь род позорить!»

«Прости меня, но я решил...» — тихо произнес Тюка.

«Покинуть свой род — это великий грех перед памятью предков и перед Богом. Пусть люди решат, а твоё сердце пусть подскажет правильное решение», — закончил разговор старейшина и отошёл в сторону. Не находя себе места, Мосей долго сидел на берегу, пытаясь пересилить своё бессилие. Он мысленно обращался к отцу и просил совета у него. Душу раздирало от обиды и боли, ведь речь шла о его закадычном друге. Он никак не мог понять истинную причину намерений Тюки. А если другие захотят покинуть общину? Он и себя винил в сложившейся ситуации, ибо считал, что где-то допустил просчёты.

Через день у священного столба собралась вся община. Мосей с трудом объявил роковую новость и предоставил слово Тюке. Люди молча выслушали последнего и разделились во мнениях. Часть присутствующих осудила решение Тюки, часть высказалась за свободный выбор, а остальные, то есть большинство, промолчали. Ситуация разрешилась после слов старейшины: «Пусть Бог будет ему судьёй». И все поняли — отпустить с миром и есть «саламоново» решение, окончательное и бесповоротное. Не поднимая глаз, Тюка низко поклонился всем до земли. Его жена в длинном сарафане, обливаясь слезами, вместе с двумя детьми также рас прощалась поклонами. Назавтра семья Тюки покинула навсегда родное «гнездо».

Через два года Тюка провалится под лёд и утонет. А жена и дети проживут долгую жизнь в далёком «чудском» селении.

Глава 4. «Благословение»

Последние семь лет не прошли даром. Многое изменилось в укладе жизни, но традиции ирвинцев бережно сохранялись.

Селение обрело другой облик. Уже более десятка жилых изб, не считая хозяйственных построек, компактно, полукругом красовались на берегу реки. Обновлённая высокая изгородь светилась острыми пиками, очерчивая границы деревушки.

Давно уже ушли в мир иной бабушка Огра, мать Мосея — Гуля, славный грамотей Фоня. Уже два года прошло, как пропали Никон со своим сыном Сергием, которые уехали на Вашку с пушниной да так и не вернулись.

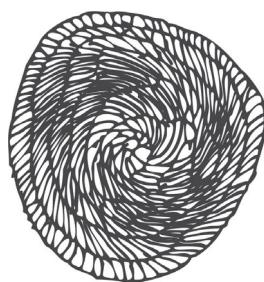
«Да, когда-то Мосей обещал, что будем носить шёлковые рубахи — и теперь носим, построим огненную кузню с мехами — построили в прошлом году, купцы сами стали заезжать к нам! Где это видано! Казённые люди нас почитают!» — горделиво хвастал седой Турья, сидя на лавочке с малолетними детьми. — Учились детки, ума-разума набирайтесь и милость божью принимайте на благо родной земли.

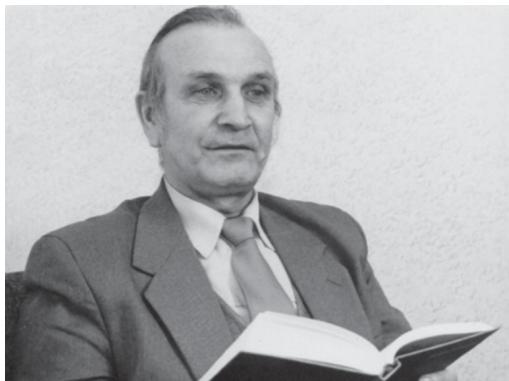
Вот жил когда-то Фонька, грамотный и умный. Он и меня подучил азбуке. Правда, мне некогда было, да не стал вникать». Детки облепили деда и смеялись, когда кто-то дёргал за длинную бороду. Но стоило Турье зыкнуть, как все притихли. «Ах, птенцы. Вам бы баловаться. Счастливые, вы, шалунишки,— продолжал разговаривать дед.— Ладно, пора и честь знать. Пойду схожу на кузню». Хромая на повреждённую ногу, Турья поковылял в сторону дымящейся полуzemянки.

По пути встретились с Мокой, который шёл от смолокурни с туесом дёгтя. Разговорившись, оба обсудили вопрос о венчании своих детей, младшеньких Нила и Люли, но уже взрослых. Условия как нельзя лучше благоприятствовали созданию очередной новой семьи. «Красавица-изба возведена и готова принять молодых, а остальное всё приложится», — так думали мудрёные жизненным опытом главы семейств обеих сторон. Понятно, что жители общины приветствовали подобное решение и пребывали в ожидании образования новой семьи.

В один из осенних дней, как и подобает, у священного столба состоялось общее празднество по поводу венчания молодых. Старейшина благословил чету, приложив крест ко лбу жениху и невесте, объявив о свершении брака на небесах. В своей напутственной речи Мосей не без гордости произнёс: «С момента основания родовой общины нашими благословенными родителями прошло всего рождение двух поколений. Земля-матушка приняла нас и волею божьей мы выдержали многие лишения и утраты. Потомство наше окрепло и выжило. Во имя Христа призываю Вас на благие труды и старания. Возрадуемся свершениям, терпению и разуму. Лишь сохранив веру и единство, мы сможем перебороть все трудности. Помните об этом. Будущее в руках наших детей. Благослови нас, Господь. Спаси и сохрани!»

Через год была построена первая часовня, внутри которой красовался образ Христа, вырезанный из дерева Нилом с благословения старейшины. Священный столб ещё простоял ровно пять лет до самой смерти Мосея. Мудрый старейшина уснул навеки с застывшей улыбкой на устах. Родовые корни сохранились до наших дней.

Василий Лодыгин

Чужис 1947 вося январь 6 лунёй Кулёмдін районса Габов грездын. Помаліс Керчомъяса шёр школа, Коми государственной педагогической институт. Служитіс армияын, велдіс школалын. 1972 восянь журналисттало. Оңи «Коми мү» газетлөн Кулёмдин районын корреспондент.

Поэт. Ләдзис кывбургъяса 8 небög. Тасыттарда дасыттіс поэттәяслыс 4 ётувъя сборник, кодъяс сідзжө воисны лыддысысьяс дінд.

Ләсъöдд и сыланкывъяс. Сылён водзмостчомён котыртёма да быд во мундёнія коми сыланкывъяслён республика тшуупёда «Василей» фестиваль-конкурс.

Россияса писателяслён да журналистъяслён котыръясö пырысь. Коми Республикасы культураса заслуженной уджалысы.

Керка

* * *

Ог тусьён кёдз, а эскомён,
Да чайта: чужас бур.
Уль арын битö пестымён,
Да оз мёй сирёд сюр?

Быд ягын мырыйыс тырмымён,
И нюрын сійё эм.
Би ёзъяс — дугдам сырмыны,
И шоналас тшётш вем.

Кор нёшта съёлём посялас,
Сэк йиджас, гашкё, кыв,
Мый мортлы олём лёсялёр,
Кор бесъяскёд оз сыв.

Став лёксё венё югыдыс,
И биыд кё оз шед,
То, кыдзи вёчö мукёдыс,
Вай менам вылёр пет.

* * *

Меным нинём вузавны,
Медым тшёга овны.
Ог и кёсайы гусявын,
Лёксё вёчны ловлы.

Вёрыс-ваыс вердё да,
Сійён на и пёта.
Дерт, и уджтё бергёда,
Сійös ёна тёда.

Пышкай тусь и кокыштö
Да со нэмсö сылё.
Енмыс сійös окыштö,
Кодös ловнас кылё.

МЕНАМ ПОТШÖС

Менам потшöсöй öдвакö пöрас:
Сійö — нэмъясöн суалысь вёрыс.
Помся мортыс и, кörтыс и йирö,
А öд суалоö сира и вира.

Сійö тöлöс и вёрögöс кутö,
Дориö сьёлёмсянъ ас чужан мутö,
Кöni олоны шудыс и шогыс,
Кöni ловъяёс бурыс и лёкыс.

Кытысь ветлöны матö и ылö
Да бёр локтöны кильчöяс вылö.
Кодлы висьталан, сьёлёмад мыйыс,
Кöni овлö и нянь вылö выйыс.

Менам потшöсöй öдвакö пöрас:
Сійö — некорсö бырлытöм вёрыс.
Абу кок улö лёсъёдчыс идзас,
Сійö-й ме бёрын локтысъёс видзас.

* * *

Ловъя керкаыс сулалö уна,
Но и уналöн öшинын пöв.
Сьёлёмшörъясöй, гортысь эн мунöй,
Йöзад олöмыд — чеплялысь тöв.

Сюрас чöскуда сëйны да юны,
Но мам чышъяна öшинь оз сюр.
Сьёлёмшörъясöй, гортысь эн мунöй,
Мамтö бöрддзöдны абу öд бур.

Йöзад позьё, дерт, сыланкыв нуны,
Но ни серсö, ни кöрсö он ну.
Сьёлёмшörъясöй, гортысь эн мунöй,
Эн жö вунöдöй ас олан ру.

Кодкö кужжёма важён нин шуны:
Сюа чомыйд пö ортсын оз видз.
Сьёлёмшörъясöй, гортысь эн мунöй,
Сöмын танi öд шудыс да мич.

* * *

Помнитöны сiйöс,
Кодi мортöс виис,
Кодi керка сотiс,
Кодi деньга лотiс,
Кодi олöм кисьтiс,
Кодi власьтö письтiс.

Вунöдöны сiйöс,
Кодi дорийис миöс,
Кодi лёксö ёрис,
Кодi олöм дорис,
Кодi мортöн олiс,
Кодi йöзлы колiс.

Мортыс мортöс йирö,
Водзöс босьтö вирöн.
Кор на-й бурыс зэвтчас,
Кор на-й лёкыс сетчас...
Гашкö, оз и югды?..
Эскины ог дугды.

* * *

Ыңжыд мамös дзебигён
Кыддзыс волі чаль.
Юсьяс, гортысь лэбигён,
Войтöдисны жаль.

Нелямын во колис да,
Кыддзыс быдса пу.
Танi мыйкö долыда
Нином ме ог шу.

Ачым мыйён ыркала,
Нюждча жö тан.
Енэжсяныс пыркалас
Муса «Шондбан».

Шойна вывлён чукырас
Нэмсö петас чаль.
Сiйö Ярö чукёрлы
Войтöдас век жаль.

* * *

Туйёй тырёма, туйёй бырёма,
Весиг нитш улö сiйö пырёма.

Юёй кулёма, нильёг ульёма,
Абу-й быттьёкё сiйö тулёма.

Вöröй бырёма, кодкö нырёма,
Мича ягъяссö күшбöз шырёма.

Сиктöй дзольмёма, дзикöдз дзольмёма,
Вина юёмись сiйö кольмёма.

Нылёй дзормёма, нылёй нормёма,
Мича платтьёыс сылён кормёма.

Бёрда ырзёмён, Енмös кывзёмён,
Мый и шуасны тыссы кывсö мен?

* * *

Эн кёсйысь, нинём тэ эн кёсйысь,
Мый лоас, тёдö сёмын тун.
Эн вöзйысь, некор тэ эн вöзйысь,
А сидзи юасьтöг и мун.

Эн соссы, некор тэ эн соссы:
Ме тёда тэнсыд гуг и бан.
Эн воссы, некор тэ эн воссы:
Тэ пось, кор менё ылётлан.

Эн велав ме дорö, эн велав,
Ме тэныд вая сёмын шог.
Эн келав мёдъяскöд, эн келав,
Тэ метöг верман, а ме — ог.

* * *

Да, вёлі чуймёдана здук,
Кызд гијкліс Пушкин аслас кадö.
Лöз синъяс гёгыльтчисны матö,
И киысь мыніс öдзös вуг.

Да, вёлі чуймёдана здук,
Ме тэнад мичысь весьбöри.
Но кодкö кызöктыштис бöрын,
И киö пырис öдзös вуг.

* * *

Эдуард Тимушиевлы

Тæköд сёрнитлім Рёдина йылысь,
Шулін: гажа по чужан му.
Ставсо съёлёмад пуктылін сылысь,
Весиг видз вылысь ланьтöм ру.

Тæköд сёрнитлім вöралöм йылысь,
Шулін: шонтö по сiёй лов.
Лыддин таръясöс кызд пуяс вылысь,
Юкин би дорын нянь да сов.

Тәкөд сёрнитлім гиҗёдъяс йылысь,
Шулін: кывбур пё — менам борд.
Корсин рёмъяссö матысь и ылысь,
Медым шоналіс коми морт.

Тәкөд сёрнитлім радейтöм йылысь,
Шулін: муслун пё — ыджыд вын.
Күшöдз юлін тэ чиблъёгсö сылысь,
Быдса вölін тэ, эн вöв джын.

Тәкөд сёрнитам дзик быдтор йылысь,
Орчён сулалан, ловъя пи.
Мый нин, Эдик, лун юғыдас выльыс?
Вай жё Кадамад лэблам ми!

* * *

Эн кор, ме тэ йылысь ог сыв,
Тэ менам вöтын абу важён.
Ме тэнö сьёлёмён ог кыв,
Мый вölі, сiё вölі важён.

Эн кор, ме тэ дiнö ог лок,
Ог вöч ме весиг öти воськов.
Тэ вайин меным сöмын шог,
Эн сет, а менсым сöмын босытiн.

Эн лок, кык керка костсыс пет
Да видзöд: уна öшинь öзйö.
Но тöдiн эсъкё, тöдiн мед,
Мый текöд йöймывны на кöсъя.

Керка

Керка тшуpим-котшкöдiм, котшкöдiм,
Дiныс танi, йылыс сэнi —
Пожём керсö котшкöдiм.

Лэчыд черъяс йöктiсны, йöктiсны,
Тiтши-тотши, тiтши-тотши —
Куим сконён йöктiсны.

Эзысь чагъяс лэбисны, лэбисны,
Варыш бордён, чикыш бёжён
Кытчö гажныс лэбисны.

Срубайыс миян тёлаліс, тёлаліс,
Тувсов тёлён, шоның тёлён
Куим вежон тёлаліс.

Помеч вылö чукостім, чукостім,
Коді эштіс, коді вермис,
Найёс корим-чукостім.

Кодкё керсö матыстіс, матыстіс,
Триня-тронякылысь керсö
Ләптанінö матыстіс.

Кодкё керсö кыпöдіс, кыпöдіс,
Еджың яя пожём керсö
«Раз-два, взяли!» кыпöдіс.

Кодкё ёдйö нитшкасис, нитшкасис,
Яг выв нитшкён, шабді нитшкён
Дас вит судта нитшкасис.

Керка миян кыпаліс, кыпаліс,
Зарни банана, шонді банана
Керка миян кыпаліс.

Ваньёлы да Маръялы — гозъялы,
Томъяслы да, буръяслы да —
Ваньёлы да Маръялы.

Мед и-й олёны-вылёны,
Мед и-й тайё керка помас
Тырыс челядь кылёны.

Кадам

Гежёдика овлö гыа,
Сийё ёнджақасö рам.
Олан руа, олан шыа
Миян саридзным — Кадам.

Нюрын — мырпом, съёртын — съёла,
 Ваын — чери, ягын — койт.
 Муа-енэж костын йёла,
 Пуа-ордым костын — мойд.

Татчё волан — съёлём съылёт,
 Тані олан — радлёт лов.
 Мичсё аддзан, шысё кылан,
 Сэсся нинёмыс оз ков.

* * *

Гёрдон, и лёзён, и вижён
 Лёсталё енэжлён вый.
 Сюрсысь нин тэ йылысь гижи,
 Ещё нё шуала мый?

Кодлыкё тулысыс — ётчыд,
 Миянлы — во гёгёр чёж.
 Кызд пус мозыс и вёччи,
 Налысь и югыдсё чёж.

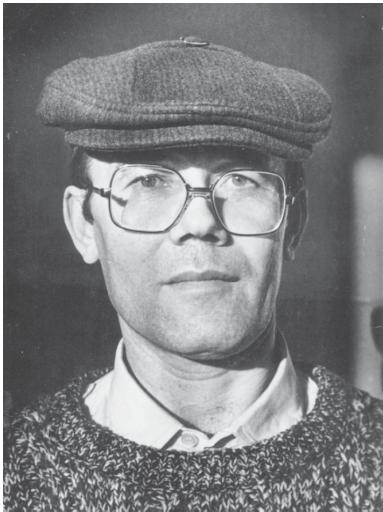
Абу на берегын пыжным,
 Небыд на ныыв лыска воль.
 Чоскыд на шомакодь ыжман,
 Юмов на пельсыльён моль.

Овлёт кёть гёлёсой гора,
 Овлёт кёть чужёмой кын,
 Локтан на съёлёмой дорё,
 Эмышт на, буракё, вын.

Кытчёкё лэбёны вояс,
 Бёжёдыс найёс он кут.
 Менсыым тэ юкыштан дойёс,
 Тэнайд ме юкышта шуд.

Мыйсё кёть шуасны йёзыс,
 Съёдыс оз еджыдсё вен.
 Мысъкало енэжлён лёзыс,
 Видзё и, буракё, Ен.

Водзё на, водзё на олам,
 Нянь вылын овлёт на вый.
 Мыйкё вот шуны на колё,
 Шуны на колё, но мый?..

Алексей Попов

Попов Алексей чужжліс 1950 воын июль 25 лунёй Кёрткөрёс районса Ылджыдвидз сиктын. Дас класс помаліс Шойнатыын. Уджалыс совхозын. Армияны служитомъ бўрын веськалис Кёрткөрёс районса «Звезда» газето. Уджысь орёдчытогъ помаліс Сыктывкарса университетлысы история юкён. Медвондза висьт «Войвыв кодзуў» журналын йўзёдис 1971 воын. Сий кадсяныыс гижёма уна висьт, повесът да пъеса. Петалисны небёгъяс. Пъесаяссö пуктисны Сыктывкарлын, Набережные Челнын, Рубцовскын, Балашовын да нёшта уна каръясын. Сетёма «Коми республикаса заслуженнёй уджалысь» ним. Донъялому Виктор Савин нима Государственной премияён. Пасйома Российской Федерацииса культура министерстволон «За достижения в культуре» знакён. Пыртёма Россияса гижысь котыро.

Чудь мыльк

Кык юкёна драма

В О Р С Ы С Ъ Я С:

ВАСЬКА ЁГОР
ПОЛОМ АГНИ
ЛАДИМЕР
НИНА ПЕТРОВНА
ДЕМИД МИШ
НИМТЁМ МОРТ

Первой юкён

Петкёдчомыс вёчсёй сиктса керка дорын. Йёрас нинём сэтшомыс абу. Синмё шыбитчанаыс сёмын ыджыдкодъ мыльк. Кильчо ёдзёсис видзёдё заллань. Посводзыс пемыдкодъ. Кильчо вылын пукалё Васька Ёгор. Недыр мысти мыччысъё Демид Миш. Ёгор сийёс казялём бўрын кёсий пырны, но мунысь сувтёдё.

ДЕМИД МИШ. Ёгор, век на дузъялан?
ЁГОР (*сувтё*). Мыыйысь?

ДЕМИД МИШ. Эн йой улё лэдчысь. Быттьё он тёд.

ЁГОР. Ёнасö эськё ог лёгав да. Но оз жё ков вёлі тадзисё вёчны.

ДЕМИД МИШ. Он на некытён уджав?

ЁГОР. Ог, дерт. Вётлін да. Сиктад нö сэсся совхозсыд öприч кытысь уджсо аddзан.

ДЕМИД МИШ. Уджалысь мортлы век сюрас, мый вöчны. Сымыд кö абу...

ЁГОР. Кытысь нö сюрас. Эг мöй нö корсъ. Некодлы ог ков да. Тэ тодмыш-калиң-а. Нином абусыыс. Удж выло сёрми да. Быттьö мукöдыс оз сёрмывлыны.

ДЕМИД МИШ. Тэнö жö кыкысь нин öлöдлöма вöлі. Эн кывзысь. Со и...

ЁГОР. Мыйла нö мукöдыслы нином эн шу? Сöмын менö аддзин.

ДЕМИД МИШ. Тэнö, дерт. Кодös сэсся.

ЁГОР. Дыш весиг сёрнитнысö. Став олöмöс дзугин!

ДЕМИД МИШ. Ме дзуги?! Öшöд меным сэсся став мыжсо. Гашко, сёрмынысö ме жö тшöктä да?

ЁГОР. Тэköд вензьöмыд — пачköд люкасьюм кодь жö. Дыш...

ДЕМИД МИШ. Эн гыбав! Шулі нин тай, мый меным паныд шуёмсыд гачтöгыд колян.

ЁГОР. Эн дöзмы. Пöсъ вылысь артмис. Верстёö мужик, а горт ола.

ДЕМИД МИШ. Мый нö лёкыс?

ЁГОР. Бöрсö нö, Михаил Демидович, менö он босыт?

ДЕМИД МИШ. Местаыс абу да.

ЁГОР. А лоö кö?

ДЕМИД МИШ. Сэки видзöдлам. (*Мунö.*)

Васықа Ёгор бёр пуксъё кильчö вылас. Тöдчö, мый мыйысыкё ёна майшасьё. Ветлöдлышиштö, бара пуксъё.

НИМТÖМ МОРТ (*пукалö пемыд посводзын, сöмын мыгöрыс бок ногён ты-
дышиштö*). Ёгор.

ЁГОР (*чепöсмунö, гёгöрбок видзöдалö*). Кодi нö шыасылiс? Некод абу да. Каститчö нин али мый?

НИМТÖМ МОРТ. Танi ме. Посвоздзад.

ЁГОР (*бергöдчö сылань, вель дыр видзöдö*). Кодi нö сэнi? Гёлöс сертиыд ог и тöд? Кор нö посвоздзас пырин? Некытчö на эг ветлы да.

НИМТÖМ МОРТ. Неважён.

ЁГОР. Эн сöр. Ме дорти некод эз мун да. Кодi нö, мися, тэ?

НИМТÖМ МОРТ. Тэ менö он тöд.

ЁГОР. Кызд нö посвоздзöдзыс пырин? Тöдтöм кö?

НИМТÖМ МОРТ. Пыри тай. Тэныд отсöг выло вои.

ЁГОР. Меным некутшöм отсöг оз ков. Абу на тай драглой. (*Повзышиштö
кодь.*) Тэ шыш али мый? Тюрмасыс пышин?

НИМТÖМ МОРТ. Абу. Абу пышъялысь. Висьталi тай, мый тэныд отсöг выло вои.

ЁГОР. Тöдны со тэнö некыдзи ог вермы. Кытысь нö эсъкё тэ? Вылысь али улысь?

НИМТÖМ МОРТ. Эстысь.

ЁГОР. Тэ висьталан кö, то бура висьстав! Кутiн сэнi бызгыны. Он кö кут морт ногён сёрнитны, босыта да шошабöдый посвоздзыыс петкöда.

НИМТÖМ МОРТ. Он ёд лысът-а. Он ёд? Кыла ёд, мый полан. Збыль ёд полан?

ЁГОР. Быть ёд пов. Кылём ни тёдём усин кытысьkö да. Тэ ордö кё тадзи другён посводзöйд пырасны — видзöдлам, повзян он.

НИМТÖМ МОРТ. Меным повны ниномысь.

ЁГОР. Меным, сідзкё, ниномысь жö.

НИМТÖМ МОРТ. Эн сёр. Меысь нином дзебны он вермы.

ЁГОР. Коді нё эськё тэ?

НИМТÖМ МОРТ. Ачыд тёдмав.

ЁГОР. Кыдзи нё тёдмала? Он висътась да.

НИМТÖМ МОРТ. Тэнад ылыссса рёдняыд.

ЁГОР. Дугды. Менам некутшöм тэ кодь ылыссса ни матыссса рёдня абу. Сöран сэні.

НИМТÖМ МОРТ. Ог. Ог сёр. Юасян да, со висътаси. Шуа тай, мый отсышты вои. Шуа тай, мый дзик со олomyд торксыны кутис да.

ЁГОР. Кыдзи овлі, сідзи на и ола. Тэтöг нин кыдзкё. Тэнад отсöгтöг бергöдча.

НИМТÖМ МОРТ. Ёдвакё, тэнад ёд некутшöм рёдвуж нин тані эз коль. Отка пи со ай-мамыдлён вölін.

ЁГОР. Тайос нё кытысь тёдан?

НИМТÖМ МОРТ. Ме тэ йылысь ставсо тёда. Керка пытштö тёда и.

ЁГОР. Сэтчö нин ныртö сюйлomyд. Гашкё, мыйкё петкöдан да. Гусялін?

НИМТÖМ МОРТ. Тэнсыыд гусявнысö нином. Мый айыд чёжліс, сы вылын на пыр олан. Нелямын арös нин со тэныд, а ачыд дзик на нином керка пытшкад эн ньöблы. Тасыт-паныыд, пызан-улöсүд, вольпась-эшкыныд — ставыс на ай-мамыдлён.

ЁГОР. Кутис сэні лётнны. Мый морла нё ме чёжны выльсö кута. Откön ола да. Кодлы?

НИМТÖМ МОРТ. Сийён и став сьёмтö юлін? Керка тырыд водзтö чукöртчывлісны, кор сьома вölін. А оні нё мыйла оз волыны? Ёртъясыд. Сэтшöма, сідзкё, и колан вölі налы.

ЁГОР (*дöзмёма*). Дугды, колёкё, шыбита ёд сэтысь.

НИМТÖМ МОРТ. Он ёд лысът-а. Эн дöзмы веськыд сёрнисыыс. Полан тэ меысь, кыдзи и быдöнысь. Сийён и Демид Мишыс тэнö удж вывсыыд вётліс. Он вермы нином паныд шунысö да.

ЁГОР. И тайос тёдан? Коді нё тэ?

НИМТÖМ МОРТ. Ме ставсо тёда. Демид Мишыдлы ёд аслас рёдняыслы уджалан места ковмис, сийён и тэысь мынтöдчис. Мукöдсö вöröдны эз лысът-а. Тэнö, рам мортöс, эз повзы. Вётліс. Со и нелямын арösа пöрнöй мужик весь олан. А ставсыыс мыжка тэнад рамлуныд. Век мыйыськё яндысян, полан... Оз позь тадзи водзö овны. Со и вои отсöг вылö. А тэ воча тшетшкан. Он кöсайы весиг кызвынысö.

ЁГОР. Нем виччысytöг со мыччысин да. Посвоздас пырёмтö весиг эг казявлі.

НИМТÖМ МОРТ. Ме висътасытöг и ветлöдла.

ЁГОР. Юасытöг-висътасытöг кодкё посводзын тытвидзö. Рёдняён весиг висътасыö. Кыдз нё ме кута сэсся татшöмидлы эсқыны?

НИМТӨМ МОРТ. Висътасьёмён кё вои, то эн жё ёд тёд тэ менё. Некор эн аддзыв да... Со тай медся съёкыд кадас мёвпышті мыччысылыны тэ водзё. Чайта, отсыштын тэныд колё. Отнад водзёсö он вермы овнысö да. Некод кё оз отсышт.

ЁГОР. Верма. Кыдз нё овны ог вермы? Пыр на тай кыдзкё-мыйкё бергёдчылі-а.

НИМТӨМ МОРТ. Вермин кё ёд, бергёдчин. Со тай некытён нин весиг он уджав. Кыдз нё кутан тадзисö овны? Нэмтö ёд он вермы некытён уджавтöг овны?

ЁГОР. Эг на тай тшыгайыс кув. Ола. Ме кодыыс уна.

НИМТӨМ МОРТ. Уна. Но ме со тэнö кута велёдны овнысö.

ЁГОР (ышололаёт бёрын). Кутшом отсöг нё верман меным сетны? Удждон али мый кутан вештыны мыйысыкё?

НИМТӨМ МОРТ. Ог. Ме верма сёмын вежны тэнсыд олан сяmtö. Висътавны тэ йылысь збыльсö. А сэсся ачыд нин, верман кё, пета туйсö писькёд.

ЁГОР. Нелямын арёсаидлыс сяmtö вежны съёкыд нин. Вай бурджык мун, кыттыс локтін.

НИМТӨМ МОРТ. Ог мун. Эг сы могысь тэ водзё мыччысь, медым нинём висътавтöг бёр вошны.

ЁГОР. Сідзкё, морт ногён и сёрнит. А то сям вежём йылысь кутін сәні бызгыны.

НИМТӨМ МОРТ. Сы йылысь, дерт. А тёдан, мыйла ассыыд уджалан местатö воштін?

ЁГОР. Ачыд тай висъталін, мый Демид Миш рёднялы места ковмёма. Со и мездисис меысь.

НИМТӨМ МОРТ. А мыйла нё эськё мунін?

ЁГОР. Дышёдіс да. Кута тай быдёнлысь ас вылын тешитчöм видзёдны.

НИМТӨМ МОРТ. А мыйла эн водзасась?

ЁГОР. Абу лёссыд. Кута тай паныд тшетшкыны. Баба моз.

НИМТӨМ МОРТ. Мыйла абу лёссыд?

ЁГОР. Кутіс сәні милиционер моз ставсö юасыны. Абу лёссыд, и ставыс.

НИМТӨМ МОРТ. Мыйла нё эськё мукёдыслы лёссыд? Мыйла найё водзасисны?

ЁГОР. Мед кё. Ме ёд абу найёыд.

НИМТӨМ МОРТ. Полан тэ, Ёгор. Вот мый ме шуа.

ЁГОР. Ог эськё пов да. Демид Мишысь кё нёшта повны? Ош вылö на гоз-мёд во сайын ётнамён ветлі.

НИМТӨМ МОРТ. Ошлы паныд верман, а йозкёд вензыны он. А мыйла?

ЁГОР. Код тёдас.

НИМТӨМ МОРТ. А ме тёда. Сы вёсна и шуа, мый сяmtö ассыыд колё вежны. Колё, медым ставён тэнö пыддиpunktисны, кыдзи мортös.

ЁГОР. Меным тайё оз ков. Медым йёзыс меысь полісны ли мый ли.

НИМТӨМ МОРТ. А кыдз нё кутан тадзисö водзё овны? Татшом сямнад? Некодлы ёд тэныд оні отсавнысö. Шуа тай, мый чой ни вок абу лёссыдлывлöмайсö. Дзик ётнадён тэ. Он кё сяmtö веж, то олёмыд тэнад оз артмы. Ковмас нэм помёдзыд коньёр моз кенъынытö.

ЁГОР. Ковмас кё и, ковмас.

НИМТÖМ МОРТ. Дугды, Ёгор, мекöд тадзи сёрнитнытö. Ме öд тэ йылысь ставсö тöда.

ЁГОР. Мый тöдан?

НИМТÖМ МОРТ. Абу жö любö тэныд татшöм олöмыс. Абу тэ гортын пукальсы. Ог тöд али мый тэнсыд мёвпъястö? Окота жö бöр йöз пöвстö петны.

ЁГОР. Ковма да, корасны.

НИМТÖМ МОРТ. А оз кö?

ЁГОР. Оз кö и, оз. Сэтшöма сïдзкö ме йöзыслы и кола. Мый сëсся вöчан.

НИМТÖМ МОРТ. А öд эн татшöмён тэ, Ёгор, чуж. Тэ мöд ногёнджык овны чужин.

ЁГОР. Эн сöр. Тэ нö мыйöн тöдан?

НИМТÖМ МОРТ. Эг кö öд тöд, эг висьтав. Тэнад мöд пöлöс сямыд. Абу öнïя кодь.

ЁГОР. Дугды, мися, сёрнытö. Кытысь нö тэ тöдан, кутшöм сямын ме чужлï?

НИМТÖМ МОРТ. Эг кö öд тöд, эг висьтав, мися.

ЁГОР. Колöкö, мортыд кутшöмён оз чуж да. Ме татшöм, мöд эстшöм дай. Кытысь öнï ставсö тöдны.

НИМТÖМ МОРТ. Мукöд йылысь вай сёрнитны ог кутöй. Ме тэ дорö локти. Тэныд отсавны.

ЁГОР. Кызд нö отсалан? Он öд тай кытчöкю юрнуöдны пуксы да менö ас дорад уджавны бос্যт?

НИМТÖМ МОРТ. Ачыд аслыд отсалан. Ме сöмын инда кыздзи.

ЁГОР. Весьшöрö эсъкё тæköд кадсö лота да. Пуксьöмыд да майдчан. Позвöдчан и. Гортö пырны со ог лысyt.

НИМТÖМ МОРТ. Эссы кöть эн сëсся. Локти да со висьтала. Эз кö могыс вöв, то эсъкё эг и мыччысылы тэ водзö.

ЁГОР. Дугды вай. Эз кут мунны ни. Ковмас, тыдалö, кодöскö чукöстлыны. Мед петкöдны тэнö сэтысь. (Мунö. Пукалысь оз и вöрзывыв. Недыр мысти Ёгор локтö öтнасöн.)

НИМТÖМ МОРТ. Веськöдыштïн коктö?

ЁГОР. Веськöдыштï.

НИМТÖМ МОРТ. Мёвпыштïн мыйкö?

ЁГОР. Мортыд тай морт и эм. Пыр öтарö мый йылысь кö мёвпалö.

НИМТÖМ МОРТ. Окота тöдны, кутшöмён тэ чужлïн?

ЁГОР. Ог и тöд...

НИМТÖМ МОРТ. Быдöнлы окота. Тöднысö, мый öнïöдз тöдтöм на.

ЁГОР. Кыздзи нö тэ верман петкöдлыны, кутшöмён ме чужлï?

НИМТÖМ МОРТ. Ачыд асътö аддзан сэтшöмнас.

ЁГОР. Вöтöн али мый?

НИМТÖМ МОРТ. Он. (Индö.) Со тайö мыльксö аддзан?

ЁГОР. Нинöм абусö эн юась. Нэм син водзын тайö мылькийыс да.

НИМТÖМ МОРТ. Кыпöдчы сэтчö. Сувт шöрас да шуав кывъяс, кодъясöс öнï ме тэныд висьтала.

ЁГОР. И мый лоас? Ог öд жö му пырыс, кёнкö, мун?

НИМТÖМ МОРТ. Он. Лоас сэки тэнад сямыд дзик сэтшöм, кутшöмён чужлïн. А колö шуавны со кутшöм кывъяс. Атö-катö, климö-лëльö, руйö-райö, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

ЁГОР. Мыйкё сэні ас ногыд гудралін. Дзик төдтөм кывъяс. Татшомъяссö нö ме кызды юрын кутны верма?

НИМТÖМ МОРТ. Верман. Найö тэнад вежорад сатшины нин.

ЁГОР. Ёдвакö. Ме аслам вежор вылö торъя ошысыны ог вермы. Школаын велöдчигöн кывбуртö вöлі вель дыр зуняла. И то на торксяла.

НИМТÖМ МОРТ. А öні тёдан. Висъстав вай.

ЁГОР. Висъставны али мый? Збылышыс öд эг кё юрын кут-а. Часлы... Атöкатö, климö-лëльö, руйö-райö, алым-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись. Сё дивö тай. Збылышыс тадзи колö али мый? Висъставнысö.

НИМТÖМ МОРТ. Тадзи. Ачыд шуан вöлі, мый эн гёгёрво. Со тайö кывъяссö и шуав Чудь мыльк шёрас. И лоан сэтшомён, кутшомён чужлін. А öні матыстчыв ме дïнö. Нöшта мыйсюрё колö вашкёдёмён висъставны.

ЁГОР. Мыйла? Мыйла вашкёдёмён.

НИМТÖМ МОРТ. Матыстчыв, матыстчыв. Эн пов.

ЁГОР. Даыш. (*Но ачыс матыстчис пукалысдор. Копыртчис сы весътö. Мöддис мыйкё вашкёдис силы пеляс.*)

НИМТÖМ МОРТ. Гёгёрвоин?

ЁГОР. Эг ёнасö.

Ёгор ньёжжйённикён пуксис кильчö вылас. Шай-паймунöмён пукалис öдзёслань мышкён. Мыччыссо Полом Агни. Киясас ведраяс.

АГНИ. Ёгорлы тай оз гортас пукавсы. Пыр на ывла вылын тапикасис.

ЁГОР (ырсмунö). Мый?

АГНИ. Асывсö, мися, керка дорад и коллялін.

ЁГОР. Ыркёдча тай со. Агни, тэнö тöдисьс рöдисьс петёмён мамö пыр шулis. Збыль мый?

АГНИ. Сёрёны. Код тöдас. Буракö, ыджыд айлыс мamsö на тöдисьон вöлём ыдждöдлöны. Менö ачымöс со нэмсö вомдзалöмайс. Квайтымын арёсöдз олi да ни öти нимкыв ог тöд. Мый нö асывсяныс юасыны кутiн? Менö вёталiн али мый?

ЁГОР. Эг эськё да. Агни, тэ дорö асывъяснас некод оз волывлы?

АГНИ. Отнадён олiгад йоймин али мый? Нинöм абусö кутiн юасыны. Кодi нö ме дорö локтас? Пöрысь дорад. Водзтiсö эз волывлыны-а. Абу öд ме комын арёса мича дöва, медым волывлiсны. (*Кöсий мунны.*)

ЁГОР. Агни, энлы.

АГНИ. Мый энлы. Нинöм абусö юасын да.

ЁГОР. Эн жö менö йоймөмён лыддыы, но кодкö со бёрла сайын, посводзас пукалö. Зэв водз асывнас локтiс да некызды мунны эз кут.

АГНИ (*видзёдд посводзас, но некодöс оз аддзы*). Тöрыт, колёкё, кодкёдкё юин, да сiйö посводзад унмовсълiс. Сiйö, кёнкё, и пукалö. Некодöс эськё тай тасиань ог аддзы да.

ЁГОР. Эг ме ю. Абу вина вылас сьомыс. Но со пукалö кодкö. Мекöд быдсяма дивö йывсыыс сёрнитö.

АГНИ (*кавшасьо кильчö вылас, видзёдд, некод абу*). Каститчö нин тэныд, Ёгор. Отнад олiгад. Кымыныс шулi — гётрась, мися. Öд кымынöн нин тэ ордын

патеруйтлісны. Бокысь воём нывъясыд. Некодёс мой крукышты эн вермы? Ставыссо бокиö верös сайö петны лэдзин.

ЁГОР (*сүтө, бергёдчö*). Агни, збыльысь ёд кодкё пукалё. Он мой аддзы?

АГНИ. Дугды. Йойталан нин весь олігад.

ЁГОР (*шензьё*). Абу и эм. Оні на пукаліс да. Керкаö уйкнитома али мый? Пыралам, ачыд аддзан сийös. Тöдтöм мортсо.

АГНИ. Ог морав. Кута тай пырны. Баба али мужик нё вöлі?

ЁГОР. Мужик.

АГНИ. Юан ёртыд, сідзкё.

ЁГОР. Эг, мися, некодкёд ю. Лок, пыралам. Меным öтнамёнлы оз пет. Пыксьё. Нинём абусо висъставлö. Пола öтнамтö.

АГНИ. Сирасис сэні. Пыралам, инöс. Колёкё, збыльысь кодкё тöдтöм ветлöдлö да. Вермас и миянö локны.

Пырёны. Вель дыр мысти петёны.

ЁГОР. Збыльысь ёд кодкё вöлі.

АГНИ. Эн сёр. Быд пельёсö нырёс сюйлі. Весиг шебрас улад пыралі. Некод абу. Збыльысь тай тэ, Ёгор, вörзöмýд нин. Больничäо вай ветлы. Лекарство кот्य сэні сетасны.

ЁГОР. Ог на, мися, йойтав. Збыльысь кодкё со тані, посводзас, пукаліс. Ас синъясöн аддзылі. Сёрнитім на весигтö и.

АГНИ. Кодкё кё ёд пукаліс, тані вöлі либö керкаад. Абу со некод да. Дзиrъя öшиньöдьдö кё эз чечышты. Юöмысла... Сэки быдтор тай вöчлöны.

ЁГОР. Вермас лоны. (*Зэв öдйö пыралö. Петö.*) Абу сэті петома. Öшиньыс пытшсяныс калича.

АГНИ. Лэччыв, мися, больничäа. Либö гётрась! (*Мунö.*)

Васька Ёгор бара пыралö, петö. Кытишлалö гёгёр. Полом Агни ва тыра ведраён дінтійс муніс да эз и казяв. Ныевбаба эз жö сувтлы дай.

ЁГОР. Сё дивö тай. (*Пукыштö, видзöдö мыльк вылас.*) Чудь мыльк вылас поё кавшасян да кывъяс шуалан, то асътö аддзан сэтшöмён, кутшöмён чужлін. Сёрö жö кё-а? Гашкё, оз да. (*Майшасигтыр кайö мыльк вылас. Гёгёрбок видзöдало.*) Мед некод жö оз аддзыв. Збыльысь йойён шуасны. (*Бёр лэччылö да бара кайö.*) Атö-катö, климö-лëльö, руйö-райö, алым-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись. (*Недыр мысти Васька Ёгорлён мыгöрыс весиг вежсью.* Веськалыштö, морбессö водзлань чургёдö.) Мыйсяма йöz тi! Ме вылын нё мый тадзисö тешитчаныд?! Чайтаныд кывтöм пемёсöн али мый? (*Сёрнитö сийö вежссыштöм, чорыд гёлсöн.*) Менам ёд кывыйд эм жö. Верма сідзи паныд шуны, мый тшöкмунаныд! Менам аснырыд тырмымён жö! (*Ёгор эз кут водзö шуавны. Зилис тэрыва лэччыны мыльк вылысь, но эз вермы. Быттьё стенö люкасьюма.* Вель дыр йöй моз бергалём бöрын юрас вартиc мёвп шуавны.) Атö-катö, климö-лëльö, руйö-райö, алым-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись. (*Сомын сэки мынис, лэччис мыльк вылысь.* Бара гёрбыльтчыштис, вежсис, мунис кильчö вылас бöрвыв вель унаысь видзöдлёмён. Пукисис.) Эз ылöдлы пыралысыд али мый? Мый нё мекöд лолис?

Коло жо волі меным тадзисö шуавны? Тешитчанныд по ме вылын? Коді нö тешитчö? Некод оз да. Мый лоома — ачым таыс мыжыс. Нинём йöz вылö ыстысыны. Некод менё мырдён оз тойлав тадзисö овны.

Пыро. Мыччысыёны Ладимер да Нина Петровна.

ЛАДИМЕР. Мыикö тай Ёгорыс оз тыдав?

НИНА ПЕТРОВНА. Гажтöмтчин али мый? Нинём тэнүд, учитель мортлы, сыкёд гарчыны. Уджтöмалысыскöд.

ЛАДИМЕР. Челядь дырся ёрт öд? Кыдзи нö он аддзысылы. Час чукостла. Ёгор! Ёгор!

НИНА ПЕТРОВНА. Дугды, мися! Мунам!

ЁГОР (*nemi*). Тайё тi. Мися, коді нин горзö?

НИНА ПЕТРОВНА. Бара нин юин али мый? Чужöмыд быгалöма.

ЁГОР. Эг. Висьёдча со.

ЛАДИМЕР. Кынмин али мый гожöм шёрнас?

ЁГОР. Эг, эг кынмы. Но нёрпала. Ладимер, ме тэ дорö нин кёсъя волі ветлыны. Бур, мый ачыд локтiн.

НИНА ПЕТРОВНА. Керка дортыд тай мунны весъкалiм. Кутам тай тэ дорö нарошнö локны!

ЛАДИМЕР. Мыикö лоис али мый?

ЁГОР. Лоис.

ЛАДИМЕР (*кежё си дорö*). Ёна висьмин али мый?

НИНА ПЕТРОВНА. Нинём абусö век пожналанныд! Эн дыр Ладимерсö кут. Кадыс силён абу. Оз öд тэ моз öтнасён кургы-ов.

ЛАДИМЕР. Эм эсько на кадыд да. Ог öд тай велöд гожöм шёрнас.

НИНА ПЕТРОВНА. Довъявны ог на лэдз! Аддза на тэнүд уджтö. Эн дыр ов. Пыр öд лыттайтын видзёдчö! (*Мунö.*)

ЛАДИМЕР. Бара юсин али мый?

ЁГОР. Мый вылö? Мый вылö нö юсян? Нинём вылö да. Мёдтор мекёд лоис. Кастигчыны кутис.

ЛАДИМЕР. Эн сёр.

ЁГОР. Збыль öд. Асывнас кодкö ме дорö волiс.

ЛАДИМЕР. Юсь ёртъясыд кёнкё.

ЁГОР. Эн торкав. Эз найö. Дзик тöйтöм кодкö. Посвоздзын пукалiс. Асьсо эг и аддзыв. Быттьö весиг абу морт кодь. Мыгöрсö аддзылi, а чужöмсö вот эг.

ЛАДИМЕР. Мойдчöм вылö сетчин али мый? Месянь босытчин?

ЁГОР. Мойдчыны ме мёдкёд верма. Збыль öд, Ладимер, кодкö волiс. Посвоздзын пукалiс. Эски кöть эн сэсся. И шуис, кайлы по Чудь мыльк шöрас. Кайл i öд. Он эски? И ставыс збыльмис, мый волысыыд меным висьталiс.

ЛАДИМЕР. Мый збыльмис?

ЁГОР. Ставыс збыльмис. Шуалi ме волысыыдлон велöдöм кывъяссö да дзик мёд мортöн быттьö лолi.

ЛАДИМЕР. Нинём ог гёгöрво.

ЁГОР. Кыдз он гёгöрво?! Зэв бура со висьтала да. Ставсö, кыдз волi.

ЛАДИМЕР. Вётасин али мый?

ЁГОР. Эг, мися, вётась ни. Мыйсюма морт тэ, Ладимер? Зэв бура ставсö висьтала, а тэ некыдзи он эски.

ЛАДИМЕР (ðвтыштчö). Кыдз нö тэнад сёрнилы эсқыны? Вошласьысь морт моз нином абусö сёран да.

ЁГОР. Тэ, Ладимер, велöдчöм морт. Вай висътав, овлö оз татшöмыс олöмас?

ЛАДИМЕР. Мый овлö оз?

ЁГОР. Быттьö эн кывлí. Висъталí тай нин, мый кодкö дзик тöдтöм волíс ме ордö да Чудь мыльк вылö кайлыны ыстылïс. А сэні ме шуалí кывъяс да дзик мöд морт кодьён лолí. Овлö оз, мися, татшöмыс?

ЛАДИМЕР. Эг на тай кывлí-а. Книгаясад эсъкö быдсямасö гижöны да. Став дивöыс му вылад вöлöма. Збыль мöй, Ёгор, висъталан, мый тöдтöм морт пыралис да Чудь мыльк вылö ыстылïс?

ЁГОР. Збыль, дерт. Локтис водз асывнас кодкö. Пукалis посводзын. Син ни ныр эз тöдчы. Варовитис мекöд. А мыйö велöдис — ставыс збыльмис.

ЛАДИМЕР. Мыйö нö велöдис?

ЁГОР. Кай по Чудь мыльк шöрö да шуав кывъяс, и лоан сэтшöмён, кутшöмён коркö чужлöмыд.

ЛАДИМЕР. Сё дивö тай. А кутшöм кывъяс нö шуавны колö вöлi?

ЁГОР. Тайос вот некодлы эз тшöкты висътавнысö. И ог висътав. Эн и дзайгысь.

ЛАДИМЕР. Гашкö, менö катöдлан да. Он кö быттьö вöтасьётö висътав.

ЁГОР. Катöдла эсъкö да. Сöмын некодлы эн висътав. Гашкö, йойён менö шуны кутасны да. Нуасны на нöшта кытчöкö ылöджык.

ЛАДИМЕР. Ог, ог висътав.

ЁГОР. Кызвы, Ладимер, ме эсъкö неуна тöда жö чудъяс йывсесыс, но ог ставсö. Тэ öд велöдчöм морт. Висъталышт меным.

ЛАДИМЕР. Коми йöz жö коркö важён овлöмайс. Збой сьёлöма да асныра войтыр. Абу сетчöмайс, абу примитöмайс выль ентö. И асънысö гуалöмайс ловийоннас. Висъталöны, мый тайён и мыльксö шуöны Чудьён. Татчö по буретш асънысö гуалöмайс.

ЁГОР. Тайос ме кывлí жö нин.

ЛАДИМЕР. Мый нö сэсся юасян?

ЁГОР. Гашкö, мися, тэ унджык тöдан да?

ЛАДИМЕР. Тöднысö ог тöд, но бöръя каднас кутi гёгöрвоны, мый миян воши налён кодь збайлуныс. Йizzылам жö эсъкö, но пыр жö лöням мыйлакö. Кытчö нүодасны, сэтчö и мунам. Мый тшöктасны, сийос и вöчам. Найö, чудъясыд, со ловсö сетчöмайс, а абу кежёмайс асланыс туйсесыс.

ЁГОР. Онитö позьö быдтор висътавны. Сiё олöмсö тöдтöгыд.

ЛАДИМЕР. Гашкö. Но ме тай сiдз чайта-а.

ЁГОР. Кösсян кö — ветлам.

ЛАДИМЕР. Кösсяя, дерт. Збыль кö быттьö висъталан.

ЁГОР (мыльк дорö матыстчöм бöрын). Тэ татчö кольччи, а ме вылас кайла.

ЛАДИМЕР. Сулышта инöсся танi. Он кö быттьö...

ЁГОР (мыльк шöрö кайёмён вашкöдö). Атö-катö, климö-лëльö, руйö-райö, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

ЛАДИМЕР. Мый нö сэні шуалi? Нином эг гёгöрво. Омоля кылi да, быттьö вашкöдчан.

ЁГОР (бара веськöдчö, морöсöс чургöдö). Мый нö тайö мекöд вöчсөй?!

ЛАДИМЕР. Мый нё лоис? Мый нё татшом гёлбён горзан?

ЁГОР. Некор эн лысътой ме выл ѿ каттысыны! Ме ачымös дорыйны верма на! Аддзысымныд! (Сэсся эз кут водзос шуавны да бара лыдьёдліс.) Атö-катö, климö-лельö, руйö-райö, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись. (И уськодчis увлань. Бара лои важ кодысы.)

ЛАДИМЕР. Збыль мой ачыд тадзисö сёрнитiн?

ЁГОР. Ачым. Сэсся друг сэтшома ассым повзи, мый онi на со дзёрёдö. Аддзан?

ЛАДИМЕР. Аддза. А меным нё оз позь сэтчосö? Чудь мыльк вылас...

ЁГОР. Ог ёд и тёд. Меным сёмын тшёктылiс эсiйоид... ме ордö волысыд.

ЛАДИМЕР. Колёкё, инасны жё меным кывъясы да, кодъясöс тай шуалiн?

ЁГОР (век на шай-паймунёма). Ог тёд. Кёсъян кё — кайлы. Ме со ачымысъ нин повны кутi. Мыйкё эг морт кодь лолы да.

ЛАДИМЕР. Кыдзи эн морт кодь?! Тадзи ёд йозыс сёрнитлёны жё. Он сёмын тэ.

ЁГОР. Йозыд, колёкё, мыйсö оз шуавны да. Быд бёрся кё вётлысыны...

ЛАДИМЕР. Мый лоас — ло. Оз кё инны и мед. (Кайис мыльк вылö.) Шуав, Егор.

ЁГОР. Атö-катö, климö-лельö, руйö-райö, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись. (Видзёдö ёртыс вылö.)

ЛАДИМЕР (босътчö кинас и кокнас ёвтчыны). Конi, Ёгор, вина дозийд?! Вайлы татчö! Дорсыс и гулькнита. Сэсся пета сиктас да став потшосъяссö пазёда! Менö ёд некод оз тёд кутшом! Тёдмаланныд регыд.

ЁГОР. Мый нё, Ладимер, тэкёд?

ЛАДИМЕР. Нинём! Мый нё шензян?! Нинём ме выл ѿ шензынысö! Вот босъта да съёлём бурмытёдз ставсö пузувта! Тёдланныд сэк Микита Ладимерсö!

ЁГОР. Дугды, Ладимер!

ЛАДИМЕР. Ог кёсайы дугдынысö! Меным ставыс веськодь! Вай водкасö! Съёлёмös бурмёда! Сотчёмён сотчö сiйö! Менам съёлёмой!

ЁГОР. Абу, абу менам винаыд. Лэччи сэтысъ.

ЛАДИМЕР. И лэчча! Петкёдла пуж! Лавкаыс ёд восьса на! Сэтчö ризёдла! (Биршасьё лэччины. Но некыдзи оз сяммы. Быттьё синмён тыдавтём мытшёдö зурасъёма да пыксьёма.)

ЁГОР. Адёй, адёй! Дзикёдз юрысь петiс. Атö-катö, климö-лельö, руйö-райö, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

ЛАДИМЕР (быттьё мынö, уськодчö ёртланьыс). Мый нё тайё-ö?

ЁГОР (вешийштö бокö). Сулав, Ладимер.

ЛАДИМЕР (сувтö). Ёгор, збыль мой тайё мекёд вёлi?

ЁГОР. Тэкёд, дерт.

ЛАДИМЕР. Сідзё, со кутшомён менам чужсылыома.

ЁГОР. Сідз тай.

ЛАДИМЕР. А мыйла нё ме онi абу татшом?

ЁГОР. Код тёдас.

ЛАДИМЕР. Збыль ёд, Ёгор, менам пытишкёсын унаусь чужлывлö тайё мёвпыс?

ЁГОР. Кутшом?

ЛАДИМЕР. Вот, мися, эськё босътны да юсыывны. Сэсся сиктас важ му-

жикъяс моз сяркнитёмён разыны-нетшыштын дёрём кизъясös да кёмтög петны ывла вылö. И босытчыны потшös сорёмъяссö разыны. Но мёвпнас тайё и колылì. Öти кё, школаьсь вётлomyсь пола. Мёд кё, Нинайöй нэм йирны кутас. А мый торкис менё татшомнас лоны? Бур али лёк тайё? Ог на гёгёрво. Дерт, könkö лёк. Абу любö кёмтög сикт кузя довъялысь велöдысытö видзöдны. А мёд ногён кё, тёв и гожём йöz водзын пинджакён да галстукён ветлöдлыны ок жö дышöдлö.

ЁГОР. Ог тöд, ог тöд. Ме ёнтай тэнад локтöдз быд ногыс жö гарлтì ассым олöм-вылöмöс. Зэв жö ёна шензöдис мыльк вылас кайлöмыс да. Мыйла ме татшом? Кытысянь чужыйштис менам öнiя сямöй? Мыйла эг ло сэтшомнас, кутшомён мамой чужтылöма?

ЛАДИМЕР. Абу жö кё сöмын ачыд таьсь мыжаяс-а?

ЁГОР. Сiйö и эм. Гашкё, ичöt дырии чегси. Öтнамён быдмигад. Эзджык сибöдны менё тшöтшъя детинкаясыд да. Öтка питö бурджыка видзисны, кёмöдисны-пасытöдисны да сiйöн, буди, лöгалыштисны. Кампет чукöрён эсъкö сибöдчыла жö вöлi на дорö да. Но сёясны вöлi чöскуйтторсö да бара нин недыр мысти гёрбö лöсыштасны.

ЛАДИМЕР. Ме эсъкö тэнö эг öтдортлы да.

ЁГОР. Тэ эн. Сöмын тэ öтнад лöсявлiн мекöд кампеттöг. (Чёв олышиштö.) Помнитан, кыдзи первой классö котралiгён менё велöдысыыд мыссыбöдис?

ЛАДИМЕР. Ог öд и тöд вылö тайёс уськöд.

ЁГОР. А ме помнита. Колёкё, тасянь чегси? Велöдысылы кажитчöма вöлi, мый ме асывнас киясös да чужёмöс эг мыськы. Со и мёвпыштöма дорын узьлыны велöдны. Медым челядь эз дышöдчыны асывъяснас мыссыны. И мыйлакö ме вылö жö каттыисис? Таз тыр ииа кöдзыд ва кисытiс. Петкöдис менё класс водзö да поликайтiс-мыссыбöдис. Ёна сэки ме вылын ставныд сералiнныд. И мыйла ме эг петитчи мыссыбöдомсыыс? Чöла сувтi класс водзö да виччыси тешитчöмсö? Полi тай вот со.

ЛАДИМЕР. Код тöдас, мыйсянь заводитчö мортыдлон вежсöм-чегöмыс? Он нин вермы тайёс öнi тöдмавнытö. Köть вежон татчö сувтам да кутам артавны-муртавны — стöч воча кывсö некоднанным ог аддзöй. Лоö гортö ветлöны. А то Нина Петровна бун-бос пинялас. Дыр со кутi ветлöдлыны да.

ЁГОР. Сöмын некодлы эн висьтав та йылььсь.

ЛАДИМЕР. Ог и тöд, мый шуны.

ЁГОР. Эн висьтав.

ЛАДИМЕР (вöйёма аслас мёвпъясö). Ог тöд. (Мунö.)

ЁГОР. Мыйла ме татшом лои? Ладимер со кутшом дай. Колёкё, мукöдис тшöтш жö да? Найёс видзöдлыны, кутшомён лоёны мыльк шöрас. Со Агни вала бара мёдöдчöма. Гашкё, сылы тшöтш петкöдлыны тайё дивёсö?

Мыччысöй Полом Агни.

АГНИ. Мый нö гортад он пырав? Кастьтчöмысъ полан али мый?

ЁГОР. Ог эсъкö да. Вала мёдöдчин?

АГНИ. Вала. Оз мый позь?

ЁГОР. Мыйла оз позь? Нэмсö миян юкмöсись босытлiн да.

АГНИ. Юасян тай со.

ЁГОР. Агни, Чудь мыльк вылас он кёсый кайлыны?

АГНИ. Бара йоймёдчин али мый? Мый нё ме Чудь мыльк вывсыыс корсыны кута? Мусукасьны али мый тэа-меа сы вылын кутам?

ЁГОР. Оти гусятор кёсъя тэныд петкёдлыны.

АГНИ. Зарни ёкмыль сэтысь адзин али мый?

ЁГОР. Эг эсько да. Но зэв гусятор.

АГНИ. Сöран жё нинём абусö. Асывсяныыс на неморт кодь ветлöдлан. Збыль мёй каститчис? Ютöгыс?

ЁГОР. Эз, эз каститчы. Збыльысь кодкё волис. Сийён и Чудь мыльк вылас кайлынысö тэнö кора. Сэкся волысыд меным öтитор висьталис да.

АГНИ. Тэ нё, Ёгор, код али мый?

ЁГОР. Эг. Мый тон юан? Вайны некод оз со вай-а.

АГНИ. Дзик код юра морт моз нинём абусö бызган да, сийён юася.

ЁГОР. Кайлам, Агни. Збыльысь од гусятор тэныд кёсъя петкёдлыны.

АГНИ (*чушиктö-мунö. Оти киыс сылён абу сластя, доймылёма да ку-сынътöмён век кутö*). Дугды вай.

Ёгор лажикасöй горт дорас, виччысöй нывбабалысь бёр локтöмсö. Ва ведрайн мыччысöй Полом Агни.

ЁГОР. Агни, збыль од шуа. Вай кайлам.

АГНИ. Он тай тэйсъы мын. Тадзи кё йоймёдчыны кутан, то вала тэнад йёрöд регыд муннытö ог кут лысътны.

ЁГОР. Ог од сёр. Кёсъя тэныд вель ыджыд гусятор висьставны, а тэ куражитчан. Кайлам, мися.

АГНИ. Збыль тай тэйсъы он мын. Кыкён кё од Чудь мыльк шöрас сувтам да кутам тытвидзны, то йöзыс мый мёвпыштасны? Васька Ёгор да Полом Агни по вörзъёмаёсъ.

ЁГОР. Мед нё.

АГНИ. И дум абу... (*Мунö, недыр мысти век жё локтö.*) Даши эсько да, но кайлам инёсъ. Кутшöм гусятор нё сэтысь адзин?

ЁГОР. Кывийён тайёс висьставны сьёкыд. Сöмын мыльк вылас тыдовтчас.

АГНИ. Мый нё жмутвидзан? Петкёдлі, сидзкё. Корны корин, а ачыд со он мун.

ЁГОР. Лок.

АГНИ. Мыйсяма дивö нин тэнад. Он од и куж думыштнысö? Висьставны со он висьстав-а.

ЁГОР (*мунигмоз*). Каян да адзан. Татшöмтор йывсыд весиг думыштнытö збыльысь он куж.

АГНИ. Мый морла бара ме, пöрысъ выжыв, тэ бёрся вётча-а.

ЁГОР. Сулав танi, а ме мыльк шöрас сувтла.

АГНИ. Мыйла нё сэтчö каян?

ЁГОР. Сэнi колё меным сувавнысö, а сэсся кёсъян кё, то ачыд кайлан.

АГНИ. Бокисянь мед тэа-меалысь йойталёмнымыс бур йöзыс оз жё аддзывны.

ЁГОР. Агни, колёкё, тэ первойён кайлан?

АГНИ. Ог морав. Гашкё, тэ сэтчö кутшöмкё нальк вöчомыд да. Сувта да воша кытчёкё.

ЁГОР. Кытчö нö му вывсыыс усян?

АГНИ. Чудъяс дорас, колёкё, веськала. Шуёны, мый тшётш по танi мусыс. Кок улад по тронякылó.

ЁГОР. Он веськав. Он кё кёсйы — ачым кайла. Тэ татчö кольччы да видзöд.

АГНИ. Мый нö видзöдны кута? Висъставтöгыд ог и тöд.

ЁГОР. Казялан. (*Кайö мыльк вылö.*) Атö-катö, климё-лëльö, руйё-райё, алим-пудим. Весь, вом, дёлк, гёлк, кись. (*Бара вежссö мыгöрыс, збоймыштö чужём вылас и.*) Агни, ме тэныд кымынысь шулi, мед эн таляв менсыым турунöс!

АГНИ (*пернапасасыö*). Бласlö Кристос! Тайös висъставны али мый татчö вайöдiñ? Нöшта öд сэтшöм повзьöдчана гёлös письтома. Быттьö шева сетöмайс.

ЁГОР. Мыйла тэ, Агни, ме вылö пыр каттыысян? Чайтан, ог помнит, кыдзи коркö ичöt дырии тэнад йöрысь турунто талялöмись ньёрнад нойтлiñ?! Ме тайös эг вунöд. Менам нинöм оз вун!

АГНИ. Ёгор, збыльысь али мый тэ тайös казытылан? Али бара сёран. Ворсöд-чан мекöд. Кежласыны кутöмыйд да.

ЁГОР. А мыйла тэ, Агни, менö эн дорийыв, кор пияныд нöйтны босытчылiс-ны?

АГНИ. Важсö нö мый казытывны кутiñ? Пиянöй öд менам сэтшöм чёпöлышь-ясон и быдмылiсны. Со тай мунисны кытчöкё да мамсö видлыны оз мыччысылыны. И менö ас дорас оз корны и. (*Повзьöм гёлösöн дорийыссыö.*)

ЁГОР. Атö-катö, климё-лëльö, руйё-райё, алим-пудим. Весь, вом, дёлк, гёлк, кись. (*Öдйö лëччö мыльк вылысь.*)

АГНИ. Мый нö йöйталаñ? Важсö öд он жö тадзи гарав. Повзьöдчан сэнi...

ЁГОР. Агни тьёт, эн дöзмы, ме öд тэ вылö нинöмысь лёгсö ог кут. Чудь мылькийыс тадзисö мекöд вöчö. Асывнас волысыыд чуйдöдiс татчö кайлынысо.

АГНИ. Висъствлiн нин тайös.

ЁГОР. Нöшта висъстала со. Шуис, мый каян по Чудь мыльк шöрас да лоан сэтшöмён, кутшöмён чужлi.

АГНИ. Адöй, адöй. Збыльысь мёй? Татшöмён öд эн жö чужлi. Быдтор вылö тшöтäсыссыён да броткыссыён. Татшöм кё öд вöлiñ – пöгиб тэйн ставныс воисны. Тéкёд орччон олöмыд эс्यё адын страститчём кодь жö вöлi.

ЁГОР. Ог тöд. Сувта тай мыльк шöрас и вежся. Пета и бара со татшöм. Сувтлы, Агни, колёкё, тэ.

АГНИ. Ог кё-а. Збыльысь кё вежся, то ме, гашкё, кутшöмён ог ло да. Черё либо косаö кутчыся да юръяс керавны босытча.

ЁГОР. Он жö кё сэтшöмён ло-а.

АГНИ. Дуран нинöм абунас. Йöйталаñ сэнi. Менö, пöрысь выжывöс, йöйтöдлан и. Босыт да ачыд аскöдыд и йöйтав. (*Мунö.*)

ЁГОР. Агни, збыль öд вежссö сэнi мортыыс. Ладимер вежсыылiс и.

АГНИ. Мун! Эн кежласы! (*Вошö.*)

ЁГОР (*öttнасöн кольём бöрын*). Со öд, эз и эски. Кыдз нö татшöмас тыр вежёра морт эскас. Мый нö меным тайö Чудь мылькса дивонас вöчны? Гашкё, аслым барыш керны да. Мыйла оз позь, шуам, йöзыслысь сёём босытштны. Чудеса-дивöсö петкёдлöмись. Кино вылö тай пыралöмись мынтыссыёны. Быдёнлы öд телепит лоас видзöдлыны, кутшöм сям сылы сетлöмайс чужигас. Ог öд кут уна корны. Сьёд нянь вылö кё сетыштасны и. Кутас кё ладмыны, то курыд-

тор вылёр на позяс съёмтö чуктöдыштны. Оз ёд жё асъя волысыыд та вылёр скörмы-а? Ачыс ёд сийё шуис, мый отсог сетём могысы ме водзö мыччысис. Гашкё, удж меным лösöдис да. Татшöмös. Мед ме эг лёка ов. Мый лоас, ло. А татшöмторсö гусьён видзны ог кут. Кор киад барышыс ачыс ляксыны видзöдчö.

Мёд юкён

Вöчсöй сэнi жö. Керка дорыс Васька Ёгорлён важ кодыыс на. Сöмын мыльк дорас сувтöдöма бедь ийылын панера. Сэтчö гижёма — «Пирма «Чудь мыльк». Мыччысöй Ёгор. Паськöмыс бурмыштöма, воськовъясыс тишапмыштöмаöс. Регыд мысти тыдовтчö Полом Агни.

АГНИ. Ёгор со канторасö ассыыс восьтöма нин. Гашкё, вель унаён нин волис-ны талун да?

ЁГОР. Эз на.

АГНИ. Збыльыс мёй, Ёгор, йöзыс сэнi, Чудь мыльк шöрас, вежсыылёны?

ЁГОР. Збыльыс, дерт. Оз жё дзик ставныс эсъё да. Но найё онiя кодьнас и чужлöмäöс, тыдалö.

АГНИ. И сёйм сетёны и?

ЁГОР. Сетёны. Ог ёд уна кор. Сёйд нянь вылёр. Но мыйлакё бörъя каднас мыльк вывсыыс лäччöмсыйс унджык сёймсö куттисны вöзйыны.

АГНИ. Тэ нö пырёмсыйс и петёмсыйс сёйм куделитан али мый?

ЁГОР. Босъта. Первойсö эг босът, а онi босъта. Барыш да. Но ог жё дзик ставыслыс кор. Лösöйдджыка олсысьяслыс сöмын. Кодлы сёймис абу жаль.

АГНИ. Сё дивö тай. Со ёд олöмыйд кутшöм. Быдсяма дивöсö аддзылан.

ЁГОР. Колёкё, тэ кайлан жё да?

АГНИ. Сёймис абу. Пензiяöдз ок на ылын.

ЁГОР. Тэнö, суседка мортöс, верма и дон босъттöг катöдлыны.

АГНИ (*майшасыштö, тöдчö, мый телепит жё*). А Ладимер нö кутшöмён лолi?

ЁГОР. Ог вермы ме тайёс висьтавнысö. Оз позь. Секрет пирмы. Но вежисис жё сийё. И тэ, колёкё, вежсян. Кайлы, Агни, кёть тöдны кутан, кутшöмён чужлöмäöс.

АГНИ. Кавшасылыны али мый? Сöран жё кё, буди-а. Ворсöдчан йöзыскöд. (*Шеныштö кинас.*) Кайла. Колёкё, збыльыс да. А то регыд кула да ог и тöдлы, кутшöмён чужсыылёма.

ЁГОР. Гашкё, дзик мёд морт кодьён сэнi лолан да.

АГНИ. Нинём жё ёд вывтi лёкыс сэнi менам оз ло? (*Босътчö кайны мыльк вылас.*) Татчö али мый колё сувтнысö?

ЁГОР. Сэтчö. Ме час лыддя.

АГНИ. Мый нö кёсъян лыддьыны? Кутшöмкё нимкывъяс али мый?

ЁГОР. Сы манерाऽс. (*As улас.*) Атö-катö, климö-лёльö, руйö-райö, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись. (*Нывбаба чёв олö.*) Мый нö нинём он шу? Агни, вай гёлостö сетлы ли мый ли.

АГНИ. Ёгор, мыйкө быттö пытшкösöй тирзьö. (*Чёв олыштö.*) Медым босытны картупельлысь озыр урожай... (*Радио пыр сёрнитысь моз босытчö лекция лыддыны.*) Пуктасъяслысь тшöтиш и... Колö мусö вынсöйдны пётöса органической да химической удобрениеясён... Быд гектар вылö колö сюйны картупель койдиссо квайтымын сюрс позыры. Ас кадö нүйдны культивируйтчан уджъяс.

ЁГОР (*шемёсмунлём бёрын*). Атö-катö, климö-лельö, руйö-райö, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись. А то нöшта мортыскöд мыйкө лоас дай. Мыжман дзикöдз.

АГНИ (*вессыпöрёмён лэччö сы дорö. Съёлём лекарство вомас шыбитö. Вомсö паськёдмён тялкёдчö вель дыр*). Мый нö мекöд лолi? Мый морсö нö ме тэныд мыльк вывсяныыс сöри?

ЁГОР. Эг и гёгёрво ёнасö. Водзтi тай агрономъяс татшöм сяма кымын лекцияяс вöлi лыддывлöны-а. Районсянь воёмаяс жö сöмын. Сэнi, тыдалö, сюсьджыкъяссö видзöны.

АГНИ. Агроном моз öд эг жö? Ме жö сылён уджысь дзик нинöм ог пöтурайт. Нэмöс, мый тшöктывлöсны, сiйöс и вёчлi.

ЁГОР. Колöкё, кутшöмкö велöдчöм, сюсь мортöн тэ, Агни, чужлöмыд?

АГНИ. Эн сöр. (*Ланьтö.*) Гашкö да. Школаад ме писькös вöлi. Но эг тай со верми унасö велöдчынысö. Водз ковмис уджавны да.

ЁГОР. Гашкö...

АГНИ. Збыльысь мой мыльк йылас лолан сэтшöмён, кутшöмён чужлöмыд?

ЁГОР. Сид тай шуис сækсяыд-а... Ме дорö асывнас пыралысыд.

АГНИ (*ышловзьё*). Мортыд, колöкё, кутшöмён оз чуж да. Но кыдзи нö сэсся верман ас ногыд овны, кор йöз пöвстын гарчан. Кадыс на быдсяма пыкёдсö мортыдлы вермас вöчны и. Абу на тай ставыс ас саяд. Кыдз эс्यкё абу окота овны да. Он на тай вермы! О-о-он! Менам тай со кутшöм сямён чужсылöма да. Эг тай ло. Кадтö он бергöд. Визувтöма ставы-ыс!

ЁГОР. Оз ков, тыдалö, Агни, тэныд вöлi кайлынысö. Сöмын майшасьöм со тэныд вöчи.

АГНИ. Кыдзи оз ков вöлi?! Колö. (*Чёв олыштö.*) Ме öд, Ёгор, ичötсянъ тöвъяснас турун кыскалi. Гожёмнад сиктса уджыд юр выв тырыд и. Эз вермыны менö бать-мам велöднысö. Вель эс्यкё аслым окота вöлi да. Ме кодьыс, челядьыс, гортын сизим бергалiс. Кыдзи нö верман та ыджа аравасö велöдны? Он вермы. Эг кö киös косанад дойд, то пензяöдз эс्यкё ковмис чизыр тöв улын уджавны. Бур, мый батыыд, Ёгор, тэнад жалитыштiс да индiс столовойö тасыт-пань мыськысöн. Сэнi кокныдджыка олышти. Кынöмыд пöт и ачыд шоныдiнын. Со тадзи и олi. Да-а. Кыдзи нö öнi кадсö и тэнö кытшалысь йözsö бергöдан? И олöмсö ас ногыд вöchan. Он вермы тайö керны. Некыдзи он...

ЁГОР. Ме тай тэ ногён жö мёвпала-а.

АГНИ. Мёдьыс кö матыстчыла, катöдлы на. Чудь мыльк вылад.

ЁГОР. Он кö кайлы — бурджык, колöкё.

АГНИ. Кыттыс тöдан, мый бурджыкыс таладор олöмас? Кайла. Кöть пöрысь-ладор куттi тöдны, кутшöм сям меным сетлöмäöсь.

ЁГОР. Катöдла инöс.

АГНИ. Сёйтö со сетнытö ог вермы.

ЁГОР. Оз ков. Абу öд ад горш.

АГНИ. Аттьё, сідзкё. (*Мыйкё мёвпалігтыр мунё.*)

Мыччысъё Ладимер да Нина Петровна.

НИНА ПЕТРОВНА (*нюмъялігтыр*). Чолём-здравье бурлаклы.

ЁГОР. Шойчой.

НИНА ПЕТРОВНА. Эг на мудзёй. Эг ёд кузь туй вуджой. Миян керканым абу вёлök сайын.

ЛАДИМЕР (*мыйысыкъё яндысигмоз*). Видза олан.

НИНА ПЕТРОВНА. Ёгор Васильевич. Менам Ладимерыс сёрө али бара-й збыльысь.

ЁГОР. Мый збыльысь?

НИНА ПЕТРОВНА. Эн йёй улё лэдзчысь. Став сиктыс нин та йылысь сёрнитё да. Тöрыт рыт и Ладимер прöст вомнас брольснитіс, мый и сiёй Чудь мыльк вылад кайлёма.

ЛАДИМЕР. Висьталі, Ёгор.

НИНА ПЕТРОВНА. Шуё, мый дзик мёд морт кодь по сэні сiёй. Сёрө али збыль тадзи?

ЁГОР. Оз сёр.

НИНА ПЕТРОВНА. Ме эськё сідз жё чайта да. Менё ылодлыны сiёй нэмсö эз лысчтлы. Та вöсна и эски. Зэв збыльысь висьталё да. Ёгор Васильевич, он-ё и менё сэтчö тшётш катöдлы?

ЛАДИМЕР (*кевмысяна*). Катöдлы, Ёгор.

ЁГОР. Ог тай куражитчи. Катöдла, дерт. Мыйла нё оғыс. Но сöмын ме оні тасысь дон куті босытны. Пирма ме восьті. Со гижёма. (*Индö.*)

ЛАДИМЕР. Йöймин али мый?

ЁГОР. Мый вылё кё ёд меным овны колё. Он кё мынтысъёй — энёй. Сöмын ог катöд-а. Гортын уджыс уна. (*Кöсий мунны.*)

НИНА ПЕТРОВНА. Асьным ёд кайлам. Лок, Ладимер.

ЁГОР. Кавшасъёй. Кöть Чудь мыльк шöрас и овмöдчöй.

НИНА ПЕТРОВНА. Со кутшом тэ вёлöмыд. Коньёр кодь ветлöдлін нэмтö-а. А со вежсöомыд здукён. Тшапитчан.

ЁГОР. Тiян кайлöмысь тёлк оз ло. Ме сöмын öтнам тёда, мый колё шуавны, медым мортыс сэні вежсис.

ЛАДИМЕР. Нина, сетыштам сёйтторсö. Збыль ёд вежсöю сэні мортыс.

НИНА ПЕТРОВНА. Аддза нин, мый вежсöю. Со тай Ёгор другыд кутшом лоёма.

ЁГОР. Ме ёд тай мырдён тiянöс сэтчö ог кыскы.

НИНА ПЕТРОВНА. Уна-ё коран?

ЁГОР. Ладимер ас морт да уна ог и босыт. Кыкыдлысь нянь тупöсъ дон кора дай. Сiёй мой тiянлы, учительстволы, сёйм.

НИНА ПЕТРОВНА. Абу эськё на да. Бöрас сета. Колёкё, сёранныд да.

ЁГОР. Он кё бöрас сет?

НИНА ПЕТРОВНА (*яра*). Тэнайд водзвывсö кор мынтылiсны?! Уджтö вöчöм борад на век сетьштлiсны!

ЁГОР. Бöрас тай эськё мынтывлiсны да.

НИНА ПЕТРОВНА. Мыйла нё эськө водзвыв коран? Уджтö ассыыд эн на вöч да.

ЛАДИМЕР. Ёгор. (*Вашкодігмоз.*) Сыкод сьокыд вензынытö. Ме тэныд сета сёмсö.

НИНА ПЕТРОВНА (*кылома шуёмсö*). Тэ эн сюйсы! Ёгор, кайлам кö, эн узь. Он кö, горто довгам дай.

ЛАДИМЕР (*пөвзöй кодь*). Лок, Ёгор, кайлам.

ЁГОР. Меным та ылнаад мунны лöсöйчöм оз ков. Но сёйтö мынтыны эн вунöдöй.

ЛАДИМЕР. Мынтам, мынтам.

НИНА ПЕТРОВНА. Быттьö он кö сёрой. Гашкö, ме вылын тешитчыны мөвшпыштинныд да. Сэки кыкнаныдлы пуж петкёдла. Нином кö Чудь мыльк шöрас оз ло.

ЁГОР. Лоас. Ставныс на сэні вежсылісны да. (*Мунёны мыльк дорö.*) Кодныд нö первойён кайланныд?

НИНА ПЕТРОВНА. Ладимер.

ЛАДИМЕР (*оз пыксы*). Меным ковмас. Ме сэні вöлі нин да.

ЁГОР (*Нина Петровналы*). Тэныд ковмас бокö вешыйштны.

НИНА ПЕТРОВНА. Ог морав. Ме татысь ог вешый. Колёкё, ачыд мун. А мыйла?

ЁГОР. Сізд колё.

ЛАДИМЕР (*кайё мыльк выло*). Ачыд, Ёгор, вешыйшт дай.

ЁГОР (*вешыйштö*). Атö-катö, климё-лёльö, руйё-райö, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

НИНА ПЕТРОВНА. Мыйкё вомгорулас шуаліс да эг и велав.

ЛАДИМЕР (*вежсöма нин. Гораа*). Нина!

НИНА ПЕТРОВНА. Мый нё сюв петмёныд горзан?! Кыла ѫд. Ог тай ылны сувал.

ЛАДИМЕР. Тэ ассыыд яйтö мейсь видз! Верма и куделитны! Горзысь мыч-чысьюма! Выvti ёна вомтö калькёдлан! Кутёд абу!

НИНА ПЕТРОВНА. Тэ нё, Ладимер, мый сэні кежласыны кутин?

ЛАДИМЕР. Ланьт! Дыр нин ме вылын тешитчин! Час лэчча да петкёдла пуж! Водка юышта да! (*Кёсий лэччины, но оз вермы. Быттьö мытшасьö кытчöкө.*)

НИНА ПЕТРОВНА (*Ёгорлы*). Збыль мёй татшом сийё сэні лоис? Чудь мыльк шöрас.

ЁГОР. Татшом жö сэкинас вöлі. Кор кыкён татчö волім.

НИНА ПЕТРОВНА. Сё дивö тай. Оз вермы петнысö сэттысь али мый?

ЁГОР. Оз. Метög оз.

НИНА ПЕТРОВНА. Вай лэдз сийös öдйöджык. А то лёкысла потас и быдён.

ЁГОР. Сёйтö вай да.

НИНА ПЕТРОВНА (*корсысысö, сетö*). На! Ад горш! Сöмын öдйöджык петкёд сэттысь тайё ярмём мортсö.

ЁГОР (*босьтö сёйтö, веший бокёджык*). Атö-катö, климё-лёльö, руйё-райö, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

ЛАДИМЕР (*котёрён лэччö*). Нинук, эн дивит шуалёмссыс. Збыльысь ѫд быттьö эг ачым вöв ме сэні.

НИНА ПЕТРОВНА. Сідзкё, со кутшом вёлёма тэнад сямыд. Тёді кё, эг эськё пет верёс саяд.

ЛАДИМЕР. Ме чунь йылён на некор тэнё эг вёрзьёдлыв.

НИНА ПЕТРОВНА. Лысътлін мед сёмын!

ЁГОР. Гортаныд мунанныд сэсся?

НИНА ПЕТРОВНА. Мед ог! Ылодланныд жё эськё, конкё, менё да. Пёшёкеняянныд кыкнанныд. (*Ырыштчö кайны.*) Ачым кавшасьла. Ылодланныд кё! Ме шёрө сæk бурджык эн весъкалой! Ти менё кыкнанныд бура тёданныд!

ЁГОР. Ог, ог ылодлой.

ЛАДИМЕР. Ог.

НИНА ПЕТРОВНА (*кайём бёрын*). Мый нё кын мыр моз сулаланныд? Ёгор, лыддынин ассыд кывъястö.

ЁГОР. Атö-катö, климё-лельё, руйё-райё, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

ЛАДИМЕР. Оз кё вежсы? Сæk тэа-меалы не овны.

НИНА ПЕТРОВНА (недыр мысти). Вовук! Мый нё сэні сулалан? Лок, кагук, татчö. Ме дорö. Сэтшома гажой нин бырёма тэысь. Вовук, лок. Кöть юрсиöдыйд малышта.

ЁГОР (*Ладимерлы*). Гашкё, кайлан сы дорö да?

ЛАДИМЕР. А позьё?

ЁГОР. Код тёдас. Кайлы дай. Сæk тыдовтчас.

ЛАДИМЕР. Кыпöдчыла и эм. Оз кё чужомёс парсав. (*Кайё полигтыр.*)

НИНА ПЕТРОВНА (*пасъкёдис сывъяссö да матыстчис верёсыслань*). Күтшома ме тэнё радайта.

ЛАДИМЕР. А ме, чайтан, ог.

ЁГОР. Атö-катö, климё-лельё, руйё-райё, алим-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

НИНА ПЕТРОВНА. Лок, сывий топöдла.

ЛАДИМЕР (*лёкысь*). Мый ме дорö век жмитчан! Винасö нё мыйла эн ньёб?! Кыз яй!

НИНА ПЕТРОВНА. Вовук, мый тэкöд? Бара нин ме вылö пинясян. Лок, оқышта тэнссыд пось вом доръястö.

ЛАДИМЕР. Весась сэтысь! Вот юа да пета сиктö, дöрём кежысь! Мый тэ менем век сылї вылö галстук пысалан?! Ме абу вöв, медым сиöсавны! Ме абу ыж, медым пасыйны! И абу пон, медым дом йылын ветлыны! Пета сиктö да кызд тай кокён зымкнита! Сæk тёдланныд!

НИНА ПЕТРОВНА. Вовук, öвсы. Эн дур. Кызвы, кагук, менсыым. Ме од тэнё ок ёна радайта. (*Верёс дорас зилис топöдчынын гётырыс.*)

ЛАДИМЕР. Весась татысь! (*Йёткыштис пёвсö.*)

НИНА ПЕТРОВНА (*недыр кежё сайкавлö*). Ёгор, сё Криста ради! Петкёд менё татысь. Виас од тайё менё. Со Ладимерлон бугылышын кыздзи гёрдёдома. Быттьё öшлён.

ЁГОР. Кык нянь тупöсъ вылö кё сёймтö сетан. Сæk лэдза.

НИНА ПЕТРОВНА. Сета. (*Ладимерлы.*) Вовук, тырмас дурнытö. Тэ од менам ок шань.

ЛАДИМЕР. Петкёдла ме тэныд шань!

ЁГОР. Атё-катё, климё-лельё, руйё-райё, алим-пудим. Весь, вом, дёлк, гёлк, кись.

ЛАДИМЕР (*лёкысъ уськёдчö гётыр дорас*). Час ме тэныд... (*Другён мынё да муртса оз усь мыльк вывсянъ*.)

НИНА ПЕТРОВНА. Вовук. (*Тшётиш жё нем виччысътёг мынё да муртса жё оз усь мыльк вывсянъыс.*)

ЛАДИМЕР. Ёгор, мый нё та дыра эн лэдз. Мыйкё кё нё вёчи? (*Полигтырии видзёддö гётыр вылас.*)

НИНА ПЕТРОВНА. Со вёлём кутшомён меным колё лоны. А мыйла нё эськё ме татшомнас эг ло? Гашкё, бур, мый татшомыс эг ло да?

ЛАДИМЕР. Ме нинём ог гёгёрво. Менсым эн юась.

ЁГОР. Ме ог жё.

НИНА ПЕТРОВНА (*кыскö сёйм да сётö Ёгорлы*). На сёмыд. Аттьё, Ёгор.

ЁГОР (*шензьёмён*). Мыйысь?

НИНА ПЕТРОВНА. Ачым на ог тёд. Но аттьё. (*Тэрыба мёддёдчö*.)

ЛАДИМЕР. Нина, сулав! (*Уськёдчö бёрсянъыс, но сувтö*.)

ЁГОР. На бёр сёйтö.

ЛАДИМЕР. Оз ков. Аслыд коль. Нажёвитин. Со тай Нина весиг аттьёаліс на мыйыськё.

ЁГОР. На.

ЛАДИМЕР. Босът, мися. Сёрнитчим од. Эн яндысь. Тэныд од, кёнкё, эз жё ёна любö вöв миян вылö видзёднысö. Таясь и сёымыс. Нервтö бонзьёдомысь.

ЁГОР (*сюйё зептас сёймсö*). Мырдён ог кут вöзйины. Меным ковмылас на.

ЛАДИМЕР (*друг кучкё аслыс кымёсас*). Кылан, Ёгор, ме тёда, коді сэкинад тэ дорö воліс!

ЁГОР. Коді?

ЛАДИМЕР. Чудыс! Со коді. Сёмын сiёй вермас тадзисö вöчны.

ЁГОР. Мыйла сёмын сiёй?

ЛАДИМЕР. Мыйла, шуан? Аддзё миянлысь олёмнымыс да. И со тэ пыр отсыштыны мыччысъліс.

ЁГОР. Вермас лоны. Гашкё и, збыльысь сiёй да.

ЛАДИМЕР. Сёмын сiёй тадзисö вермис петкёдчывнысö. Сёмын сiёй, повтöм, некодлы сетчытöм, ас вежёрён олысъ чудыс вермас отсыштысö. Сiёй, тыдалö, кёсёй, медым миянёс олёмыс эз веж. Вёлiм сэтшомён, кутшомён чужлiм. Медлоим чудь кодыс жё збойёсъ, аслынам эскусъон да ас вежёрён олысъясон. Сэсся некодлы ми ог колой!

ЁГОР. Колёкё, сидзи и эм да.

ЛАДИМЕР. Дзик сидзи.

ЁГОР. Мыйла нё эськё меным петкёдчыліс. Мыйён нё ме мукёдсыс торъяла. Мыйла эз тэныд либо Полом Агнилы?

ЛАДИМЕР. Тайös висьтавны ме ог сямы. Ме, Ёгор, муна сэсся. А то Нина-лы сёйлём вылас сёкыд, тыдалö, лои. Ветла, кёть кыдзкё-мыйкё отсышта. Оз кё быттьё пинясъны кут.

ЁГОР. Ветлы. Ме вот ог и тёд, мый водзёсö вöчны?

ЛАДИМЕР. Кыдзи он тёд? Синтö моз видз мыльксö. (*Мунё.*)

Ёгор тапикасъё горт гёгёрыс. Тшана мыччысы ю Демид Миши.

ДЕМИД МИШ. Ёгор. Тэ по ёні Чудь мыльк вылас ыджаудыс. Вай ветлам.

ЁГОР. Ог эшты. (*Көсій пырны гортас.*)

ДЕМИД МИШ (*кутё сойёдыс*). Эн ышнясь. Ветлам. Меным окота жо тёдны, күтшомён чужсылыма. Гашкё, академикон да. Колокё, слойма на велодчыны да воодча сэтчодзыс.

ЁГОР. Тэ помыс...

ДЕМИД МИШ. Эн, мися, чепсась. Выйті тай ныртö вылö кутін лэптауны. Ышты...

ЁГОР. Ме ёд дон вылö вёча тайё уджсö.

ДЕМИД МИШ. Мед кё. Чайтан, менам сьомыд абу? Эм. Сэтшом уна, мый тэ весиг та мындасо вётнад эн аддзыв.

ЁГОР. Кытысь нин меным тэнад мында сьём аддзывны? Ковмас, сідзкё, тэнсыыд доз вылö корны. Сытог сёрни оз вермы лоны Чудь мыльк вылад кайлём йывсыыд.

ДЕМИД МИШ. Сета.

ЁГОР. Оні вай.

ДЕМИД МИШ. Бöрас сета.

ЁГОР. Он кё дзик оні сет — татысь ог и вёрзьёдчы.

ДЕМИД МИШ. Ышмомыд жо тэ! Ме дорын уджалігад небось эн татшома чепсасыны лысътлы. (*Кыскис сьём, лыддис.*) На, босыт.

ЁГОР (*босытё, дзебё*). А то ылодлан. Дасть вылас овны велаломыд да. Бöрас тэнсыыд чир мында он босыт.

ДЕМИД МИШ. Ветлам нин. Кутін сэні зынъгыны.

ЁГОР. Ветлам. (*Матыстчö мыльк дорö.*) Кай да мыльк шöрас сувт.

ДЕМИД МИШ (*кайё*). Оз кё нином артмы, то бёр босыта сьомтö.

ЁГОР. Артмас. Быдёнлён на артмыліс да. (*Гусьёнмоз.*) Атё-катё, климёлельё, руйё-райё, алым-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

ДЕМИД МИШ. Ёгор, мый нё он веж менё?

ЁГОР. Энлы на. Кывъясыс йиджасны на.

ДЕМИД МИШ. Дыр на ковмас сувалны?

ЁГОР. Оз торъясö.

ДЕМИД МИШ. Мукодыс нё та дыра жо оз вежсыны?

ЁГОР. Нимкывсö лыддьём бöрын пырысътöм пыр жо.

ДЕМИД МИШ. Но лыдды нин ассыыд лёк нимкывтö.

ЁГОР. Важён нин лыдди да.

ДЕМИД МИШ. Эн сöр! Яндисътöм син! Йёзсö сомын ылодлан! Час лэчча! Лосьёдчы бёр сьомтö сетны. Нином вылö тэнад сямыд эз вёв, и оз ло.

ЁГОР. Тэ тай, Мишё, он и вежсы. Татшомён и чужломуыд.

ДЕМИД МИШ. Ылодлан йёзсö да. Некод оз вежсыыв. Сöрём! (*Зiльё лэччыны мыльк вылысъ, но оз вермы.*) Мый нё йойталан! Збыльысъ со ог вермы татысь воськовтнысö! Лэдз татысь!

ЁГОР. А ог кё. Сэтчö и колян. (*Сералё.*) Тэ ёд он эски, мый ме верма йёзсö вежны. А тэ аслад лёклуныдла со весиг он вежсы.

ДЕМИД МИШ. Дугды, колокё! Лэдз!

ЁГОР. Ог. Со Полом Агни талань локтö. Сiйё кё тшöктас, лэдза.

Мыччысъё Полом Агни.

АГНИ. Мый нё Мишыскöд лоис? Вежёрсяялыштис кöть эз?

ЁГОР. Эз. Кутшомён воли, сэтшомён и сулалö.

АГНИ. Ме сидзи и чайтi. Миштö ме ичötсяяныс жö тöда. Дзолядырсяяныс онiя кодь дрист волi.

ДЕМИД МИШ. Лэдзöй, мися, татысь!

ЁГОР. Кык доз вылö кö сетан.

ДЕМИД МИШ (*сюйö кисö зептас*). На босыт. Ог онi, а лэдзан да сэки сета.

ЁГОР. Босытан сэки тэнсыыд!

АГНИ. Он. Сылысь он босыт. Ёгор, вай ме ветла сы дорö да босыта.

ЁГОР. Ветлы.

ДЕМИД МИШ. Дугды, Ёгор, юйтавнытö! Ачыд жö бöрас кaitчыны кутан.

ЁГОР (*казялö, мый Демид Миш оз чепсась петнысö да лыддьёдлö*). Атö-катö, климö-лельö, руйö-райö, алым-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

АГНИ. Вай сёйтö.

ДЕМИД МИШ. Тэныт ог сет. Ёгорлы киас пукта.

ЁГОР. Сет, колёкё, а то ог лэдз.

ДЕМИД МИШ. Эн. Ми онi Агникöд. Сiйö од оз жö вермы петнысö. Отлавын танi овмёдчам.

АГНИ. Меным тэрмасьны некытчö. Тэнö од корсыны кутасны-а. Оз кö аддзыны, то чиршöдласны. А таись тэ ёна полан. Сымыд веськöдлынытö абу. Сöмын нювсöмён да гырысыджык чина водзын чесчтö уськöдчомён и кутчысян. И юз вылас тешитчомён, кодi тэысь нэрджык.

ДЕМИД МИШ. Тэ нё мый, Агни, лоёмыд? Быд паныдасигён муртса муёдзыс он копыртчыв да.

АГНИ. Кутшом эм. Чайтан, тэ и мортыс. Абу-у. Кёсъян кö, велёда уджавнытö.

ДЕМИД МИШ. Тэ помысь.

АГНИ. Верма эськё да. Юрын уна мёвп жуö. Но тэныт висытавнысö весиг дыш. Вай сёйтö. Ёгорлы сета.

ДЕМИД МИШ. Он тай тэысь мын. Нa! (*Шыбитö му вылö*.)

АГНИ (*оз копыртчыв*). Киё сет.

ДЕМИД МИШ. Ачыд кыпöд.

АГНИ. Сидзкё, олыштам на танi. Ёгор, эн лэдз миянöс.

ЁГОР. Ог, ог. Меным тэрмасьны некытчö жö.

ДЕМИД МИШ (*копыртчö сёмысла*). Дурмёмныт тай тi. (*Агнилы.*) Нa, босыт.

АГНИ. Ышнясян сэнi. Тэ быттьö и мортыс. Ёгор, лэдз сэсся. Дыш меным весиг такöд орччён сувалвны.

ЁГОР. Атö-катö, климö-лельö, руйö-райö, алым-пудим. Весь, вом, дöлк, гёлк, кись.

ДЕМИД МИШ (*лэччö. Ёгорлы*). Нырад эськё лёсыштны!

ЁГОР. Видлы сёмын. Аслыт кызд сизьдышта!

ДЕМИД МИШ. Аттö кутшомёс лоёмныд. Чудь мыльк вёснаыс. (*Весиг мылькъяс чужийö.*) Став олём торксьö. (*Мунö.*)

ЁГОР. Но, Агни, аддзылiн мылькийыслысь вынсö?

АГНИ (*мыччө съёмсö*). На, босыт. Бура нажёвитін. Менам кё лишалана съём вёлі, ассянь на содтышті и.

ЁГОР (*ёвтыштö*). Аслыд кольёд.

АГНИ. Босыт. Збыльсың нажёвитін да. Тэныд, мужик мортлы, сёйом вылад уна мунё. Съомыд мусто оз зырт. Демид Мишлесь дивъя босытнытö. Сылыс мыйкё нетшыштöмьыд пон вомыс лы мырдьом кодь жё.

ЁГОР (*босытö*). Мый нё, Агни, жугыльчин?

АГНИ (*чөв олыштö*). Ёгор, гашкё, эсай... позьо оз кыдзкё дугёдны мылькыслыс дурёмсö.

ЁГОР. Мыйла дугёдны?

АГНИ. Чайта, ниномла сїё миянлы. Сомын йёзсö дэльёдö. Менам со узьом ни олём эз ло. Пыр ассым воясöс юрын гёгльёдла. Мыйла ме эг вермы велёдчынысö? Сэтшом кё нин сюсьён чужсылёма. И окота бара видзёдлыны, тёдмавны ачымös мыльк вылас. А сэтчö ветла да, оз кокнёд. Мёдарё, жугыльджык на съёлём вылын лоö.

ЁГОР. Эн кайлы дай.

АГНИ. Кызд нё он кайлы? Кыскомён кыскö да. А эз кё вёв тэнад дивёыд...

ЁГОР. Эн, Агни, и кор. Йозыслы со коло сїё да. Чудь мылькийс.

Матыстчоны Ладимер да Нина Петровна.

НИНА ПЕТРОВНА (*чорыда*). Ёгор, вай дугёд ассыыд дурёмтö.

ЛАДИМЕР. Эн, Ёгор, оз ков!

ЁГОР. Оз, дерт. Мыйла, Нина Петровна, тэныд тупкёмыс ковмис?

НИНА ПЕТРОВНА. Съёлём некыдзи местаö оз пуксы. Пыр ачым аскöд на сёрниті. Мыйла ме оні сэтшом? Ог гёгёрво. И бара вылыс мыйла түпкёмыс ви-дзёдлыны. А муннысö ог вермы. Съёлёмös кырлодлыны ог кёсай. Ёгор, верман кё, вай дугёд.

ЛАДИМЕР. Оз ков! Мед быдён ассысö аддзö, кутшомён чужлёма. И бёр зільё лоны сэтшомнас.

АГНИ. Кызд нё тайös вёчан? Куш кё отнадён олін. Сәк, гашкё...

НИНА ПЕТРОВНА. Он, он вермы асътö вежны. Сомын съёлёмтö дойдалан сэсся... Кор аддзан, кутшомён эськё чужлёмыд да.

ЛАДИМЕР. Челядьös кутам новлодлыны. Налыс сямсö тёдмавны. Найо нюдзджыкös на. Налы кокныыдджык на вежсынысö.

НИНА ПЕТРОВНА. Оз, оз ков тайös вёчны...

Мыччысъо Демид Миши.

ДЕМИД МИШ. Вай, Ёгор, тырмас йойтавнытö! Некыдзи со ас садьё ог во. Ставныс вежсьюмайс. А ме быттьё важ кодыс и эм. Мыйла нё? Эг жё од водзвыв писькёдом туйёд мун. Эг од тёд, мыйён да кутшомён лоа.

НИНА ПЕТРОВНА. Ми тэ моз жё со гаралам, мед дугёдчас. Быттьё позьо кё на...

АГНИ. Ме чайта, ставлы тырмымён нин лои тайös дивёыс. Мый вёчны, вёчис нин миянлы Чудь мылькийс. Тырмас.

ЛАДИМЕР. Ме тай чайта, мый мед олас. Он ёд мыльксö шыльёд. Сідз ёд, Ёгор? Чудъясыс со миянöс вежсыны чуксалёны.

НИНА ПЕТРОВНА. Он, мися, Володя, вермы. Вын ёд колё вежсынытö. А кытысь сiё миянлы? Видлы вай лоны сэтшомён, кутшомён чужин. Быдён ёд тай кокньöдчыны видзöдчам. Кыдзи мунё, мед сiдзи и мунас миян олёмным. Бергöдчынытö быдёнлы ыджыд вын ковмас. А та вылö кёсийсыд этша. Сöмын сьёлёмъяссö йозыслысь дойдалам.

ЛАДИМЕР (збоя). Кыдз он вермы вежсыны? Верман бара!

ЁГОР. Меным мылькийс и барышсö вайё. Кыдз нö ме уджтöгыс овны кута?

ДЕМИД МИШ. Ме тэнö удж вылад бёр босъта.

ЁГОР. Ылöдлан ёд, кёнкё.

АГНИ. Став юз дырииыс ёд оз жё кут ылöдчыны.

ДЕМИД МИШ. Ог, ог ылöдлы. Мый нö, менё он нин мортён лыдды али мый?

ЁГОР. Думыштлыны, сiдзкё, ковмас. (*Ставён чёв олёны, видзöдёны сьёкыда мёвпались Ёгор вылö.*) Зэв кё нин ёна коранныд, то дугöдчам. Меным таись ёна любёыс абу жё.

НИНА ПЕТРОВНА. Мый нö колё вёчны?

ЛАДИМЕР (кевмысъё). Ёгор, тёдан кё, вай висътав!

ЁГОР. Эн дёзмы, Ладимер, ме висътала. Сэкинад, кодi тай посводзад пукалiс, шуис, мый кёсъян кё по дугöдны ставсö, то...

ЛАДИМЕР. Ёгор дугды!

СТАВÖН. Висътав, висътав!

ЁГОР (чёв олышиштö). Сэкинад волысыыд вашкёдiс, мый колё по Чудь мыльк шöрас сатшыны пипу зор.

ЛАДИМЕР. Пипу зор ёд он жё сатшкёй! Чудъясыс ёд абу кутшомкё тшыкёдчысъяс.

Мукöдьыс сылысь оз нин кывзыны, лёсъёдчöны ётвылысь мунны. Саялёны, Ладимер недыр мысти мунё мёдарё. Мыччысъёны Демид Миш, Васька Ёгор, Полом Агни да Нина Петровна. Кыскёны пипу зор. Тыдовтчё Ладимер. Кёмтöм, дöрём кизъясыс разъсялёма.

СТАВÖН. Вай ёдйöджык нин сатшкам! Ладимер со локтö.

ЛАДИМЕР (зiльё падмёдны). Рабъяслы оз ков мездлуны! Найё бёр кёсёйны рабствою, кёнi кёть вердöны! Оз бара ков аслыныс мёвпавны! Сöмын уджав да мыштö лёсъёд, мед нöйтiсны! Оз ков рабъяслы мездлуны! О-о-оз!

НИНА ПЕТРОВНА. Дугды, Володя!

ЛАДИМЕР (бара падмёдö зор нуысъясöс). Ёксы ме! Пама ме!

Мукöдьыс ўёткыштöны сiёйс, сатшкёны Чудь мыльк шöрё пипу зор. Быдён ас ногыс видзöдö чурвидзысь зор вылö. Ладимер топöдчома Нина Петровна дорö да сыркъялёмён бёрдö. Мёдьыс кагаёс моз малалö юрёдьыс.

Андрей Попов

Попов Андрей Гельевич родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет, филологический факультет. Автор восьми сборников стихотворений. Публиковался в журналах «Наш современник», «Север», «Арт», «Арион», «Мир Сева», «Войвыв кодзув», «Крещатик» (Германия), «Московский вестник». Стихи переводились на венгерский язык. Лауреат еженедельника «Литературная Россия» за 2000 год. Член Союза писателей России.

«Любовь к независимой мысли...»

* * *

Живем! Остальное забыто,
Не очень заметно, что стар.
По кружечке пива – напиток
Меняет душевный состав.

Нам главное, сразу не спиться,
Принять мировой неуют.
Сократы российских провинций
Цикуту и славу не пьют.

Но склонны и мы к диалогу,
И все же себя познаем,
Отравленный век понемногу
Хлебаем –
глоток за глотком.

Хотя нашим искренним вздором
Никто от души не смущен,
Но чувствуем вкус приговора –
Железный и пошлый закон.

И чем же мы так ненавистны?!
И чей потревожили нрав?!

Любовь к независимой мысли
Меняет душевный состав.

И тем неизменней решенье –
Упрямая воля суда.
И нет для нас, кроме терпенья,
Иного святого труда.

Исповедь Моисея

Мне тяжело нести удел народа,
Трагедии несдержаных судеб,
Прости, Господь, им не нужна свобода,
И труд пророка темен и нелеп,

Когда народ пьянеет от разброда
И к милости и знакам Неба слеп,
Когда в путях великого Исхода
Он обрести желает сон и хлеб.

Но разве я носил его во чреве,
Но разве я родил его на свет?!

Прости, Господь, безумные во гневе,
Седые от лишений и от бед

Не внимают строгим истинам Синай.
Они клянут и плачут, умирая.

* * *

И наши скорби Богу не чужды –
Вдруг озаряет
Свежую могилу,
Утраты боль,
Беспомощную силу
И суетные планы и труды,

И горькие раздумья о былом
И будущем,
Пустом и заурядном,
Небесный луч –
И жизнь не безотрадна,
А связана таинственно с Христом.

* * *

Глубинка жалеет бомжей,
Здесь их алкогольные моши
Не станут искать Мавзолей,
Не выйдут на Красную площадь,

Не смогут заплакать в Кремле
От острой похмельной обиды,
А просто лежат на земле,
Не портят державные виды.

Дают им в ладони рубли,
Одежду дают им и хлеба
От провинциальной любви
И провинциального неба.

Не шейхи дают, не раджи,
Не гости из гордой столицы,
А люди, почти как бомжи,
Самим от любви бы не спиться.

Отъезд из России

От недостойного труда,
Душевных смут и ран
Ты уезжаешь навсегда –
И собран чемодан.

Шумит российский алкоголь –
Зато с похмелья в храм.
Такую вздорную юдоль
Ты оставляешь нам.

Всё это нам – и сон равнин,
И вой шальной пурги,
Полузабытый сельский тын,
Дороги, дураки,

Хандра и грязь, и вечный шип
Общественных идей.
А ностальгия, говоришь,
Для пьяниц и бомжей...

* * *

Чему я рад?
И солнце редко светит,
И светит без особого тепла,
И на душе холодный грубый ветер,
И остывает юности зола.

Так это возраст?
У него причуды.
И потому, убог и одинок,
Чему-то улыбаюсь?
Будь, что будет.
А что-то будет... И со мною Бог.

* * *

Я не смогу простить измену,
Поэтому я в нее
Никогда не поверю.

* * *

Жизнь наша маленькая,
тесная,
красота в нее не вмещается —
некуда,
спасает себе где-то мир.

Первый день Великого поста

Лицо умою — это же лицо,
На добродушье соберу я силы,
Поскольку держишь пост перед Отцом,
Перед людьми не надо быть унылым.

Не надо постной мины —
Напускной,
Евангелие толковать не надо,
Как будто ты мистический герой
И врачеватель душ живущих рядом,
Как будто по спасению труды
Сопровождая строгою аскезой,
Ты позабыл скромный вкус еды —
И даже холодца и майонеза.

Заешь гордыню постным огурцом,
 Лицо попроще сделай,
 Если сможешь,
 Поскольку держишь пост перед Отцом,
 Перед людьми не надо строить рожи.

* * *

*Не богатые ли притесняют вас, и
 не они ли влекут вас в суды?*

Иаков.2,6

Судьба безжалостна к богатым –
 На золотое бросит
 Дно.
 В их белокаменных палатах
 Страстей полно,
 Чертей полно.

Зажгут и свечи, и лампадки,
 Споет о них архиерей.
 А на душе не все в порядке –
 И от страстей,
 И от чертей.

От важных дел,
 Отмытых центов,
 С устатку или с бодуна
 Невинных в суд влекут зачем-то,
 Бесславят честных имена.

Чернеет сердце от коммерций –
 На нрав и гнев обречены...
 И жить, как эти страстотерпцы
 (печальники и горемыки),
 У нас мечтает полстраны.

* * *

Они желают мне пропасть,
 Сгореть в их гневе без остатка –
 Судьба, пожалуй, удалась,
 Когда с врагами все в порядке.

Но не до ссор, не до бузы,
В них уязвимая защита.
Как возлюбить и отразить
Удар и левою ланитой?

Как осознать, что суждена
Врагу последняя рубаха?
Вновь искушает сатана
Свалить врага единым махом,

Пронзить каленою стрелой,
Спалить его тесовый терем,
И после чаши круговой
В гордыне наступить на череп.

Как не забыть в тревожный час,
В холодной череде событий:
«Молитесь за хулящих вас,
За проклинающих молитесь»?

И мне удача дорога,
А надо пожалеть злорадца
И помогать ему подняться,
Любовью заслужив врага.

Памяти мамы

1.

Помолись, моя мама, и сердце твое успокоится,
Возжелает любви, просветлеет от утренних слез,
Только ты помолись — и простит Свой Покров Богородица
И утешит тревогу, дорогу и осень Христос.

Без молитвы душа наша мается и не раскается,
Без молитвы твоей замыкаюсь я в темные дни.
Даже самая длинная жизнь удивительно быстро кончается,
Помолись, моя мама, в молитвах меня помяни.

Помяни меня мама, иначе так просто отчаяться
Без прощающих слов твоих: «Боже, спаси и храни...»

2.

Я верю, смерти нет,
Но есть тревога,
Нет человека, что не согрешил.
Я о тебе молюсь, прошу у Бога,
Прошу покоя для твоей души.

И верю я
В неведомые дали,
Где не считают ночи и года,
Где не бывает никакой печали
И никакой болезни никогда,

Где никакие страсти не бушуют.
Поправший смерть, спаси и разреши
От всяких уз рабу Твою, прошу я...
Прошу покоя для твоей души.

И жизнь моя коротенькая длится,
Тревогу повторяя наизусть —
Хотел я научить тебя молиться,
Но только сам никак не научусь.

* * *

Днем или, может, порою полночной
Сердце поймет, что болит к непогоде,
Что разыграется ветер восточный —
Ветер Господень.

Ветер придет из далекой пустыни
И занесет родники и колодцы,
Горькие речи и храмы гордыни.
Кто же спасется?

Кто же привязанный к родине милой,
К жизни своих гаражей и домишек,
Выкрикнув, выдохнув: «Боже! Помилуй!», —
Будет услышан?

ДРЕВНОСТИ

Павел Павлов

Павлов Павел Юрьевич, к.и.н., с.н.с. отдела археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, является одним из ведущих специалистов в области изучения палеолита севера Восточной Европы. Центральное место в его научных исследованиях занимает проблема происхождения культуры верхнего палеолита в Восточной Европе. Им написано 75 научных работ, из них 46 – опубликованы. Павлов П.Ю. является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области науки (1998 г.).

Человек на Севере в эпоху палеолита

Одним из важнейших достижений последнего десятилетия в археологии европейской части России является открытие памятников ранней поры верхнего палеолита (38–28000 лет) на северо-востоке Русской равнины и западных предгорьях Среднего и Северного Урала, в бассейнах рек Камы и Печоры. Это открытие имеет фундаментальное значения для понимания истории становления современного человечества, его способности адаптироваться и успешно выживать в различных природно-климатических зонах уже на самых ранних стадиях заселения Евразии.

Открытие памятников ранней поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы в её арктических и субарктических широтах — стоянок Мамонтова Курья Гарчи I и Заозерье, и новые исследования стоянки Бызовая существенно расширили и значительно изменили современные научные представления о географии размещения и культурных особенностях стоянок начала верхнего палеолита в Евразии.

До недавнего времени стоянки этой эпохи были известны значительно более южных широтах — в бассейне Оки (Сунгирь), на верхнем Дону (Костенки), на Днестре (Молодова) и в Крыму (Сюрень).

Стоянка Мамонтова Курья

Памятник расположен на левом берегу р. Усы (крупнейший правый приток Печоры), непосредственно на Полярном круге ($66^{\circ}34'$ с.ш.).

Абсолютный возраст памятника определён по большой серии (более 40) радиоуглеродных и OSL датировок и составляет 38000–34000 лет.

На стоянке помимо фаунистических остатков, были найдены бивень мамонта с насечками и четыре каменных предмета: фрагмент бифаса, скребло на массивной пластинчатой заготовке, отщеп и осколок кварцитопесчаника. Наибольший интерес представляет бивень молодой (5–7 лет) самки мамонта с рядом парных ритмичных насечек, нанесённых каменным орудием.

Исследования памятника чрезвычайно затруднены из-за расположения слоя с находками практически на урезе воды в р. Усе в межень. Культурную принадлежность и тип памятника по имеющемуся материалу установить невозможно.

Фауна: мамонт (преобладает), северный олень, лошадь, волк.

Датировки помещают стоянку Мамонтова Курья в финальный этап мустье или в начальную пору верхнего палеолита. Мы не знаем, кто оставил эту стоянку. Если это были *Homo sapiens sapiens*, это означает, что люди современного физического типа чрезвычайно быстро освоили даже арктическую зону Европы, так как самые ранние находки человека современного вида в Европе датируются 34–36000 лет. Если же это были неандертальцы, это означает, что этот вид распространялся на север вплоть до арктической зоны, что существенно меняет наши представления о возможностях адаптации неандертальцев.

В настоящее время Мамонтова Курья — самый северный памятник такого возраста в мире.

К ранней поре верхнего палеолита в регионе относятся три стоянки — Заозерье, Гарчи I (верхний слой) и Бызовая.

Стоянка Заозерье

Памятник расположен в нижнем течении р. Чусовой (58° с.ш.). Возраст культурного слоя установлен по серии (8) радиоуглеродных датировок и составляет 35000–33000 лет.

Культурный слой залегает *in situ* в основании покровных отложений мыса третьей террасы р. Чусовая и приурочен к горизонту погребённой почвы среднего валдая. Площадь его распространения не менее 2500 кв.м. В настоящее время исследовано около 100 кв.м культурного слоя стоянки.

В ходе полевых исследований памятника в 2002–2003 гг. было изучено овальное в плане скопление культурных остатков с кострищем, представленное расколотыми костями животных, каменными и костяными орудиями и отходами их производства, фрагментами шлифованных изделий из бивня мамонта. Уникальна для памятников такого возраста находка овальной перламут-

Заозерье. Подвеска.

Заозерье. Очаг.

ровой подвески с двумя просверленными отверстиями, изготовленной из стенки речной раковины *Unio*.

Основные виды деятельности — разделка принесённых на стоянку с места добычи наиболее мясных частей туш лошади (задние и передние конечности), приготовление и потребление пищи, изготовление костяных орудий, шитьё шкур пушных животных и, возможно, изготовление украшений.

Каменный инвентарь стоянки насчитывает около 1500 предметов, из них 70 изделий с вторичной обработкой. Техника первичного расщепления характеризуется призматическими нуклеусами. Орудийный инвентарь стоянки состоит из двух различных технико-морфологических групп изделий — пластинчатой и бифасиальной. Пластинчатая группа представлена пластинами с краевой ретушью, остриями и резцами. Выразительную группу составляют массивные пластины с крутой «ориньякской» чешуйчатой ретушью. Резцы представлены боковыми с ретушированной площадкой и угловыми. Среди острий выделяются двуконечные на крупных массивных пластинах и острия с дугообразно ретушированным или затупленным краем, близкие к типу Шательперрон. К бифасиальной группе относятся скребла и ножи, в том числе схожие с восточномикоскими формами этих орудий. Характерной особенностью техники изготовления большинства бифасов является применение мустьерской плосковыпуклой ретуши.

Заозерье. Бусина в очаге.

р. Чусовой, покрытой растительностью бореального или северобореального типа. Водораздельные пространства в окрестностях стоянки представляли открытые лесостепные ландшафты. Реконструируются умеренно холодные климатические условия.

Определить тип памятника в настоящее время возможно только предположительно, так как раскопками вскрыта только очень небольшая (около 4%) часть площади стоянки. Исследованные участки культурного слоя памятника представляют, скорее всего, остатки кратковременных посещений.

Фауна: лошадь (абсолютно преобладает), северный олень, носорог, заяц, мамонт.

Стоянка Заозерье представляет значительный интерес для дальнейших исследований.

Стоянка Гарчи I (верхний слой)

Памятник расположен на верхней Каме (59° с.ш.). Возраст стоянки около 29000 лет. Культурный слой залегает *in situ* в покровных отложениях мыса IV террасы Камы и приурочен к верхней части погребённой почвы брянского возраста. На отдельных участках он повреждён крупными мерзлотными трещинами, заложенными из перекрывающего почву лёссовидного суглинка. Раскопки проведены на площади около 120 кв.м. В ходе раскопок памятника исследованы два скопления культурных остатков, расположенных на расстоянии около 100 м. Между скоплениями культурный слой не обнаружен. Первое скопление почти полностью уничтожено абразией берега. В исследованной части (около 6 кв.м) выявлен очаг восемькообразной формы и найдено около 1500 экз. каменных изделий. Второе скопление сохранилось практически полностью, изучено частично. В плане оно имеет овальную форму с двумя костищами восемькообразной формы, расположенными по центральной оси скопления. Культурный слой имел наибольшую мощность в приочажной зоне — до 0,30 м, к краям скопления его

По основным технико-типологическим характеристикам индустрии и, главным образом, по сочетанию в ней изделий мустьеской и верхнепалеолитической морфологии, стоянка Заозерье, по нашему мнению, входит в круг индустрий начальной поры верхнего палеолита Европы.

Предварительные результаты палинологических исследований культурного слоя на стоянке Заозерье показывают, что люди жили на пойме или низкой надпойменной террасе

мощность сокращалась до 0,05–0,02 м. Таким образом, культурный слой в профиле имеет линзовидное залегание, что более всего характерно для жилых наземных сооружений. Коллекции каменного инвентаря, происходящие из скоплений, идентичны и составляют единый комплекс.

Каменный инвентарь стоянки насчитывает около 5000 предметов, в том числе 120 орудий.

Техника первичного расщепления характеризуется плоскими нуклеусами параллельного скальвания, единично представлены торцовые ядрища.

Ведущая форма заготовки — отщеп, пластины в коллекции практически отсутствуют. Основная категория орудий — скребки. Среди них изделия высокой формы, кареноидные, подтреугольные с центральной подтеской и округлые с ретушью по периметру заготовки. Немного уступают им в численности двусторонне-обработанные треугольные наконечники с вогнутым и прямым основанием (стрелецкого и сунгирского типов). Скребла немногочисленны и изготовлены, как правило, на массивных удлинённых сколах. Найдены также острия, плитки кремня с двусторонней ретушью по одному из краёв, поперечные и боковые резцы.

Орудийный набор памятника содержит все основные типы, характерные для стоянок костенковско-стрелецкой культуры. Наиболее близкие аналогии прослеживаются в V слое стоянки Костенки I.

Судя по особенностям распространения культурного слоя и составу находок, памятник представляет неоднократно посещавшуюся охотничью стоянку. Интересно отметить, что под обнажениями III террасы Камы в ближайших (до 300 м) окрестностях памятника найдено несколько небольших треугольных наконечников без сопутствующих находок. Не исключено, это утерянные во время охоты наконечники промыслового вооружения, вполне вероятно, стрел.

Фауна: лошадь (преобладает), северный олень, мамонт.

Стоянка Бызовая

Памятник расположен в среднем течении Печоры (65° с.ш.). Возраст памятника — около 28000 лет установлен по серии (24) радиоуглеродных дат. OSL даты (в календарных годах) показывают несколько более ранний возраст: 29000–32000 лет. Культурный слой памятника залегает в галечнике делювиально-солифлюкционного генезиса и перекрыт мощной (до 9 м) пачкой песков и супесей, которые имеют эоловое происхождение. Памятник имеет довольно значительную площадь. Протяжённость слоя с культурными остатками вдоль берега Печоры составляет 180 м с незначительными перерывами. В глубину террасы культурный слой распространяется на 20–30 м. Раскопано около 500 кв.м культурного слоя памятника. Большая часть памятника, скорее всего, уничтожена боковой абразией Печоры ещё в древности.

Культурные остатки на стоянке представлены большим скоплением костей мамонта и сравнительно небольшим количеством каменных изделий, всего около 300 экз.

Технико-типологические параметры каменного инвентаря стоянки Бызовая демонстрируют сочетание верхнепалеолитических (призматические нуклеусы, кон-

Бызовая. Вид.

цевые скребки (в том числе карене), pieces esquilles, тонкие листовидные бифасы) и мустьевских черт (восточномикокские формы ножей, разнообразные скребла). По основным характеристикам каменного инвентаря памятник имеет определённое сходство со стоянкой Заозерье.

Фауна: мамонт (абсолютно преобладает), северный олень, лошадь, носорог, песец, бурый медведь, волк, овцебык и лемминг.

Стоянка Бызовая имеет ряд особенностей в составе коллекций каменного инвентаря и фауны, а также в топографическом положении, которые позволяют ставить вопрос о специфическом типе памятника. Прежде всего, обращает на себя внимание значительное количество изделий с вторичной обработкой в коллекции стоянки Бызовая — 45% от всего инвентаря. Такое соотношение более всего соответствует показателям временных охотниччьих лагерей. В то же время, в орудийном наборе стоянки практически отсутствуют предметы охотничьего вооружения и преобладают орудия, предназначенные для утилизации туш животных — скребки, ножи, скребла, отщепы с ретушью и следами использования.

Также не характерен для временных охотниччьих лагерей состав фауны памятника: более 4 тыс. преимущественно целых костей животных. Среди них абсолютно доминируют кости одного вида — мамонта (97,6% от определённых костей).

Бызовая. Нож.

Бызовая. Наконечник.

Обращает на себя внимание и топографическое положение стоянки. Она расположена на крутой излучине Печоры в устьевой части лога, расположенного на её вершине, т.е. в топографических условиях

ях, весьма характерных для природных ловушек, где формировались естественные «кладбища» крупных млекопитающих, в том числе и мамонтов.

По нашему мнению, комплекс данных, полученных при исследовании стоянки Бызовая, позволяет с большой долей уверенности говорить о том, что она представляет редкий для ранней поры верхнего палеолита тип памятника – многократно (?) посещавшуюся стоянку на природном кладбище мамонтов.

Отмеченное выше сходство каменного инвентаря стоянок Заозерье и Бызовая — первое указание на развитие одной из индустрий ранней поры верхнего палеолита внутри региона и, следовательно, на существование на северо-востоке Европы постоянного населения в период 33000–28000 лет.

*Бызовая.
Раскопки.*

Первобытный человек на Севере

Сейчас можно считать окончательно установленным тот факт, что северо-восточная окраина Русской равнины и западные предгорья Среднего и Северного Урала являются одними из немногих регионов Восточной Европы, в которых найдены памятники ранней поры верхнего палеолита. Памятники ранней поры верхнего палеолита региона относятся к одним из древнейших стоянок этого периода в Восточной Европе и имеют возраст в интервале 38000–28000 лет. Указанные хронологические рамки полностью соответствуют датировкам начальных этапов верхнего палеолита более южных регионов Евразии. Это свидетельствует о том, что человек современного типа практически одновременно смог освоить все климатические зоны материка, включая и арктическую. Все, за исключением стоянки Гарчи I, располагаются полосой вдоль западного склона Уральских гор и приурочены к долинам больших рек. Культуры ранней поры верхнего палеолита на северо-востоке Европы имеют европейское происхождение. Стоянки этого периода в регионе относятся к различным индустриям – костенковско-стрелецкой (сунгирской) и типа Заозерье-Бызовая. Существование практически одновозрастных и резко отличных в культурном плане индустрий начала верхнего палеолита в Восточной Европе до сих пор было известно только в Костенковско-Борщевском районе на верхнем Дону. Культурная мозаичность переходных памятников, установленная для центральной Европы, характерна и для северо-востока континента и свидетельствует в пользу гипотезы о возникновении культуры верхнего палеолита на мусьевской основе, по крайней мере, в Восточной Европе. Следует особо подчеркнуть, что палеолитические памятники, открытые в регионе, как правило, отличаются очень хорошей сохранностью культурного слоя, что позволяет детально реконструировать хозяйственную деятельность древнего человека.

По нашему мнению, раннее проникновение человека в субарктические и арктические широты Европы, наряду с социо-культурным и демографическим факторами, по нашему мнению, в значительной степени было обусловлено также и природно-географическими условиями холмисто-увалистой полосы западного склона Уральских гор. Здесь, на сравнительно небольшой территории, сочетаются обширные равнины, холмистые предгорья и невысокие горы, пересечённые долинами крупных рек. Такая мозаичность ландшафтов создавала особо привлекательные условия для разнообразных видов травоядных животных, так называемой «мамонтовой степи», и, следовательно, для первобытных охотников. Особо следует подчеркнуть, что в нестабильных климатических условиях, характерных для среднего вадая, разнообразие биотопов должно было обеспечить сохранение относительно благоприятных условий, по крайней мере, на части этой территории в периоды климатических колебаний.

Открытие памятников перехода от среднего палеолита к верхнему и ранней поры верхнего палеолита на северо-восточной окраине Русской равнины и западном склоне Уральских гор является одним из важнейших открытий последнего десятилетия в археологии Евразии. Исследования этих памятников, значительно изменивших научные представления о географии размещения и культурных особенностях памятников этого периода на Европейском континенте, продолжаются.

Александр Мурыгин

Мурыгин Александр Михайлович, к.и.н., с.н.с. отдела археологии Института ЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, является одним из ведущих специалистов в области изучения финно-угорских раннесредневековых культур европейского Северо-Востока. На территории Республики Коми и на смежных территориях им найдено и изучено свыше 100 объектов археологии. Центральное место в его научных исследованиях занимает проблема происхождения и формирования раннесредневековых археологических культур, их этнической принадлежности, происхождения народов, обитавших в прошлом на обширной территории таёжной и тундровой части Крайнего Севера европейской части России. Им написано 119 научных работ, из них 93 – опубликованы. Мурыгин А.М. является лауреатом Государственной премии Республики Коми в области науки (1998 г.).

Чудские древности

Первые письменные свидетельства, касающиеся лесного Припечорья, появляются в начале II тысячелетия нашей эры. Они очень скучны и отрывочны. Уже из начальных страниц русской летописи «Повесть временных лет» можно узнать, что в число народов, уплачивающих дань Руси, входила «печера»: «А се суть иини языци, иже дань даютъ Руси, Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печера, Ямь, Литва, Зимигола, Корсь, Норова, Либы: си суть свои, языкъ». О другом народе «югра», также обитавшем в Припечорье, рассказывается в повествовании новгородца Гюраты Роговича (XI в.): «...послах отрок свои в Печеру люди яже суть дань дающе Новугороду, и пришедши отроку моему к ним, и оттуду иде в Югру...».

Большинство страниц исторического прошлого этих этнических образований, сведения о которых изредка встречаются в более позднее время, нам не известны. Их можно попытаться прочитать и частично воссоздать только на основе археологических материалов. От эпохи средневековья Печорского Приуралья (V–XIV вв. н.э.) до наших дней дошли многочисленные неукреплённые стоянки, на которых находят очаги, обломки глиняной посуды, кости животных, кремнёвые скребки для обработки шкур, орудия труда, связанные с обработкой цветных металлов, единичные вещи. Немногочисленны укреплённые поселения — городища, а древние могильники — единичны. Материалы древних поселений позволяют воссоздать, как правило, различные стороны хозяйственного уклада и быта людей. Однако в распоряжении исследователей средневекового Припечорья имеются археологические памятники — древние пещерные святыни, представляющие значительный интерес для реконструкции духовной культуры населения Печорского края. Постоянное использование пещер в Припечорье для совершения языческих обрядов по археологическим данным прослеживается, начиная

только со второй половины II тыс. до н.э. и периодически, с различной степенью интенсивности, непрерывно продолжается почти до середины II тыс. н.э.

Долгое время были надёжно укрыты от взглядов постороннего человека в глубинах печорской тайги и в горах Унъинская и Канинская пещеры на верхней Печоре и Унье, Эшмесская пещера на среднем Тимане, гrot Арка на р. Подчерьем, Адакская пещера на Усе (*рис. 1*). До начала археологических исследований они хранили в толще щебня разнообразные культурные остатки — немые свидетельства былого, проливающие свет на верования древних племён Припечорья, использовавших пещеры для совершения языческих ритуалов. Средневековый инвентарь накапливался в Канинской, Унъинской, Адакской пещерах на протяжении V–XIII/XIV вв. н.э. Эшмесская пещера датируется X–XI вв. н.э.

Под сумрачными известковыми сводами сохранились следы кострищ и остатки сгоревших деревянных конструкций, а главное — многочисленные вещевые, пищевые и кровавые приношения древних жителей своим «богам» и «духам», испрашивавших у них благосклонности и благополучия в своей жизни и делах.

Вещевые жертвоприношения состояли из костяных, реже — металлических, наконечников стрел, различных бронзовых, серебряных, стеклянных украшений, серебряных монет, бытовых вещей и орудий труда, глиняной посуды, реже — оружия, изготовленных на месте или различными путями попадавших сюда из Азии, Западной Европы, Сибири, Волго-Камского региона. Эти изделия свидетельствуют об удалённых, разнообразных и широких торговых, обменных и культурных связях местных племён. Многие вещи были сломаны преднамеренно. Среди находок многочисленны непонятные по назначению пластинки, обломки и обрезки металла. Эти признаки культовой обрядности не случайны и характеризуют существенную сторону архаичных верований и сакральных действий северо-уральского населения. Характерной чертой языческого культа печорских племён эпохи средневековья является также использование предметов более ранних эпох в качестве приношений на жертвенные места (Эшмесская пещера). В их число входят кости мамонта, преимущественно фрагменты бивней и пластинки зубов (Канинская, Адакская пещеры). Факты, свидетельствующие о почитании этого ископаемого животного, известны по мифологическим воззрениям народов Сибири. Находя по берегам рек кости необычно крупного размера, они видели в них останки огромного существа, недоброго и могучего, и поныне обитающего в воде или под водой, вызывающего обвалы берегов или разбивающего своим рогом лёд на реках и озёрах.

В число атрибутов культа входили не только вещи из повседневного обихода. На святилища приносили также специально изготовленные литые и штампованные фигурки реальных и фантастических животных, людей или образы, сочетающие человеческие и звериные черты, которые являются специфической особенностью жертвенного инвентаря (*рис. 2, 3*). В культовых целях на серебряных изделиях процарепывались различные изображения (граффити), наносили золочение определённой формы. Предметы культового литья, представляющие собой высокохудожественные произведения древнего искусства, относятся к числу археологических находок, по праву достойных войти в золотой фонд культурного наследия современного финно-угорского и самодийского населения северо-востока Европы.

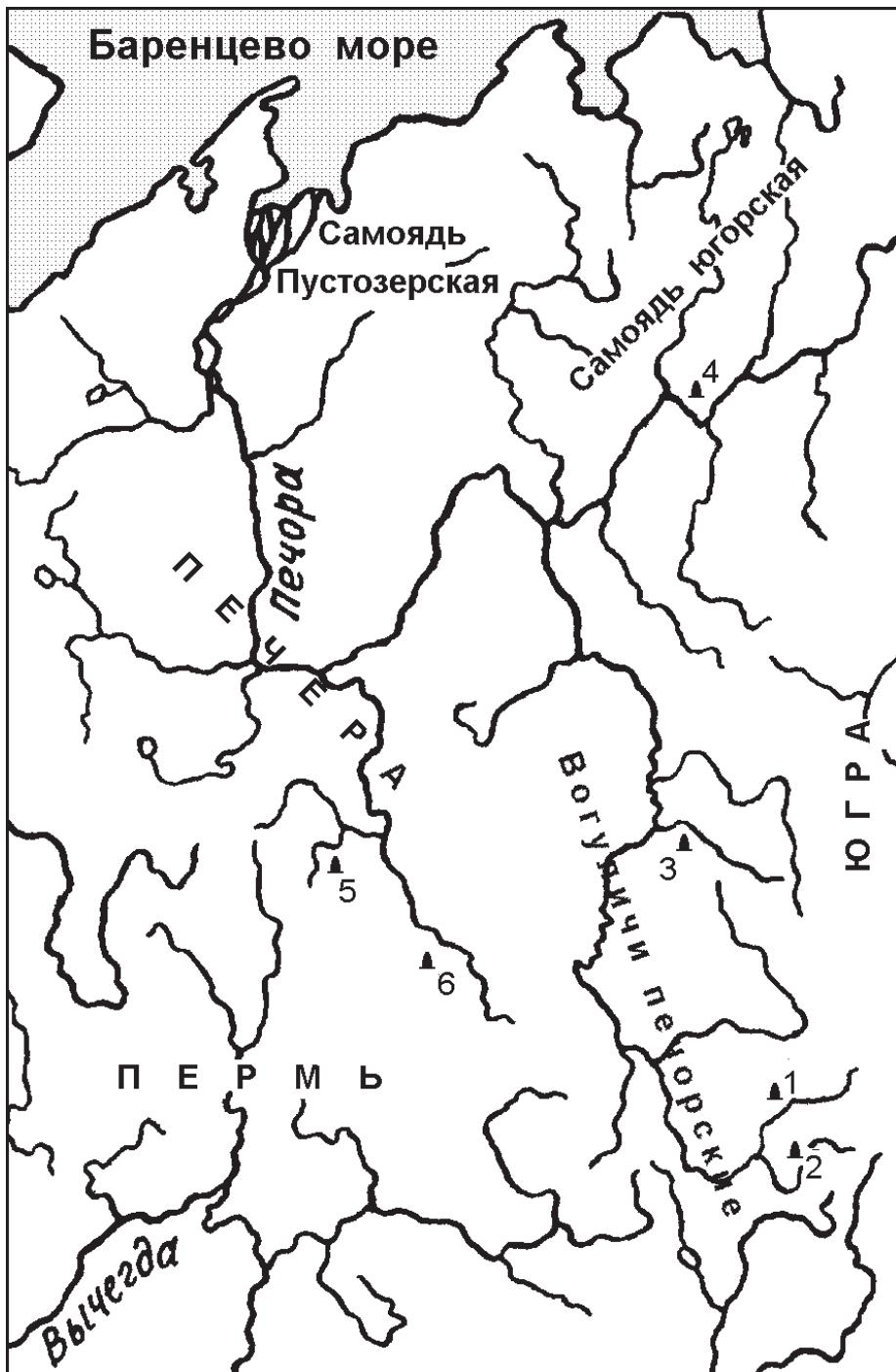

Рис. 1. Карта пещерных жертвенных мест Печорского Приуралья. 1 – Канинская, 2 – Унинская, 3 – грот Арка, 4 – Адакская, 5 – Эшмелевская, 6 – Седлюсская.

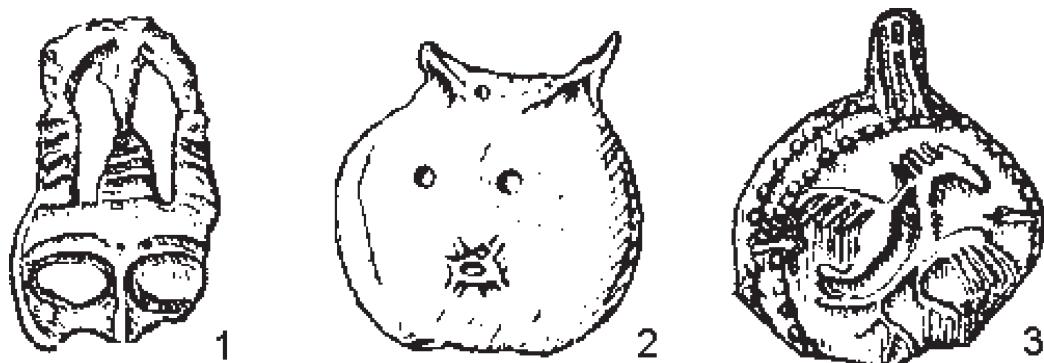

Рис. 2. Канинская пещера. Культовое литье. Бронза.

Пищевые жертвоприношения состояли из костных остатков, принесённых в жертву животных при совершении ритуальных действий, что было связано с почитанием различных мифологических существ. Найденные при раскопках осетрологические материалы отражают практически весь спектр промысловой фауны Печорского Приуралья, среди которой ведущее место занимали пушные звери. Типичным является принесение в жертву голов животных (медведь, олень, бобр). Ритуальное захоронение черепов животных достаточно подробно описано в научной литературе. В частности, у обских угров после завершения медвежьего праздника голову этого зверя «относят на специальное место; здесь череп вешают на дерево, что символизирует погребение медведя, причём в это же время приносится в жертву лошадь или олень, а при черепе оставляются кусочки пёстрых тканей, монеты, медные пуговицы и т.п.». Исследуя этнографию коми, известный учёный А.С. Сидоров отмечал, что следы культа медведя вплоть до недавнего времени сохранялись и у охотников-коми, которые после добычливой охоты совершали ритуал погребения головы медведя или всех его костей, а потом устраивали «поминки».

Следы кровавых жертвоприношений выявлены в средневековом слое Уньинской пещеры. Здесь найдены человеческие зубы и фаланги пальцев, которые принадлежали не менее, чем двум индивидам. Эти факты, видимо, являются отражением давно исчезнувшего обряда человеческих жертвоприношений. Он существовал в глубокой древности у многих народов, в том числе и финно-угорских, и известен по археологическим и этнографическим материалам. Позднее этот обряд превратился в часть языческой мистерии и имел символический характер. «Ежели какое величайшее нещастие оному народу приключится, то у идола своего тотчас вопрошают и требуют совета следующим образом: ...ставят посередине барабан, и кругом оного становится не-

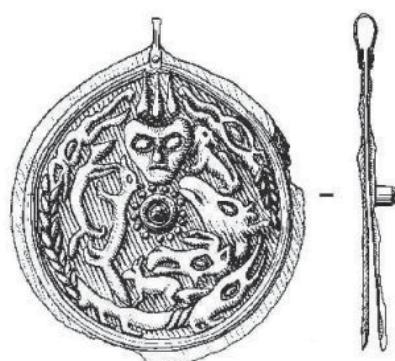

Рис. 3. Уньинская пещера. Культовая подвеска с зоантропоморфными изображениями. Бронза, серебро, стекло или камень.

сколько человек, таких только, коим по жеребью достанется тут стоять; после сего полагают на барабан серебреную жабу или лягушку и бьют в барабан палочкою, от чего лягушка будет, как бы живая, прыгать, и против кого из окрестоящих оная ближе и прямо головою остановится, то оного человека тотчас умерщвляют. Сей умерщвлённый, не известно каким идолъским мечтанием, вдруг оживает и объявляет причины оного зла и бедствия» (И.И. Лепехин).

Чтобы выявить место некоторых находок в древнем культе, необходимо обратиться к этнографическим параллелям. Бессспорно, что костища в пещерах являются остатками разведения ритуального огня, на котором варилось мясо жертвенных животных и около которого совершались культовые церемонии. Жертвоприношения животных всегда были одним из важнейших элементов ритуальных действий. Для примера можно привести одно из описаний жертвоприношения животных, описанное Алессандро Гваньини: «Этому истукану обдорцы, угричи и vogуличи, а также и другие соседские племена воздают кульп почитания, жертвуют идолу самые дорогие и высокооцененные соболи меха, вместе с драгоценными мехами прочих зверей закалывают в жертву ему отборнейших оленей... и во время жертвоприношения колдун вопрошает истукана, что им надо делать и куда кочевать: истукан же (странный сказать) обычно даёт вопрошающим верные ответы и предсказывает истинный исход их дел». Более живописно такое описание жертвоприношений, которое дал Г.Новицкий: «Егда же прыведут жремое пред кумиры, сицевым обыкновением сие жертву приносять... Начынает убо жрец баснословити песньми моля идолов изобилие рыб подать, угодное ловление зверя получить. Окончавшу же сие, ударяет скота первое сам жрец уготованных на то орудием, потом другой язвить стрелою, третий копием. Падшу убо скоту, ещё дышущу, емлють и трыжды около идолов сего обносять, последи ударять ножом в сердце, испущая кров в блюдо, кроплять сею мерзостию и жилища своя, идолом же уста помазывать, в украшение же и всегдашнее воспоминование кожу со главою и ноги даже до колен за едино с кожею на древах завешууть над кумирнями». Этот же автор писал, что в «кумирнях» «...складають кости по зловерии своем и соблюдають сия, мняще яко недостойно пометати безчестно костей, приносимых на жертву».

В языческий ритуал древних коми также входило развешивание шкур и мехов животных, принесённых в жертву. Об этом можно прочитать в «Житии святого Стефана епископа Пермского», написанное Епифанием Премудрым, содержавшего в ряду прочих сведения о дохристианских верованиях древних пермян вычегодских. В нём описывается, как во второй половине XIV в. епископ Стефан уничтожал на пермских языческих святилищах «повешанное около идол... или на приношение, или на украшение им принесённое, или соболи, или куницы, или горностаи, или ласицы, или бобры, или лисицы, или медведна, или рыси, или белки». Хотя пещерные святилища Припечорья отличаются друг от друга по составу жертвенных животных, сам факт их принесения в жертву потусторонним силам не вызывает сомнений.

Не случайны в пещерных жертвенных местах находки большого числа костяных наконечников стрел (*рис. 4*). Они играли заметную роль в магических актах древних обитателей Уральского Севера, что подтверждается наблюдениями учёных. Ещё в XIX в. Н.А. Абрамов отмечал: «Ни один Остяк не проезжал мимо

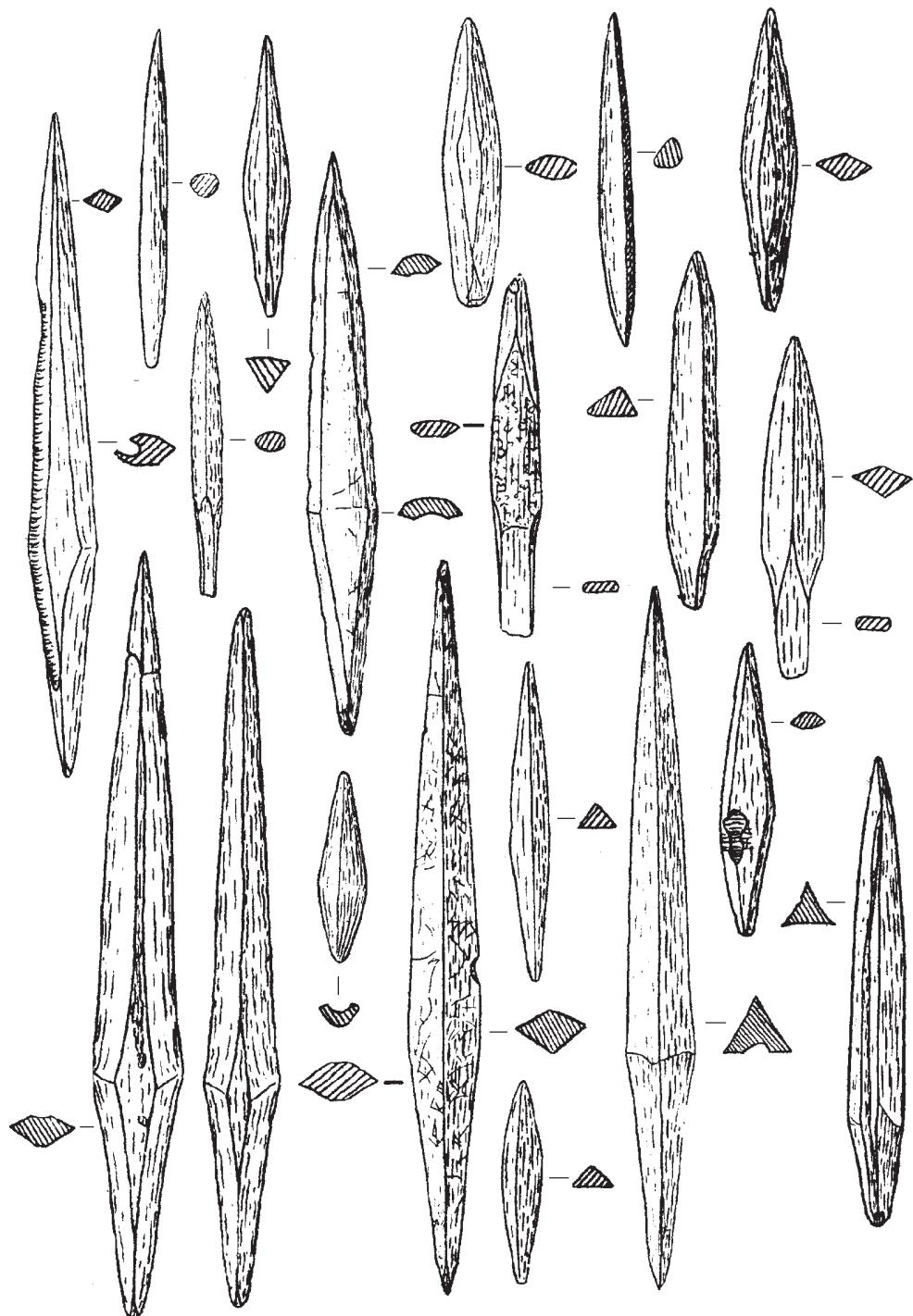

Рис. 4. Уньинская пещера. Наконечники стрел. Кость.

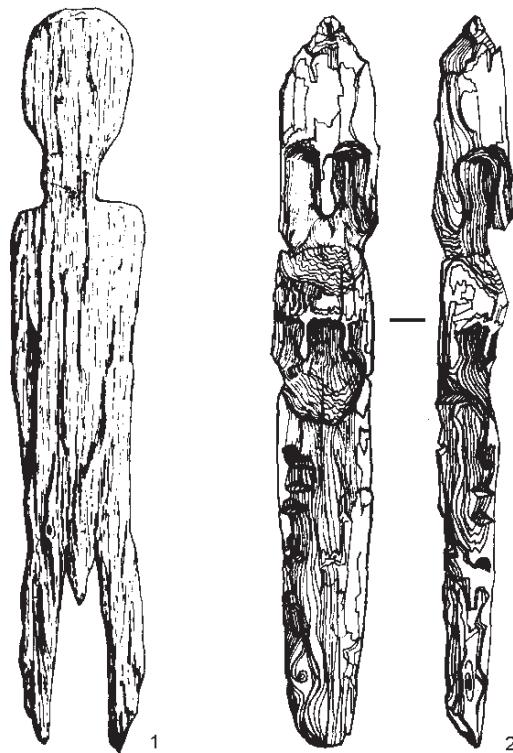

Рис. 5. Эшмесская пещера. Антропоморфная скульптура (идолы). Дерево.

обычно способствует консервации археологических находок, а стояли на поверхности в гроте пещеры, они прекрасно сохранились. Между тем их возраст очень почтенный. По данным радиоуглеродного анализа, который помогает довольно точно определить дату того или иного изделия, они были вырублены из лиственницы в 1060/40 и 1010/40 или в 890 и 940 годах нашей эры, то есть около 1000–1100 лет тому назад.

Один из идолов представляет собой мужскую фигуру с выраженным признаком пола (рис. 5, 1). Изображение изготовлено из доски, высотой около 120 см. Голова фигуры круглая без моделировки черт лица, туловище удлинённо-прямоугольное без рук, ноги расчленены. Другое антропоморфное изображение в виде объёмной фигуры высотой около 143 см имело вид конически заострённого вверху столбика (рис. 5, 2). В верхней части лицевой стороны столбика высечена одна крупная личина, под которой расположены на одном уровне ещё две спаренные личины, более мелкие. Под ними прослеживаются четыре насечки. Трактовка лиц дана схематически — щёки и глазные впадины показаны одной плоскостью, рот не отмечен.

У входа в грот Эшмесской пещеры были обнаружены различные предметы из серебра и бронзы (рис. 6), сосредоточенные в компактную группу — изделия, украшенные рельефным геометрическим орнаментом, изображениями реальных и

тех, чтимых ими предметов, без того, чтобы сперва не выстрелил в них из лука... Остяки приносили своим идолам в жертву лучшую мягкую рухлясть; стрелы, много раз убивавшие зверя; также серебряные деньги, тарелки и блюда».

В приведённых отрывках постоянно упоминаются деревянные скульптуры — «истуканы», «идолы», «кумиры», около которых происходили языческие церемонии. Они хорошо известны по этнографическим описаниям священных мест. Однако находки деревянных изваяний на археологических памятниках крайне редки, поскольку деревянные изделия недолговечны и большей частью не сохраняются.

Подобные деревянные фигуры происходят и из одного из пещерных святилищ Припечорья — Эшмесской пещеры (рис. 5), которая является уникальным по составу находок памятником в средневековой археологии северо-востока Европейской части России. Несмотря на то, что эшмесские идолы не были засыпаны землёй, что

фантастических животных, человеческими личинами и фигурами, золочением различной формы, западноевропейская монета первой четверти XI в. н.э. и восточная монета первой четверти X в. н.э. и др. В их число входила крупная круглая бляха с позолотой в центре и с процаррапанным изображением оленя. Она была расшифрована Н.Д. Конаковым как древний календарь, имеющий в своей основе годовой биологический цикл северного оленя. Год начинается с осенней солнечной фазы. Возможно, здесь находился истлевший со временем ритуальный ящики или сундучок, в котором приносились и хранились все эти обрядовые предметы. Кроме них были найдены костяные и кремневые наконечники стрел, кости животных, представленные, в основном, черепами бобров. Остатки обугленной древесины из раскопок, видимо, от сгоревшего настила, по данным радиоуглеродного датирования относятся к 900 г. н.э.

Особенности археологического материала из Эшмесской пещеры дают возможность предположить, что изделия из серебра и бронзы представляют собой не случайный и не произвольный набор предметов. Они являются целенаправленно подобранным культовым комплектом. Характерно, что на одной из серебряных подвесок с остатками золочения был изображён человек в характерной танцующей (ритуальной) позе, с поднятыми вверх руками и согнутыми в коленях ногами. По-видимому, на этой подвеске было нанесено своеобразное «портретное» изображение посредника между миром людей и миром духов — «эшмесского шамана», человека, совершившего ритуальные действия перед идолами, испрашивая у духов-покровителей благополучия для своего народа. Предметы, которые составляли культовый комплект, видимо, могли быть не вполне одновременны, различны по происхождению, но едины по назначению — имели свой смысл, вполне понятный и тесно связанный с мировоззрением посредника и его сородичей.

В связи с материалами, полученными в ходе исследования Эшмессского святилища, следует обратиться к исследованиям, в которых учёные пытались локализовать этническую группу «печера», определить её этнокультурную принадлежность, сопоставить с конкретными археологическими памятниками.

Основываясь на немногочисленных письменных источниках и учитывая археологические данные, авторы по разному помещали «пещеру» на картах. Академик Б.А. Рыбаков считал, что «печера» проживала на средней и, возможно, верхней Печоре. По мнению выдающегося археолога финно-угроведа А.П. Смирнова, «печера» обитала на верхней, средней и частично нижней Печоре. В указателях к русским летописям дано следующее определение: «Печера — народ и страна в бассейне верхней и средней Печоры и северных притоков р. Вычегды». Известный этнограф Л.П. Лашук полагал, что «печера» располагалась в бассейне средней и нижней Печоры. Видный археолог, посвятивший изучению древней и средневековой истории Припечорья большую часть своей жизни, В.И. Канивец предполагал, что ванвиздинская археологическая культура второй половины I тысячелетия н.э. связана с летописной «печерой» и разделял мнения А.П. Смирнова и Б.А. Рыбакова, считая районы средней и верхней Печоры, а также, вероятно, среднего и восточного Привычегодья областью расселения «печеры».

Этническая принадлежность «печеры» также неоднозначно рассматривалась в научной литературе. Ряд исследователей усматривали в этом народе самоедов

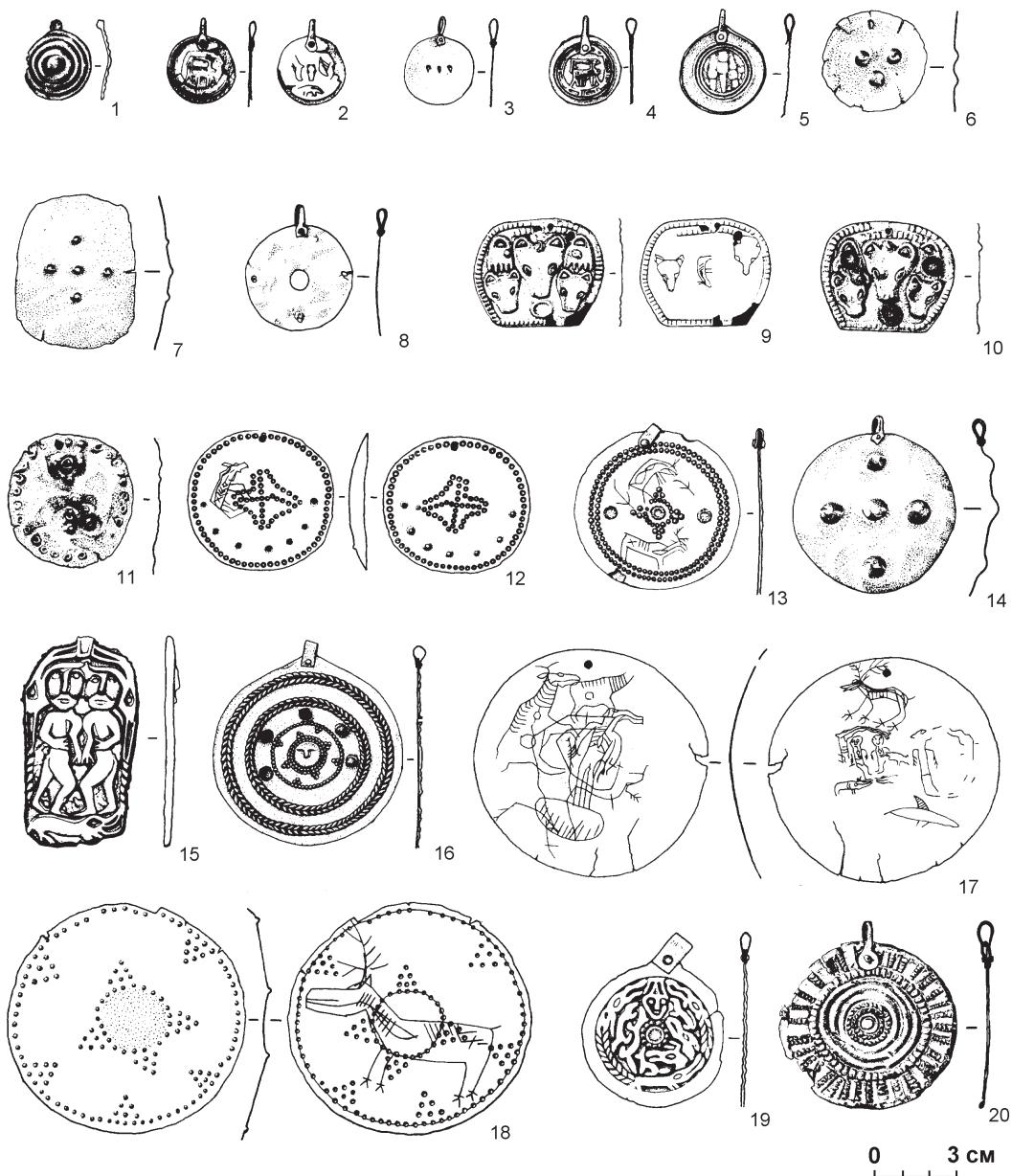

Рис. 6 . Эшишская пещера. Предметы культа. Бронза, серебро, позолота.

(А.Х. Лерберг), карел (М.А. Кастрен), население палеоазиатского происхождения (Л.П. Лашук), считали этот загадочный северный народ остатками пралопарей, первоначально формировавшихся в Западной Сибири (В.Н. Чернецов), или полагали, что носители этнонима «пещера» являлись коми-зырянским племенем (Н.П. Барсов, С.В. Бахрушин, А.А. Зимин, Е.К. Огородников). В.И. Канивец склонялся к той точке зрения, что «пещера» была близка пермским племенам, что способствовало, по его мнению, процессу слияния «пещеры» с пермянами в единый народ коми.

Судя по всему комплексу находок, найденных при раскопках Эшмессской пещеры и представлявших собой культовый комплект, это святилище не могло принадлежать древним коми. В этом пещерном святилище совершалось общение с небесным верхним миром, олицетворённом в зооморфном образе солнечного оленя-лося, происходили периодические охотничьи обряды. Стилистические особенности многочисленных граффити на серебре, параллели эшмесской деревянной антропоморфной скульптуре уводят нас в мир северных народов — ненцев, северных хантов, нганасан, энцев, селькупов, приенисейских эвенков, то есть народов заполярной и призаполярной зоны Евразии. На этом основании было высказано предположение (А.М. Мурыгин), что Эшмесскую пещеру можно считать памятником однородной группы населения, в элементах духовной культуры которой обнаруживается тесная связь с племенами Крайнего Севера Евразии. В отличие от других исследованных святилищ Припечорья она относилась к постоянным местам древних магических ритуалов. Здесь они не носили индивидуальный характер, а совершались в общих интересах избранным представителем ограниченной группыaborигенного населения. Финский учёный К.Ф. Карьялайнен писал: «Частные жертвы можетносить кто угодно, но для общественных жертвоприношений нужен жрец, шаман». Приношения стоящим здесь деревянным идолам состояли из костяных наконечников стрел и мяса жертвенных животных, среди которых абсолютно преобладал бобр. В центре обрядовых действий стояло, видимо, общение с мирами Вселенной, обращение к хозяйке Вселенной, Матери-Хозяйке окружающей природы, зверей и людей.

Местоположение памятника на севере лесного Припечорья и его датировка X–XI вв. н.э. позволяют предполагать, что Эшмесская пещера в настоящее время является пока единственным археологическим памятником культового характера на территории Республики Коми, материалы которого могут иметь прямое отношение к летописной «пещере». Однако, несомненно, что следует сосредоточить внимание исследователей на поисках новых археологических следов этого древнего народа.

Древние святилища Приуралья предоставляют исследователям неоценимый фактический материал для реконструкции ранних форм религиозных представлений у народов Крайнего Севера. Материальные остатки языческого культа помогают учёным глубже понять духовный мир наших далёких предков, являются ценным вкладом ушедших поколений в общечеловеческую культуру.

Виталий Мингалёв

Мингалёв Виталий Викторович, родился в 1977 г. в г. Перми в семье рабочих, в 1999 г. закончил исторический факультет Пермского государственного университета по специальности «история». В 1999–2000 гг. работал в качестве археолога в Бородинском государственном военно-историческом музее-заповеднике. В 2000 г. работал пилотом-аналитиком в центре стратегических исследований Приволжского федерального округа, участник проекта «Глубинная Россия». С 2000 г. по настоящее время занимает должности зав. лабораторией археологии и этнографии ПГПУ и руководителя школы юных археологов. С 2002 г. по настоящее время учитель истории, обществознания и информатики МОУ «Лицей №1» при ПГТУ. Автор более 50 статей и одной монографии по археологии и истории Пермского края. К 2007 г. имеет 17 археологических полевых сезонов, автор раскопок Пыштайнского II и Чазевского I могильников. Сфера научных интересов – методология археологии и раннее средневековье на территории Прикамья и Привычегорья.

Зооморфные изображения на оружии и деталях конской сбруи ананьинской эпохи (Х–II вв. до н.э.)*

1. Введение

Открытие железа позволило создавать оружие более совершенное, чем бронзовое, и человечество погрузилось в эпоху империй, насилия, крови и войн. Мир Евразии сотрясался от походов ассирийцев, персов, Александра Македонского и, наконец, римских легионов. Именно в горниле раннего железного века рождался наш мир. Понимание социальных и политических процессов, которые происходили тогда, помогут сейчас понять место европейской цивилизации в ряду других.

Многие проблемы сегодняшнего мира всего лишь отголоски давних времён, времён римской империи. Это понимают многие сегодня, большая часть политических идей родилась тогда. Современные мыслители своими учителями считают Аристотеля, Платона, Сенеку и Демокрита.

Приуралье хоть и находилось на северной окраине евразийского мира, переживало не менее бурную эпоху перемен, чем Центральная Европа и Передняя Азия. В первом тысячелетии до н.э. развивается дифференциация населения, идёт становление торговых отношений с соседними народами и формирование новых религиозных идей. Для нашего края эта эпоха получила наименование ананьинской, по названию могильника, который одним из первых открыл миру

* Статья написана автором в 1993 г. и часть сведений, присутствующих в статье, устарели, в основном это касается количества предметов, выявленных на тех или иных памятниках.

эпоху раннего железного века Прикамья. Раскопки могильника в районе сёл. Ананьино под г. Елабугой были произведены в 1858 г. Алабиным П.В. и Шишким И.В., находки, найденные при исследовании памятника, позволили выделить Ананьинскую археологическую культуру. Вскоре, похожие находки стали массово выявляться на огромной территории Приуралья. Памятники ананьинской культуры были выявлены в Прикамье, Поволжье, на р. Белой и Вычегодско-печерском крае. К кон. XX в. ареал распространения ананьинских древностей стал настолько велик, что использовать в научных кругах понятия ананьинская культура стало не совсем уместно, и на его место пришло понятие ананьинская культурно-историческая область. На поселениях выявлены следы больших наземных жилищ, площадь которых в среднем была ок. 80–120 м². Появляются укреплённые поселения-городища, которые имели достаточно внушительную систему обороны. Остатки костей домашних животных и злаковых позволяют говорить о переходе к производящей экономике. Среди домашних животных предпочтения отдавалось свиньям, лошадям и крупному рогатому скоту. Значительную роль в хозяйстве ананьинцев продолжали занимать охота и рыболовство. Многочисленные находки грузил, гарпунов и крючков говорят о широком распространение рыболовства среди населения I тыс. до н.э. Найдки на городищах и поселениях металлических комплексов, недоделанных и бракованных орудий, говорят о развитии местной металлургии.

Погребальный обряд ананьинцев характеризуется, как кремацией (трупосожжение), так ингумацией (трупоположение). Особой чертой ананьинских могильников становятся захоронения в «домиках мёртвых» – деревянных срубных конструкциях, имитирующих дом, который возводился над могилой или несколькими могилами. Захоронения совершились близко к воде и ногами к реке, что указывает на тесную связь воды и представлений о стране мёртвых. Вода для них представлялась как «дорога смерти» или была местом расположения мира мёртвых. Получает интенсивное развитие духовная мысль, появляются крупные святилища, например, Гремячанско в Осинском полесье (Пермский край) и Гляденовское на р. Мулянка (Пермский край). Фактически на каждом раскопанном ананьинском поселенческом памятнике выявлен крупный святилищный комплекс (Аргыжское городище (Удмуртская респ.), Половинное и Заюрчимское поселения (Пермский край) и т.д.).

Носители ананьинской культуры имели устойчивые торговые связи с Кавказом, Причерноморьем и Средней Азией. Многочисленные вещи из данных регионов и стилистические заимствования не оставляют сомнений в этом факте.

Развитие социальной дифференциации, становление религиозных представлений и трансмиссия идей находит своё отражение в Пермском зверином стиле Ананьинского времени. Через это отражение мы можем выявить ценностные ориентации определённых социальных кругов ананьинского общества – воинов (вождей-жрецов). В «зверином» стиле украшалось оружие (секиры, чеканы, рукояти ножей, мечей, кинжалов, крючки), конского снаряжения (псаллии, пронизи).

Оружие, укращенное зооморфными сюжетами, не является массовым для воинских погребений. Простые воины лежат с копьями, стрелами и кельтами. Исходя из этого факта, можно утверждать, что это оружие вождей, которые исполняли дополнительно роль жрецов в обществе.

Изображения подчинены определённому стилистическому и композиционному стандарту, который крайне редко нарушается.

2. Стилистический стандарт

Чеканы (рис.2; 1-4). На большей части чеканов между втулкой и лезвием присутствует голова или крючок клюва грифона, иногда обух оформляется в виде кабана. Имеется только два из нескольких десятков найденных чеканов, которые не подчиняются данному стандарту.

Кинжалы и мечи (рис.3; 7, 9, 10). У кинжалов и мечей в зверином стиле оформляются навершия рукояти, перекрестье и, значительно реже, сама рукоять. Почти всегда изображения парные: два медведя, идущие навстречу друг к другу, две головы грифона, два лося (оленя(?)). На рукояти всегда присутствует изображение волка или волка-дракона.

Псаллии (рис.2; 7-8). Навершия псаллий всегда оформляются в виде головы медведя.

Пронизи (рис.3; 5). Пронизи оформляются в виде головы хищной птицы.

Бляхи (рис.2; 5-6). Бляхи являлись своеобразным концентратором ременных стяжек под грудью коня. Они оформлялись или в виде свернувшегося кошачьего хищника (копия скифских) или волка (местный аналог).

Поясные крючки (рис.2, 8). Поясные крючки оформляются в виде головы медведя или грифона.

Секиры (рис.1). У большинства секир (шесть из девяти) навершие втулки

представлено в виде головы грифона, а обух – в виде головы волка. Оставшиеся три являются уникальными в стилистическом плане.

В изображениях доминируют грифоны (или хищные птицы), волки и медведи, значительно меньше изображений лосей и кабанов. Стоит отметить, что данный перекос сохранится и даже увеличится в Гляденовскую эпоху. Встречаются мифологические комбинации: волк-дракон, волк-баран-дракон, грифон-дракон. На предметах «звериного стиля» чаще всего изображается голова животного, значительно реже – туловище. Особое внимание уделялось в изображении хищной пасти, клюву, ушам и глазам.

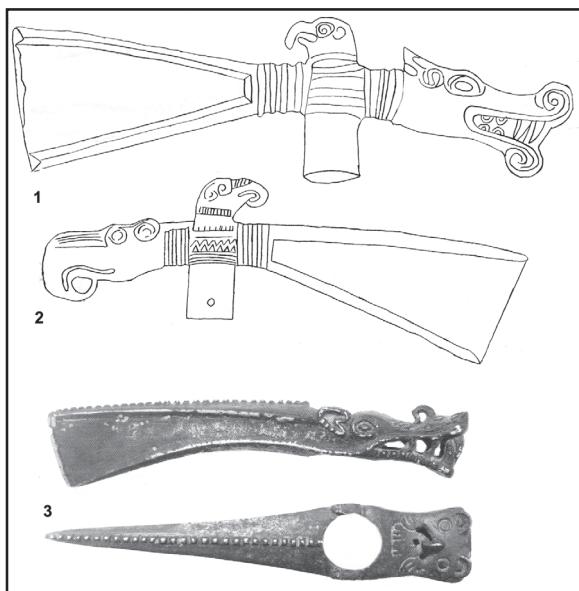

Рис. № 1. Секиры ананьевского времени (т; 1; 2) (1 – случайная находка из-под г. Елагуга; 2 – случайная находка под г. Сыктывкаром; 3 – случайная находка из-под сел. Галаново).

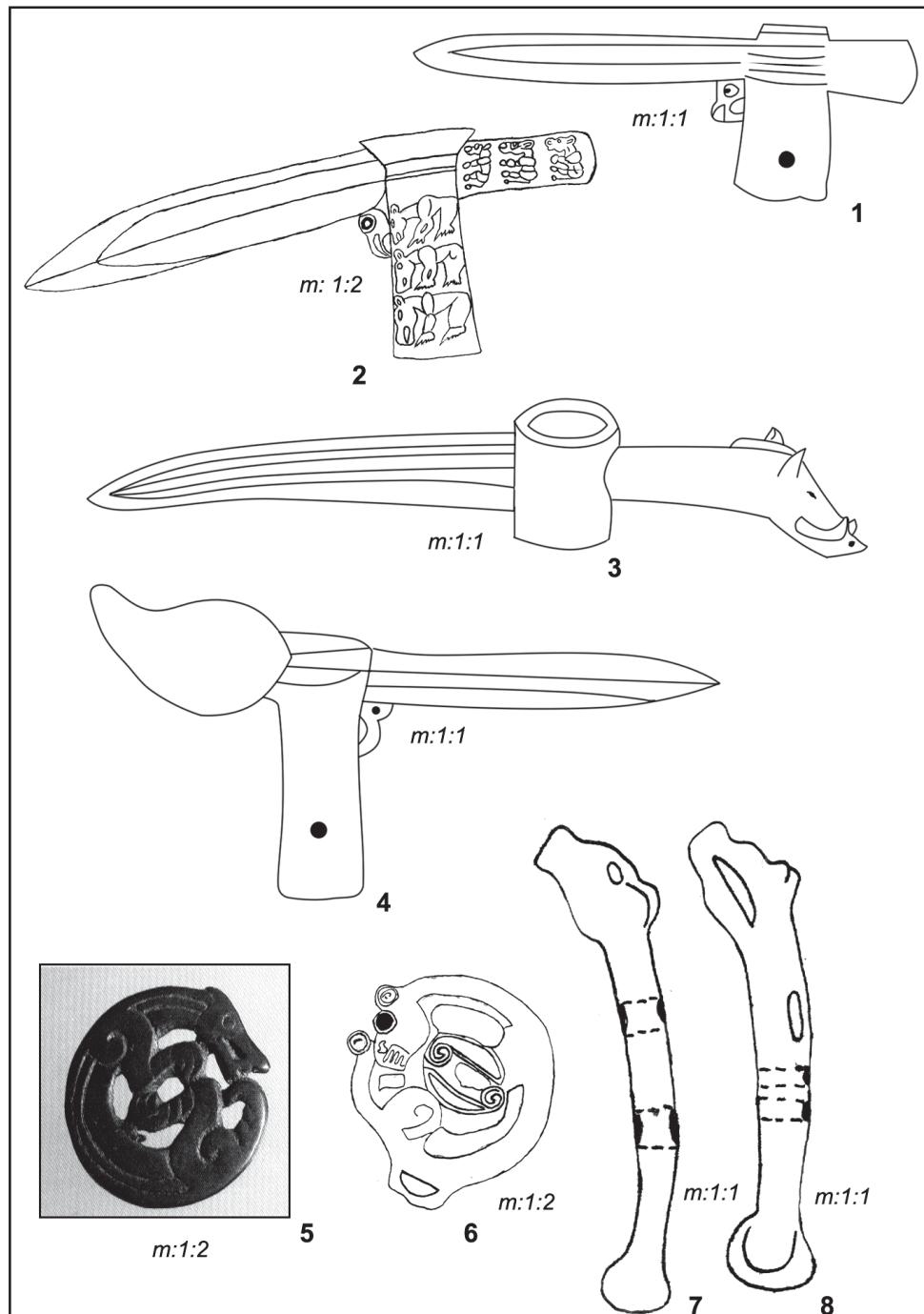

Рис. № 2. Ананинские чеканы (1–4), бляхи (5–6) и псалии (7–8) (1 – Ананинский могильник; 2 – случайная находка под г. Чердынь; 3 – случайная находка под г. Елабуга; 4 – могильник Рёлка; 5 – Юго-камское костище; 6 – случайная находка; 7–8 – Гремячанско святилище).

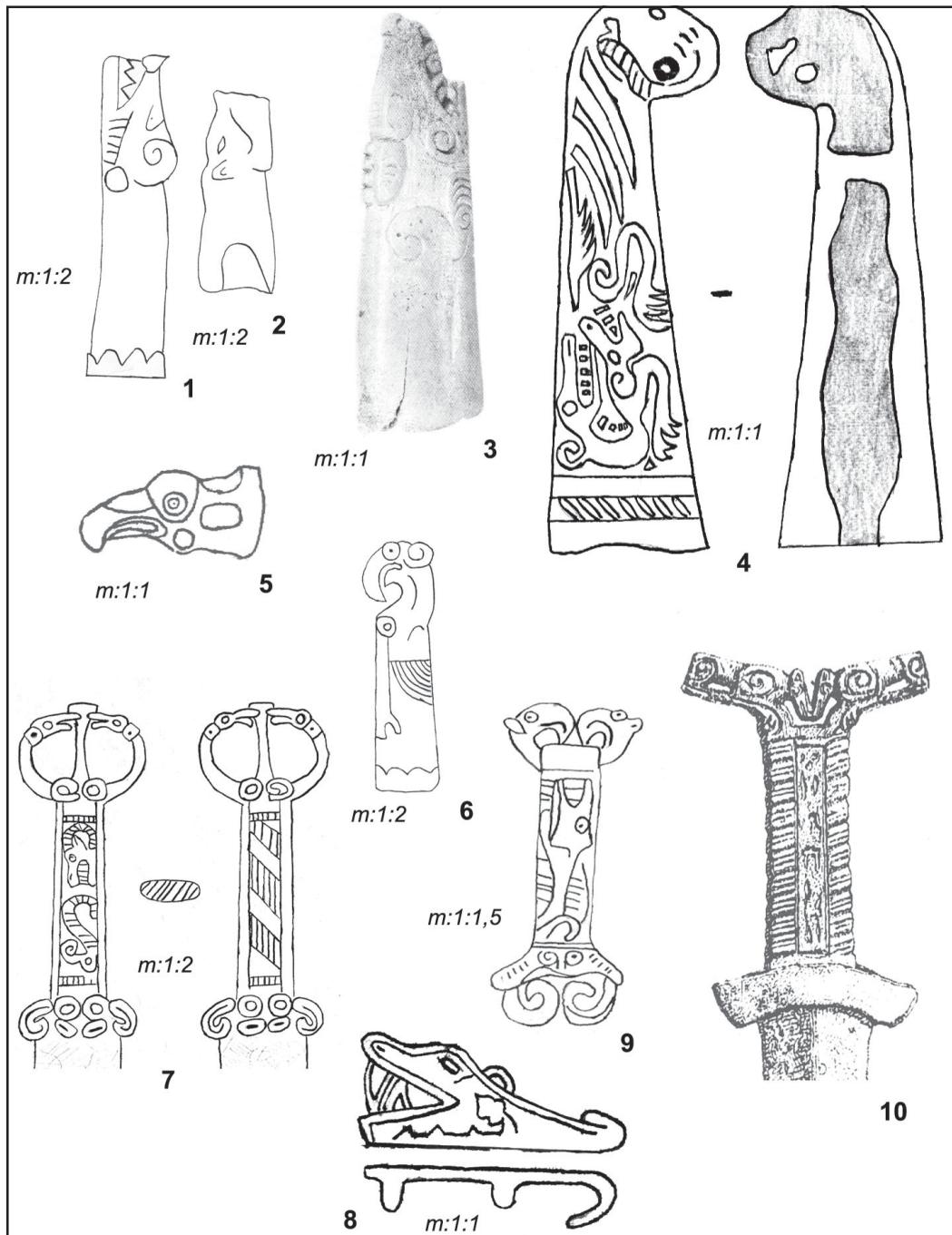

Рис. № 3. Ананьинские рукоятки (1–3, 6–7, 9–10), пронизь (5), поясной крючок (8), наконечник ножен (4) (1 – Ананьинский могильник; 2 – Свиногорское городище, 3 – Буйское городище; 4 – Скородумский могильник; 5 – Ананьинский могильник; 6 – Котловский могильник; 7 – Мурзихинский I могильник; 8 – Ананьинский могильник; 9 – случайная находка (Казанская губ.); 10 – случайная находка (Висимские дачи)).

3. Особенности нахождения предметов

Зооморфные сюжеты в ананьинскую эпоху встречаются не только на оружие и деталях конской сбруи, но и на бытовых предметах: гребнях, прядлицах и т.д. Характер нахождения у разных категорий предметов сильно варьируется.

Найдки костяных предметов с зооморфными сюжетами (гребни, наконечники ножей), чаще связаны с поселенческими памятниками (Аргыжское городище, Свирногорское городище и т.д.). Наибольшее количество зооморфных псалий найдено на Гремячанском святилище. Бронзовые рукояти мечей и кинжалов связаны с погребальными комплексами (Акозинский могильник, Мурзихинский I могильник и т.д.). Чеканы в основном находятся на могильниках.

Все ананьинские секиры являются случайными находками. Свообразие характера выявления секир позволил говорить об их связи с малыми святилищами, на которых проводили воинские ритуалы. Подобные культовые места должны были быть отделены от родовых или племенных. Верификация данной гипотезы возможна только при выявлении данных мест.

4. Функциональный анализ оружия с зооморфными сюжетами

Оружие, столь богато укращенное, не могло носить одну функцию – «убийства себе подобного», оно должно было показывать социальный и религиозный статус носителя. Но возникает вопрос: не является ли зооморфное оружие сугубо декоративным? Многие отечественные исследователи склоняются к ответу «да» на данный вопрос.

Рассмотрим каждую функцию отдельно.

4.1. Социальная функция.

Зооморфное оружие, найденное в закрытых погребальных комплексах, всегда встречается вместе с богатым сопровождающим инвентарём, очень часто в комплексах имеются вещи импортные с Кавказа или Передней Азии.

На ананьинском могильнике в 1870 г. была найдена плита, на лицевой стороне которой прочерчено изображение человека в шлеме, от которой до плеч спускается барма, на шее изображена гривна. Сбоку от фигуры изображён акинак, щит и секира с волчьим оскалом лезвия. Данная стела первоначально находилась над могилой какого-то вождя и была предметом поклонения, атрибуты, изображённые на ней, являются символами власти.

4.2. Религиозно-статусная функция.

В архаическом обществе, а без сомнений именно к такому принадлежали носители ананьинской культуры, социальный статус всегда диктовал и статус носителей сакральной власти. Можно привести пример угорских богатырей, которых посмертно превращали в культурных героев, и угорские шаманские танцы с саблями. В пермском фольклоре тоже много таких сюжетов: Пам-сотник в житие

Стефана Пермского, чепецкие богатыри, которые надеялись в героическом уд-муртском эпосе волшебными способностями.

4.3. Функция оружия.

Рассмотрим технику работы с каждым из видов оружия для доказательства того, что зооморфные украшения не ухудшали боевые свойства оружия, а в некоторых случаях даже улучшали.

Кинжал и короткий меч. Техника работы кинжалом и коротким мечом построена на преимущественно колющих ударах, для этого необходимо два упора на рукояти (навершие и перекрестье). Короткий клинок делает невозможным широкие движения, а, следовательно, перекрестье должно иметь малую длину. Крылья перекрестья должны были быть направлены в сторону лезвия, для того чтобы отводить и блокировать клинок противника. Все эти характеристики присущи ананьинскому оружию. Большинство ананьинских коротких мечей и кинжалов являются биметаллическими, рукоять изготовлена из бронзы, а лезвие из железа, которое обладало большей прочностью и остротой, нежели бронза. Если бы создавалось декоративное оружие, несомненно мастер предпочёл бронзу, материал до сегодняшнего дня используемый для создания различных украшений. Жители Прикамья к бронзе питали особые религиозные чувства, даже в средневековье основным материалом для культового литья была бронза.

Чекан и секиры или топорки. Чекан – короткое древковое оружие ближнего боя ударно-колющего действия. Топорки (так в оружейном деле называется топоры с малым лезвием) – оружие ближнего боя ударного действия. По имеющимся изображениям на стелах и скифских цатах раннего железного века, можно уверенно говорить, что чеканами, клевцами и топорками фехтовались. Для блокирования ударов противника использовалась верхняя плоскость оружия, увеличение данной плоскости позволяла с большой вероятностью блокировать оружие, а это достигалось за счёт обуха, оформленного в виде волка. Кроме этого утяжеление обуха увеличивало маневренность оружия в бою. Грифон на топорках мог служить для блокирования оружия.

Подводя итог, можно уверенно говорить, что данные предметы были полноценным оружием, а не только отражали социально-религиозный статус носителя данного оружия.

5. Сакральный смысл зооморфных образов

Особое внимание уделялось клюву, глазам и ушам у грифона, у волка и медведя прорабатывалась зубастая пасть, уши и глаза, у кабана – клыки. Всё это наводит на мысль о магическом значении данных изображений, когда носителю должны были быть переданы качества животного, изображённого на предмете, качества, которые должны пригодиться в бою – острое зрение, сила и ярость. Сложение стилистического стандарта указывает на развитую систему религиозных представлений, в противном случае изображение было с высокой степенью вариабельностью, но здесь явно за образом скрывается, кроме магического, и другой сакральный смысл. На некоторых предметах появляются фантастические

существа – грифоны (рис.1, 1-2) и драконы (медведь-ящер) (рис.3; 4, 7), даже если они были заимствованы у степных народов, образы прижились на Прикамской почве, в Гляденовскую эпоху (II–V вв.) дракон превратится в ящера – правителя подземного мира. Для аланьинцев был характерен не прямое копирование образов у степных народов (скифов), а переработка. Наиболее ярко это фиксируется в замене непонятного кошачьего свёрнутого хищника на волка (рис.2, 5-6).

6. Заключение

Аланьинская эпоха – это время становления новых социальных отношений, выделение воинской верхушки. Появляются крупные межплеменные святилища, городища с мощной системой обороны, огромные селища и поселения.

Самым ярким материальным результатом жизни аланьинцев стало рождение Пермского звериного стиля, семантика которого будет вновь и вновь привлекать исследователей к его изучению. Аланьинские секиры, чеканы, крючки и другие предметы зооморфного стиля ещё не раз заставят будоражить воображения людей.

В 1992 г. именно аланьинские секиры, их красота и таинственность привлекли учащегося Школы Юных Археологов Мингалёва Виталия и решили его судьбу.

Владимир Напольских

Напольских Владимир Владимирович. Родился в Ижевске 1 апреля 1963 г., в 1985 г. закончил исторический факультет Удмуртского государственного университета. В 1985–1990 гг. работал учителем истории Юбилейной средней школы в с. Пирогово Завьяловского района Удмуртской Республики. В 1990 г. защитил кандидатскую, а в 1992 – докторскую диссертацию в Институте этнологии и этнической антропологии РАН (Москва). В настоящее время работает профессором кафедры теории языка и перевода факультета про

фессионального иностранного языка Удмуртского государственного университета (Ижевск). Круг научных интересов: этническая история и история традиционной культуры народов Волго-Уральского региона, история религии, история письма.

К реконструкции лингвистической карты Центра Европейской России в раннем железном веке

Настоящий обзор имеет целью обрисовать в основных чертах картину взаимодействия различных языковых компонентов в Центре Европейской России с начала первого тысячелетия до н.э. до первых веков н.э., как она может быть реконструирована по современным данным языкоznания. Я сознательно ограничиваюсь только лингвистической сферой и оставляю в стороне такие важнейшие для палеоисторических построений источники, как археологический и антропологический (в том числе – палеоантропологический) материал, точнее – пытаюсь абстрагироваться от него с тем, чтобы имеющиеся представления об археологических культурах, миграциях и хозяйственно-культурном укладе населения данных территорий не влияли на объективно следующие из анализа языковых данных выводы. Такой подход представляется оправданным, поскольку отражение древних исторических процессов в языке (материал) и способы реконструкции этих процессов (методика историко-лингвистического анализа) являются самостоятельными, и взаимная корректировка (точнее – подгонка друг к другу) выводов столь разных дисциплин, как, например, археология и лингвистика,искажают историческую картину. Каждое из этих направлений должно, прежде всего, предоставить историку бесспорные факты и надёжные выводы, достоверность которых не может быть оспариваема, исходя из фактов и выводов другой дисциплины, и – с другой стороны – сформулировать вырастающие из анализа, например, языкового материала, проблемы, решение которых возможно только в результате создания комплексной палеоисторической модели.

Решение поставленной задачи состоит из следующих блоков.

1. Анализ субстратной топонимики региона. Это задача стоит несколько особняком, поскольку, во-первых, здесь в руках исследователя практически нет мето-

дов, позволяющих датировать тот или иной топонимический слой. Во-вторых, опыт надёжных топонимических исследований показывает, что достаточно надёжно может быть выявлен, как правило, только верхний субстратный топонимический слой (в нашем случае – непосредственно дорусский, т.е. по времени формирования относящийся ко времени не ранее конца I тыс. н.э.), попытки же выявления более глубоких (древних) топонимических пластов встречают трудно преодолимые и всё нарастающие по мере продвижения в древность препятствия и приносят гораздо более гипотетические и расплывчатые (как в плане надёжности, так и в плане языковой атрибуции, соотнесения с известными языками) результаты. Поэтому для нашего исследования топонимические данные имеют лишь косвенную ценность: они позволяют несколько удревнить современную языковую карту региона и дополнить наши построения данными о некоторых языках, которые без учёта топонимики остались бы вовсе за пределами возможностей исторической реконструкции (прежде всего – *мерянский язык*), но эти данные всё-таки отражают картину более позднюю по сравнению с интересующей нас эпохой.

2. Реконструкция прайзыковых состояний для языков тех групп и семей, присутствие которых на данной территории следует предполагать: какие древние языки и, частности, какие языки-предки современных могли существовать на территории Центра Европейской России в I тыс. до н.э. Здесь следует рассмотреть проблемы классификации языков интересующих нас семей (построение *родословного древа* и установления характера древних прайзыковых единиц: представляла ли та или иная из них собой относительно единый язык или достаточно расплывчатую общность родственных языков и диалектов, контактировавших между собой), проблемы абсолютного датирования прайзыковых распадов (с помощью данных о заимствованиях из языков с ранней письменной фиксацией, анализа культурной прайзыковой лексики, метода *глоттохронологии* – подсчёта «лингвистических расстояний» между родственными языками в соответствии с сохранившейся в них долей древней лексики общего происхождения, соотносящегося со временем, прошедшим с момента расхождения исторических судеб этих языков [Сводеш 1960; Старостин 1989]), проблемы географической локализации прайзыковых общностей (прежде всего – метод *лингвистической палеонтологии*, когда с помощью выявления комплекса слов, обозначающих явления климата, рельефа, названий растений и животных в определённом прайзыке и наложения их на карту региона, в соответствии с данными палеобиогеографии, устанавливается *прайзыковой экологический ареал* – наиболее вероятный район обитания носителей данного прайзыка [Napolskikh 1993]). Эти задачи одновременно потребуют реконструкции древних контактов между носителями разных языков на основании данных языковых заимствований и помещения их во времени и пространстве.

3. Реконструкция элементов материальной (и по возможности духовной) культуры сообществ, говоривших на интересующих нас языках: анализ прайзыковой лексики, исходящий из предположения о том, что существование в прайзыке терминов, обозначающих те или иные культурные реалии (во всяком случае, тогда, когда реконструкция ни с фонетической, ни с семантической точки зрения возражений не вызывает и когда восстанавливается некоторый набор терминов,

относящихся к определённой сфере культуры) предусматривает существование соответствующих реалий в культуре носителей языка.

I.

Первые систематические исследования субстратной (дорусской) топонимии лесной зоны Европейской России были, в основном, связаны с попытками преимущественно финских учёных (А.И. Шёгрен [Sjögren 1861], М.А. Кастрен [Castren 1862], Я.Калима [Kalima 1935; 1946] и др.) установить границы былого проживания финно-угорских, прежде всего – прибалтийско-финских народов¹. Соответственно, внимание исследователей было в основном направлено на северо-западные и северные области Европейской России и позитивные результаты их трудов связаны с выявлением ареалов прибалтийско-финской и отчасти – саамской топонимии. Несмотря на то, что эти авторы были первоходцами и, как правило, стремились объяснить всю субстратную топонимию, исходя из фактов современных прибалтийско-финских языков), названным авторам (в особенности – Я.Калиме) удалось выявить основные прибалтийско-финские (у М.А. Кастрена также – некоторые саамские) топоформанты и характерные апеллятивы, определить многие закономерности фонетического усвоения их в русском языке и в целом установить границы распространения прибалтийско-финской субстратной топонимии на северо-западе и севере Европейской России и наметить ареал саамских субстратных топонимов на Русском Севере. Однако, Центр Европейской России весьма мало был затронут в их работах; кроме того, односторонняя направленность интересов финских исследователей не позволила им создать цельную картину дорусской субстратной топонимии не только Европейской России в целом, но даже и её северо-западных областей.

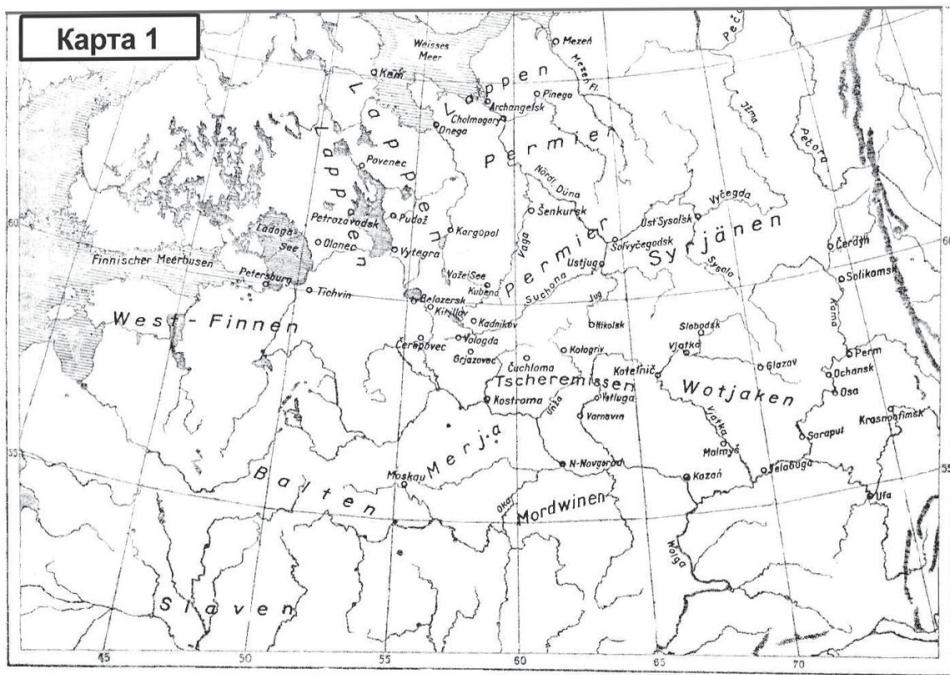
Также в конце XIX в. было положено начало другому «финно-угристическому» направлению исследования субстратной топонимии Европейской России: Д.П. Европеусом [Европеус 1874] интенсивно разрабатывалась идея об угорском происхождении древнейшего слоя субстратной топонимии. Методика работы данного автора, состоящая в произвольном подборе обско-угорских этимологий для субстратных топонимов была очевидно дилетантской даже для своего времени, и М.Фасмер совершенно справедливо оценил сочинение Д.П. Европеуса как «фантазии» [Vasmer 1934: 10]. Но именно эти фантазии лежат в основе существующего до сих пор направления поисков угорской и (прибавилась к угорской позднее и, как правило, вне всякой логики фигурирует вместе с ней) самодийской субстратной топонимии в Восточной Европе. При этом новейшие работы этого направления, в принципе, не отличаются от фантазий Д.П. Европеуса, и нет никакой необходимости разбирать их здесь, поскольку такой разбор проделан в

¹ Данная статья была написана более пяти лет назад, вследствие чего здесь, к сожалению, не учтены многие интереснейшие топонимические работы последних лет (например: [Хелимский 2006; Saarikivi 2006]), и прежде всего – эпохальная для исторической ономастики Восточной Европы, а в области финно-угорской ономастики, да и финно-угроведения в целом являющаяся, без сомнения, самым существенным исследованием последних десятилетий монография Александра Константиновича Матвеева [Матвеев 2001а; 2004]. Следует, однако, заметить, что выводы статьи в принципе согласуются с результатами упомянутых новейших исследований, а более ранние работы (и первая часть монографии) А.К. Матвеева послужили во многом основой для моих выводов.

[Напольских 2001] (там же см. литературу и историографию). Вся проделанная в этом направлении работа однозначно свидетельствует, что самодийской топонимии в Восточной Европе за пределами исторического расселения ненцев в тундро-вой зоне нет и быть не может (см. также [Матвеев 1964]). Что же касается угорской топонимии, то нельзя отрицать наличия пласта мансийских (но не угорских вообще!) топонимов в районах былого расселения манси в Прикамье и Предуралье, где vogulichi фиксируются и историческими источниками; возможны поиски поздних (I тыс. н.э.) топонимических следов пребывания древних венгров на их пути с западносибирской прародины на Дунай (Средний и Южный Урал, Башкирия, Среднее и Нижнее Поволжье), и этим перспективы поисков следов былого пребывания угроязычного населения в Восточной Европе, видимо, исчерпываются (см. также [Матвеев 1968]).

Комплексный анализ субстратной дорусской топонимии (преимущественно – гидронимии) всей лесной зоны Европейской России с привлечением данных прибалтийско-финских, саамского, поволжских финских, пермских, балтских, славянских, иранских языков на широком историко-филологическом фоне был проделан Максом Фасмером [Vasmer 1932; 1934; 1935; 1936; 1941]. Его работы содержат анализ огромного числа географических названий, анализируемых системно с выделением топонимических типов, базирующимся на анализе самих топонимов, без тенденциозного поиска следов определённых языков, с внимательным отношением к способам адаптации субстратной топонимии в русском языке и с использованием всех достижений предшественников. Поэтому как методика, так и в общем выводы М.Фасмера не утратили своего значения до сих пор. В общем виде они представлены двумя картами, показывающими распространение основных языков в Европейской России до начала славянской и прибалтийско-финской экспансии (т.е. в первые века н.э.): см. *рис. 1* из более ранней работы [Vasmer 1936], где ареал былого расселения пермян на Русском Севере ещё показан продвинутым на запад дальше, чем он реально фиксируется в топонимии (нет никаких оснований предполагать былое широкое расселение пермян западнее Северной Двины), и *рис. 2*, итоговую в топонимических штудиях М.Фасмера [Vasmer 1941].

Особый интерес представляет наблюдение М.Фасмера о том, что ареал топонимов, объяснимых на базе марийского языка частично перекрывает исторические районы обитания мери (прежде всего показательны названия озёр на *-Vngirъ* –ср. мар. *ēher* ‘озеро’) и вывод о вероятной близости мерянского и марийского языков [Vasmer 1935: 75] – идея, высказывавшаяся и ранее [Кузнецов 1910], но, в силу крайне слабой аргументации, в значительной мере дискредитированная уже с самого начала (см. [Попов 1965: 99-100]). Данный вывод подтверждается новейшими исследованиями мерянской топонимии (см. ниже) и является безусловно более фундированным, нежели гипотеза О.Б. Ткаченко [Ткаченко 1985] о промежуточном положении мерянского между мордовским и прибалтийско-финскими языками при большей близости к последним (ошибочность гипотезы О.Б. Ткаченко объясняется некритическим использованием для реконструкции мерянской лексики данных русских диалектов и арготических языков типа оfenьского, в которых присутствует лексика самого разного происхождения, но меньше всего, видимо, мерянская).

Vasmer: Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. IV.

Рисунок 1. Карта М. Фасмера: северная часть Европейской России до славянской и прибалтийско-финской экспансии по данным топонимии [Vasmer 1936].

На рис. 2 население обширных территорий Русского Севера показано М.Фасмером как «неиндоевропейцы» (*Nicht-Indogermanen*) – речь идёт о создателях топонимии на *-ма*, *-хта* / *-гда*, *-ошма*. Позднее многие из неясных топонимов Русского Севера были объяснены как происходящие от финских в широком смысле (т.е. не собственно прибалтийско-финских, но принадлежащих к западному финно-угорскому ареалу) языков [Матвеев 1964а: 74, 83], в последнее время называемых А.К. Матвеевым «северофинскими» (см. ниже), но в общем оценка М.Фасмера звучит вполне корректно и сегодня: помимо того, что определение «неиндоевропейские» подходит и к «северофинским» языкам, возможность отнесения некоторых из субстратных топонимических типов к языкам неизвестного происхождения остаётся реальной как на Русском Севере [Матвеев 1964а: 77-80], так и в более южных регионах – например, распространённые в Ярославском Поволжье топонимы на *-Vxta* / *-Vgda* (коррелирующие по звонкости-глухости) и сегодня не имеют внятных этимологий [Ahlquist 1992: 101; Шилов 2001: 16].

Возможность происхождения субстратной топонимии Волго-Оксского региона и Русского Севера от языков неизвестной (неуральской и неиндоевропейской) принадлежности была рассмотрена в статье Б.А. Серебренникова [Серебренников 1955] и затем использовалась как рабочая гипотеза в палеоисторических построениях [Третьяков 1958]. Хотя в принципе гипотеза П.Н. Третьякова о неизвестной (палеоевропейской) языковой принадлежности создателей неолити-

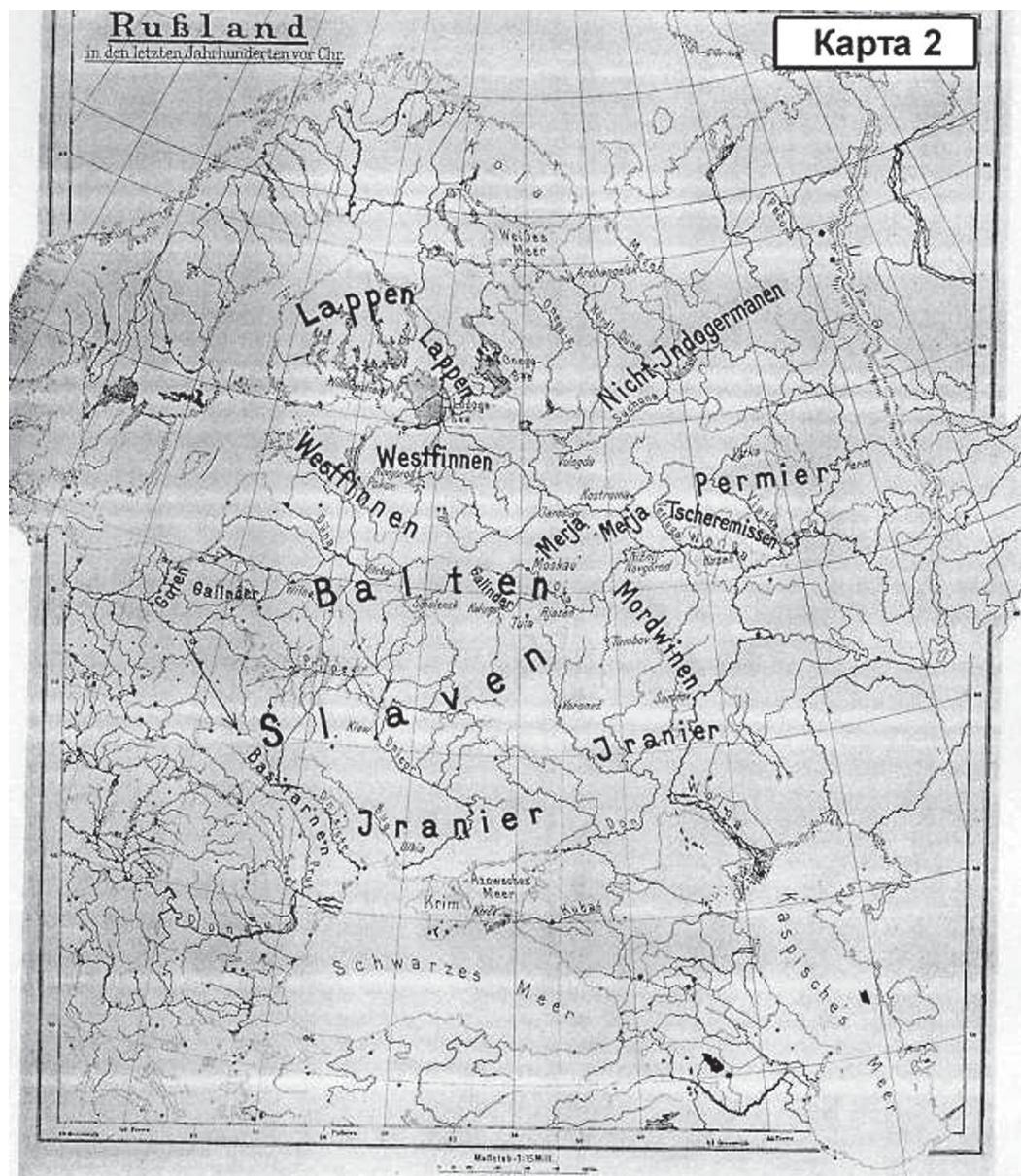

Рисунок 2. Карта М. Фасмера: Европейская Россия в последние века до н.э. по данным топонимии [Vasmer 1941].

ческих культур с ямочно-гребенчатой керамикой Центра Европейской России по ряду достаточно весомых причин может оцениваться как весьма предпочтительная (см. [Напольских 1990: 51-52; Напольских 1997]), нельзя не заметить, что предположения Б.Н. Серебренникова – не самый сильный аргумент в её пользу: усматриваемые им в субстратных гидронимах окончания *-ма*, *-га*, *-да*, *-жа* и др., собственно говоря, топоформантами не являются и отчасти представляют собой

произвольно выделенные части более сложных формантов [Матвеев 1964а], часть которых объясняется как мерянские, балтские и др., а в значительной мере (это особенно касается топонимов на *-га*, в связи со сходством этого окончания с сельк. *k2* ‘река’ весьма популярных у открывателей «самодийской» топонимии в Восточной Европе – см. выше) – возникли просто на русской почве [Попов 1965: 105-111; Ященко 1974: 96-97]. По сути дела, данная статья Б.Н. Серебренникова представляла собой шаг назад в исследовании субстратной топонимии, и её реальное значение исчерпывается констатацией того факта, что из современных финно-угорских языков значительная часть субстратных топонимов Центра и Севера Европейской России необъяснима.

Широкое распространение субстратных топонимов, объясняемых из саамского языка, на севере Европейской России до Коми на востоке и до Заволочья на юге, намеченное М.Фасмером (см. рис. 1, 2) также получило подтверждение в дальнейших исследованиях, причём субстратными оказываются саамские топонимы и по отношению к прибалтийско-финским, и, таким образом, выстраивается стратиграфия топонимических слоёв на Русском Севере: саамский, прибалтийско-финский, русский [Матвеев 1964; 1979; Муллонен 1994: 116-122]. Появляется даже возможность судить об определении отличий саамских диалектов южного Прионежья и Заволочья, с одной стороны, и бассейнов Северной Двины и Мезени, с другой [Напольских 1995: 136]. Точнее было бы здесь говорить о *парасаамских* или *древнесаамских* диалектах, поскольку, во-первых, понятно, что создатели субстратной топонимии Русского Севера едва ли были прямыми предками современных саамов Северной Фенноскандии, и, во-вторых, есть определённые факты, указывающие на более архаичное состояние этих диалектов по сравнению с собственно саамским языком [Муллонен 1994: 120-122].

Исследование субстратной балтской гидронимии на территории Центра Европейской России, в верхнем течении Днепра и Волги, начатое ещё до М.Фасмера трудами К.Буги [Buga 1958] (работа 1913 г.), получило продолжение в работах В.Н. Топорова и О.Н. Трубачёва [Топоров, Трубачёв 1962; Топоров 1972; 1989] и других исследователей второй половины XX в. В результате можно считать общепринятым, что максимальное распространение гидронимов балтского происхождения на севере и востоке ограничивается приблизительно линией: северная граница Латвии – Псков – Торопец – Тверь – Москва – Калуга – Орёл – Курск – Чернобыль [Vanagas 1977] (см. рис. 4), предполагается балтское происхождение некоторых названий и гораздо дальше на востоке – вплоть до низовьев Оки и верхнего течения Мокши [Трубе 1966; Смолицкая 1974: 62-64; Откупщиков 2001: 363-366] (критическое обсуждение проблемы балтской топонимии на исторических мордовских землях см. в [Мокшин 1991: 77-79]), при этом предположения о широком распространении балтской субстратной топонимии к северу от обозначенной границы не подтверждаются [Поспелов 1965]. Анализ балтской субстратной гидронимии максимального ареала её распространения показывает достаточное языковое единство её создателей, с одной стороны, и – с другой стороны – географическое несовпадение и отличие её от более древней «древнеевропейской» (*alteeuropaische* по Х.Краэ и Ю.Удольфу) – хотя, безусловный интерес представляют наличие параллелей между балтской гидронимией и субстратными гидронимами Балкан и возможность объяснить некоторые важнейшие восточноевро-

пейские гидронимы как результат славянской адаптации субстратных гидронимов «древнеевропейского» типа, например – Ока < **aquā* [Krahe 1954: 53, 108–111] (о «древнеевропейской» гидронимии в Восточной Европе см. также [Schmid 1966]). Эти факты свидетельствуют скорее об адаптации балтами достаточно близких к ним в языковом отношении «древнеевропейских» языковых компонентов в Восточной Европе и, таким образом, об относительно позднем распространении носителей языков собственно балтского типа на обозначенных территориях: по крайней мере гораздо позднее распада индоевропейского языкового единства и древнеевропейской (германо-балто-славяно-иллирийско-венетской) общности индоевропейских диалектов, возможно – в период, непосредственно предшествовавший началу славянской экспансии в Восточной Европе. Однако, слишком поздняя датировка широкого распространения балтских языков едва ли была бы верна: судя по фиксации этнонима **galind-* (*Galindia* – одна из земель Пруссии и её население *Galindi* у Петра из Дусбурга [ХЗП: 50], др.-рус. Голадь – народ на территории современной Московской области и др.), восходящего к балт. **gal-* ‘конец, край’ и обозначавшего, видимо, окраинные балтские группы, уже у Птолемея (II в. н.э.): рядом у него упомянуты *Галіндаи* καὶ *Σουδινοί* (этот же названия, галинды и судины, носили и два балтийских племени в средневековой Пруссии!), жившие к востоку от *венедов* и *финнов*, между *венедами* и *аланами*, уже в начале нашей эры балты должны были достигнуть по крайней мере южных и юго-восточных пределов ареала субстратной балтской топонимии [Топоров 1977].

Что касается субстратной топонимии иранского происхождения, то, возможно, имеется некоторое количество иранских топонимов в верховьях Днепра и Дона [Топоров, Трубачёв 1962], но в общем вне пределов степной и лесостепной зоны не обнаружено каких-либо значительных их ареалов. Хотя, следует заметить, что тема поисков иранской топонимии в лесной зоне в значительной мере дискредитирована очень слабыми работами А.И. Соболевского (см. [Попов 1965: 20, 98–99]).

Одним из заметных недостатков работ М.Фасмера, как и многих других авторов, было использование недостаточно надёжных источников («Списки населённых мест Российской Империи», поздние карты), на которых названия фиксировались нередко с ошибками, не учитывались различия официальных и народных названий, русских названий и названий на туземных языках. Особенное внимание этим аспектам топонимического исследования уделял А.И. Попов (см. [Попов 1965] с очень хорошим введением в методику топонимических исследований и с литературой), работы которого, к сожалению, незаслуженно мало используются как топонимистами, так и специалистами других дисциплин.

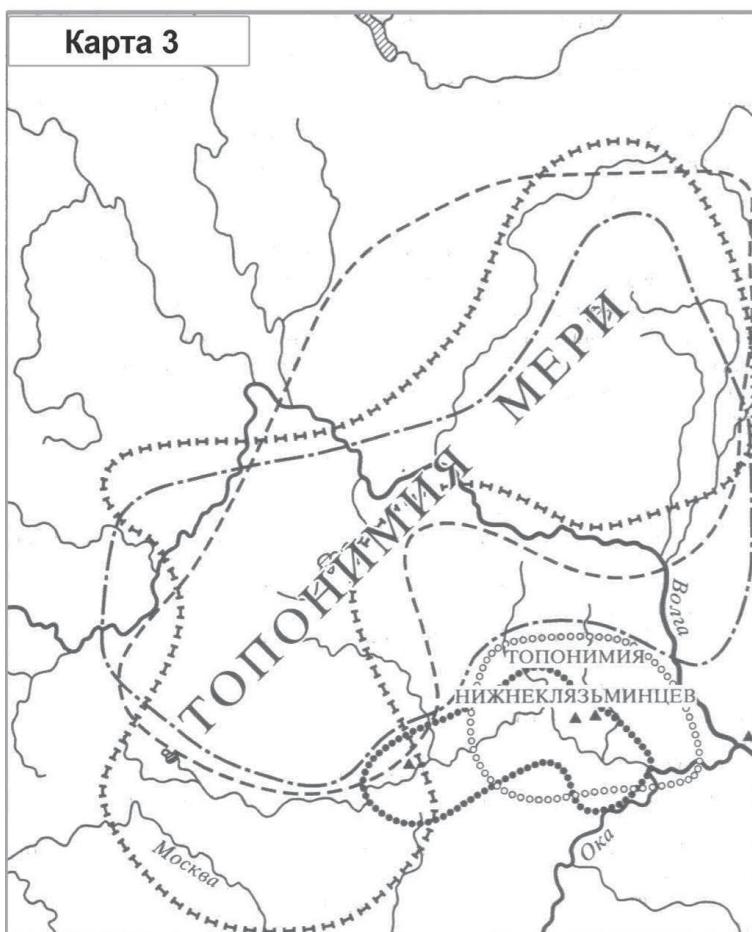
Хороший обзор исследования топонимии Центра Европейской России содержится в работах В.В. Седова, прежде всего – в [Седов 1974]. Единственным их недостатком является стремление автора увязать распространение тех или иных топонимических типов с определённой археологической культурой (общностью), что едва ли целесообразно вообще (учитывая невозможность абсолютной хронологической привязки топонимических типов, непосредственно дорусское, т.е. весьма позднее возникновение большинства субстратных топонимических пластов и другие лингвистические трудности, с одной стороны, и отсутствие прямой корреляции между археологической культурой и этноязыковой общностью, с другой). Соответственно, многие из привязок В.В. Седова не всегда достаточно корректны : см.,

например, связь с создателями волосовской культуры топонимов на *-кса*, *-киша* (по [Поспелов 1970], на самом деле во многих случаях это – топонимы, содержащие основы *икса* / *икша*, *вЕкса* / *вЕкиша* и *окса*, справедливо интерпретируемые как мерянские и как «севернофинские»: мар. *iksa* ‘протока, речка, вытекающая из озера, залив’, рус. (Кострома) *векса* ‘межозёрный проток’, ф. *oksa* ‘ветвь (= ответвление реки)’, ареал которых никак не совпадает с ареалом волосовской культуры [Шилов 1997: 6-7; 2001: 16-17; Матвеев 1996; Матвеев 2001а: 234-235]) и на *-н(ъ)га*, якобы одного происхождения с названиями на *-юга* (по [Серебренников 1966], на самом деле – формант, имеющий, судя по фонетическому составу основ [Матвеев 1964: 108-109], истоки не в том же самом языке, что *-юга* (прибалтийско-финского происхождения: ф. *joki* ‘река’ [Sjögren 1861: 511; Castren 1862: 95; Vasmer 1934], отчасти – пермского и собственно русского [Матвеев 1968а: 33-34; Попов 1965: 105-111]) и тем более – с *-юг* (по крайней мере в значительной своей части – пермского происхождения: коми *ju* ‘река’ < **juγ* [Vasmer 1936; Матвеев 1964а: 74-75; 1968а], и имеющий, возможно, гетерогенное происхождение на разных территориях, обстоятельную сводку о гипотезах его происхождения см. [Матвеев 2001а: 261-275]).

С возможностью относительно позднего возникновения субстратной топонимики вследствие вторичного расселения её создателей в средневековье связана интересная дискуссия на страницах «Вопросов языкоznания» в 1996–2001 гг. поводом для которой стала предложенная А.К. Матвеевым гипотеза о мерянском происхождении очага субстратной топонимии в Заволочье, в бассейне р. Устья, сложившемся вследствие переселения мерянского населения в ходе русской колонизации Севера, возможно – в XIII в. [Матвеев 1996; 1998; 2001; Альквист 1997; 2000; 2000а; Шилов 1997; 2001].

Независимо от решения вопроса о мерянском происхождении устьинского очага (аргументы А.К. Матвеева, впрочем, представляются мало поколебленными возражениями А.Альквист), принципиальное значение имеют ещё раз подтверждённые в ходе дискуссии наблюдения о достаточно широком распространении на востоке (вплоть до западных районов сегодняшней Республики Коми) и на юге (вплоть, возможно, до севера Костромской области) субстратной топонимии саамского типа, о наличии в топонимии Заволочья, между саамским и мерянским ареалами, следов языка *заволочской чуди* – языка прибалтийско-финского типа, отличавшегося от собственно прибалтийско-финских (см. также выше), «севернофинского» по А.К. Матвееву [Матвеев 1996; 2001а: 305-308; Шилов 1997: 16-19] и, соответственно, – следующая последовательность топонимических пластов на севере и северо-западе Европейской России (от поздних к ранним): русский, собственно прибалтийско-финский, «севернофинский» + саамский (точнее протосаамский – см. выше) и пермский на северо-востоке [Матвеев 1964а: 70-71, 83; 1996; Шилов 1997: 3-4]. Вторым, и особенно важным для нашей темы результатом данной дискуссии явилось уточнение границ распространения мерянской топонимии и в целом границ исторического расселения мери, язык которой среди всех живых финно-угорских языков оказывается наиболее близок к мариjsкому (таким образом на новом уровне подтверждена гипотеза М.Фасмера – см. выше) – и возможность вычленения особого ареала субстратной топонимии в левобережье нижней Оки и в бассейне Клязьмы – вероятно, первая сколько-нибудь конкрет-

ная информация о языке летописной *муромы*, который оказывается (судя, естественно, только по нескольким топоформантам) близким к мерянскому [Матвеев 2001] (см. рис. 3). Для уточнения границ мерянской топонимии, возможно – относительной хронологии возникновения пластов субстратной топонимии – и для реконструкции взаимоотношений между исчезнувшими языками Центра Европейской России имеет значение наблюдение А.Л. Шилова о том, что на юго-западе (в районе собственно г. Москвы) ареал мерянской топонимии встречается с субстратными названиями на *голядь* [Шилов 2001: 25].

Карта 4. Топонимические ареалы на территории ИМЗ (сводная карта).

- ▨▨▨ Этнотопонимы, производные от *меря*.
- Топонимы с основой *яхр.*
- Ойконимы на *бал*, *бол*.
- ooooo Гидронимы на *Vx*.
- ***** Гидронимы с формантом (*V*)*xp*(*V*) в нижнем и среднем течении Клязьмы.
- ▲ Лимонимы с основой *юхр.*

Рисунок 3. Карта А.К. Матвеева: топонимические ареалы на территории исторической мерянской земли [Матвеев 2001: 57].

Несмотря на то, что в исследовании субстратной топонимии Центра Европейской России ещё следует ожидать весьма значительных подвижек, сегодня можно представить картину расселения основных языковых групп (а в некоторых случаях – и с указанием племенных, этнических их названий) перед началом прибалтийско-финской (на севере и в Фенноскандии) и славянской экспансии, т.е. ориентировочно – в первые века н.э. – см. *рис. 4*. Данная карта в общем совпадает с более чем полувековой давности картами М.Фасмера, и это позволяет надеяться на то, что картина, на ней представленная, в основных своих чертах не будет подвергнута существенным исправлениям и в будущем и может, таким образом, служить отправной точкой для дальнейших этноисторических построений.

Рисунок 4. Основные этноязыковые общности Европейской России до начала славянской и прибалтийско-финской экспансии по данным топонимии (первые века н. э.). 1 – примерная восточная граница субстратной балтской топономии; 2 – индоевропейские языковые и племенные группы; 3 – уральские (финно-угорские) языковые и племенные группы; 4 – основные направления миграций во второй половине I – начале II тыс. н.э., фиксируемые в топонимии (сост. автором).

II.

Итак, исторически с раннего средневековья на территории Центра Европейской России были распространены языки двух языковых семей: индоевропейской (славянские, балтские, в более древние эпохи можно предполагать проникновение каких-то арийских, в особенности – иранских групп) и уральской (точнее – финно-угорской группы уральской семьи: мерянский, мордовские, марийские, на северо-востоке региона – прибалтийско-финские, на севере – (пара)саамские, на востоке – пермские; возможно также, что в домонгольское время по крайней мере на Средней Волге сохранялись группы, говорившие на древневенгерских диалектах, оказавшиеся здесь в I тыс. н.э. в ходе миграций предков венгров с их западносибирской прародины на Дунай). Присутствие в Среднем Поволжье тюрков едва ли может быть датировано временем ранее VIII в. н.э. (приход с юга булгар), но даже и в конце I – начале II тыс. н.э. собственно на рассматриваемой территории сколько-нибудь значительных тюркских групп, по-видимому, не было.

Для интересующего нас периода (I тыс. до н.э.) из названных групп в Центре Европейской России едва ли присутствовали славяне (нет никаких оснований предполагать начало собственно славянской миграции с территории компактной славянской прародины, находившейся в любом случае гораздо западнее рассматриваемого региона, до эпохи готской активности в Восточной Европе); безусловно здесь не было ни тюрков, ни венгров. Границы максимального расселения предков пермских народов также никогда не простирались на запад далее низовьев Камы (по этому поводу, правда, также существуют особые мнения местных авторов, разбирать которые я не вижу необходимости: так сказать, «методика» этих исследователей находится на том же уровне, что и у искателей угро-самодийской топонимики в Европе (см. выше), да и фамилии сочинителей чаще всего те же самые). Таким образом, из известных сегодня языковых групп в I тыс. до н.э. на территории Центра Европейской России можно с большей или меньшей степенью вероятности предполагать присутствие балтов (при этом речь идёт не о собственно восточнобалтийских языках – литовском и латышском – и не о древнепрусском языке, а о не зафиксированных документально и известных лишь по топонимии отчасти по этнографии периферийных языках балтского ареала) и носителей западных финно-угорских языков (языковых предков прибалтийских финнов, мери, мордвы и марийцев). Соседи названных групп на юге (в степной и лесостепной зоне) могли говорить на восточноиранских языках (к этому же языковому ареалу относился и язык-предок современного осетинского языка), на западе (Прибалтика, Белоруссия) – на индоевропейских языках балто-славянского ареала и (на берегах Балтики) на германских языках, на севере (от Ладоги до Северной Двины) можно предполагать присутствие древнесаамского (или, в наиболее осторожно формулировке, парасаамского) языкового элемента, на востоке (в Среднем Поволжье и Прикамье) население, видимо, говорило на диалектах пермского языка.

Эта весьма общая и приблизительная картина представляет собой во многом несколько скорректированный данными топонимики результат простой экстраполяции средневековой (а то и современной) лингвистической карты в прошлое и ни в коей мере не претендует на историческую достоверность; она необходима лишь как стартовая площадка для начала реального исследования. Первым – и

важнейшим с точки зрения методологии палеоисторических исследований вообще – её недостатком является неучёт того обстоятельства, что число сохранившихся до времени появления письменных источников языков и языковых групп безусловно на порядок меньше, чем число языков бесследно исчезнувших в ходе исторического развития (достоточно, например, допустить, что имя *мери* могло не быть упомянуто в древнерусских источниках, и с нашей карты пропало бы важнейшее звено).

В этой связи весьма любопытное наблюдение было сделано Робертом Аустерлитцем, который сравнил количество аборигенных языковых семей на единицу площади в Америке и Старом Свете – оказалось, что в Америке «плотность» языковых семей примерно в четыре раза выше [Austerlitz 1980]. Объяснение этого лежит, думается, отнюдь не только и не столько в области методологических проблем науки о языке (объективные трудности сравнения американских языков в связи с отсутствием древних письменных источников), но с реальными различиями хода этноисторических процессов в Северной Америке и Северной Евразии в течение I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.: в лесной зоне Северной Америки не было того скачка в развития производительных сил и общественных отношений (массовое распространение металлических орудий труда и оружия, скотоводства, в особенности – коневодства, и земледелия и т.д.), который я по аналогии с южной неолитической революцией VII–V тыс. до н.э. предложил называть *металлической революцией* [Напольских 1997а: 195], – не говоря уже о последующих бурных событиях эпохи Великого переселения народов. Связанная с указанными изменениями интенсификация этнических процессов непременно должна была привести к ассимиляции значительного числа древних этноязыковых групп, в том числе – и к полному исчезновению целых языковых семей, результат чего и был зафиксирован подсчётами Р.Аустерлитца. Естественный вывод: при реконструкции этнических процессов I тыс. до н.э. и более древних эпох необходимо принимать во внимание два обстоятельства: во-первых, в этих процессах помимо известных нам языковых компонентов (для Центральной Европейской России – балто-славянского, германского, иранского, прибалтийско-финского, древнесаамского, мерянско-мариjskого, мордовского и пермского) принимали участие и неизвестные (как принадлежавшие к индоевропейской и уральской семьям, так и не принадлежавшие к ним) группы. Во-вторых, следует осознать печальную неизбежность того, что весьма многие, в том числе и важнейшие аспекты и эпизоды дописьменной этнической истории, никогда (по крайней мере до изобретения машины времени) не будут нами раскрыты – и соответственно формулировать исследовательские задачи.

Тем не менее, изучение отдельных языков позволяет в ряде случаев выявить в них следы субстрата (т.е. наследие языка, на котором говорили физические предки данного народа до перехода их на какой-либо финно-угорский или индоевропейский язык вследствие ассимиляции), позволяющие в какой-то степени восстановить черты звукового и морфологического строя, и, что представляет особый интерес для историка, – лексику исчезнувшего древнего языка. Среди языков Европейской России наиболее интересен в этом плане саамский язык, в котором, исходя первоначально из экстраконглистических соображений (резкие отличия антропологического типа и традиционной культуры саамов от их ближайших

родичей по языку, прибалтийских финнов), давно предполагалось существование такого «протосаамского» субстрата, что нашло себе подтверждение в наличии в саамском языке множества слов, не имеющих параллелей в других финно-угорских языках (см. ниже). В 40–50-х гг. весьма популярна была гипотеза о самодийской принадлежности протосаамского языка, базирующаяся на реальном наличии параллелей в лексике саамского и самодийских языков [Toivonen 1949; Sebestyén 1953] и находящая порою отражение в работах археологов до сих пор. Однако анализ этих параллелей и нефинно-угорской лексики саамского языка в целом уже пятьдесят лет назад показывал, что говорить о вхождении в состав саамов самодийского лингвистического компонента нет оснований [Collinder 1954], этот же вывод был подтверждён и позднее [Lehtiranta 1986], точка же была поставлена в прекрасном обзоре Е.А. Хелимского, который отверг большую часть предлагавшихся ранее саамско-самодийских параллелей как несостоительные, относительно другой группы показал, что речь идёт о прауральских основах, сохранившихся в саамском и самодийских языках (с параллелями часто в других группах уральских языков), и лишь десять слов счёл возможным рассматривать как поздние заимствования из самодийских (обычно ненецкого) в саамский или наоборот [Хелимский 2000: 202-217].

Гипотеза о происхождении значительного пласта лексики саамского языка от неизвестного (неуральского и неиндоевропейского – палеоевропейского) языка-субстрата высказывалась ещё К. Викlundом [Wiklund 1896: 10-12], а реально аргументирована была Терхо Итконеном, который привёл список из почти 200 саамских слов, не имеющих параллелей в других финно-угорских языках и необъяснимых как заимствования из известных языков [Itkonen T. 1984: 165-167]. Несмотря на то, что ряд слов из этого списка позднее получили финно-угорскую этимологию или были объяснены как германизмы [Sköld 1961: 48-49], основной вывод – о наличии в саамском мощного субстратного лексического пласта неизвестного происхождения – остается несомненным [Sköld 1961: 50]. Попытка опровергнуть его с помощью математических методов привела, против горячего желания её автора (судя по фактическим результатам), к его подтверждению [Lehtiranta 1986], а посылка о том, что субстратная лексика непременно должна отличаться от исконной фонотактически [Lehtiranta 1986: 250] выглядит по меньшей мере странно (заметим, что некоторые фонетические особенности саамского языка, например – «нефинно-угорская» возможность стечений двойных согласных в начале слова объясняли как результат воздействия неизвестного субстрата [Qvigstad 1945: 211]).

Состав субстратной «протосаамской» лексики показывает, что из языка палеоевропейцев после их перехода на финно-угорскую речь в саамский вошли термины, обозначающие специфические северные и приморские природно-хозяйственные реалии (названия элементов ландшафта, видов снега, животных, типов жилища и предметов материальной культуры) [Itkonen T. 1984: 167] (дополнительный список субстратных протосаамских слов для кильдинского диалекта см. также в [Керт 1971: 8]). Особый интерес представляют слова базовой лексики, обычно очень редко заимствуемые из другого языка, например:

значение	общесаамская основа (по [Lehtiranta 1989])	соответствующее финское слово	финно-угорская этимология (по [UEW])
‘вода’	*čācē	<i>vesi</i>	ПУ *wete
‘земля’	*ēn̥em	<i>maa</i>	ПФУ *maye
‘дерево’	*mōrē	<i>puu</i>	ПУ *riwe
‘камень’	*kēdķē	<i>kivi</i>	ПФУ *kiwe
‘ветер’	*pēŋkē	<i>tuuli</i>	ф.-п. *tule
‘тёплый’	*lēŋkē	<i>lämmi</i>	ф.-в. *lämpz
‘холодный’	*čōckē	<i>kylmä</i>	ф.-п. *kilmä

Большое количество в базовой общесаамской лексике слов нефинно-угорского происхождения, заменивших старые финно-угорские основы не имеет аналогов в финно-угорских языках и служит основным аргументом в пользу гипотезы о протосаамском субстрате. Эти слова базовой лексики могли бы помочь установить языковую принадлежность палеоевропейского протосаамского субстрата, но, к сожалению, на сегодня не удается обосновать ни одной гипотезы о связи его к какой-либо известной языковой семье. По-видимому, речь идет о языке, не имеющем живых «родственников», можно только гадать о возможности связи его с другими северными палеоевропейскими языками, например с пиктским [Напольских 1997: 206] или с «языком геминат», субстратные следы которого отмечены в германских, кельтских, балтских, западных финно-угорских языках [Schrijver 2001].

Для нашего обзора гипотеза палеоевропейского субстрата в саамском имеет и принципиальное методологическое значение: несмотря на то, что в волжско-финских языках столь явных следов подобного субстрата до сих пор не обнаружено (ср., однако, например не имеющее финно-угорских и индоевропейских параллелей мар. *eħer* ‘река’ и топоформант *-енгарь/-ингирь* в мерянской субстратной гидронимии), следует принимать во внимание возможность присутствия палеоевропейского языкового компонента не только на севере, но и в Центре Европейской России и – следовательно – тем более считаться с этой возможностью для I тыс. до н.э.

Таким образом, помимо названных выше индоевропейских и финно-угорских групп на территории Центра Европейской России в I тыс. до н.э. следует предполагать присутствие носителей языков не оставивших живых «потомков»: как палеоевропейских (неизвестной принадлежности), так и *параиндоевропейских* и *парауральских* (т.е. принадлежавших к известным семьям, но ассимилированных и не имеющих прямого продолжения в живых языках соответствующих семей – см. [Напольских 1997а: 113]; пример такого парауральского языка, о котором благодаря в основном топонимии мы имеем некоторую информацию – мерянский). Этот чисто теоретический, казалось бы, вывод имеет существенное практическое значение: с его учётом попытки прямой привязки археологических куль-

тур к древним языковым общностям по принципу «одна культура – один (правильный) язык» становятся бессмысленными.

Из известных языковых общностей основной для I тыс. до н.э. в Центре Европейской России следует признать финно-угорскую: как бы не решалась проблема индоевропейской прародины, применительно к рассматриваемой территории следует говорить именно о достаточно поздней экспансии балтоязычного населения извне и скорее всего – уже в финноязычную среду (см. выше, в особенности, например – вывод в [Агеева 1974: 111]), тогда как время появления / сложения в Волго-Окском регионе финно-угорского населения даже при признании единственной удовлетворяющей всему комплексу языковых фактов гипотезы о западносибирской прародине уральцев во всяком случае определяется не позже середины II тыс. до н.э. [Напольских 1990; 1997а: 128-140, 163-167, 197-198; Косарев, Кузьминых 2000: 393-395].

Родословное древо финно-угорских языков представлено на *рис. 5*. Используя родословное древо как необходимую схему, представляющую результаты исторического развития языков – степень расхождения и близости их друг с другом, необходимо иметь в виду, что эта схема ни в коей мере не может рассматриваться как модель реальных исторических процессов, то есть – нельзя сводить процессы финно-угорской предыстории к цепочке последовательного дробления прайзиков. Именно такая упрощённая, точнее – ошибочная трактовка, вступая в противоречие с очевидными фактами попарной близости уральских языков (см. примеры построения различных «древ» в зависимости от того, какой язык принимается за точку отсчёта [Хелимский 1982: 12-13]) приводит к желанию «свалить родословное древо» либо отказавшись от него, либо заменив его другими схемами (в свою очередь имеющими те же недостатки) – см., например: [Häkkinen 1984; Puszta 1995; Salminen 2001] – исследователи в данном случае путают методический приём с исторической реконструкцией, см. при этом хороший обзор истории концепции родословного древа языков вообще и в уралистике, в частности, в [Sutrop 2000].

Основное отличие схемы на *рис. 5* от традиционных, которые можно найти в различных изданиях, состоит, во-первых, в попытке показать различия реконструируемых прайзиковых состояний: идёт ли речь об относительно едином прайзике или об общности контактирующих родственных языков. В первом случае для прайзикового состояния помимо общей для языков данной группы лексики достаточно надёжно реконструируются общие инновации в фонетическом развитии и в морфонологии, достаточные для постулирования существования в прошлом единого языкового организма в течение некоторого исторически релевантного периода; во-втором – речь идёт в основном о лексических параллелях, инновации в фонетике и морфологии если и выявляются, то немногочисленны и могут быть интерпретируемые как наследие (продолжение тенденций развития) более древней прайзиковой стадии и / или как результат сложения общих черт в рамках языкового союза, точнее – ареально-генетических взаимоотношений в терминологии Е.А. Хелимского [Хелимский 1982: 24-25]. Соответственно различны будут и исторические импликации лингвистических выводов: за единым языком должна стоять относительно единая этнокультурная единица, за языковым союзом – несколько контактирующих единиц.

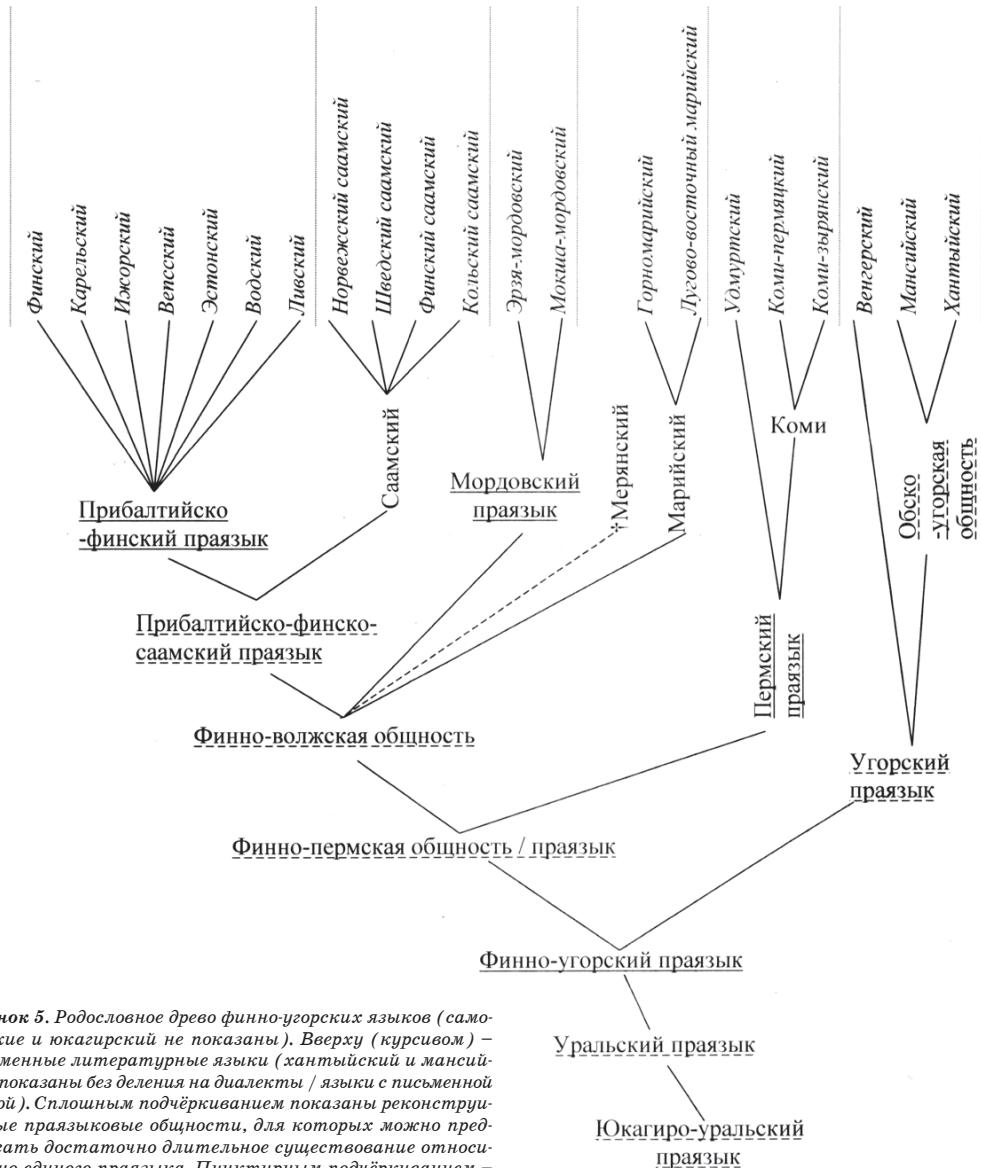

Рисунок 5. Родословное древо финно-угорских языков (самодийские и юкагирский не показаны). Вверху (курсивом) – современные литературные языки (хантыйский и мансийский показаны без деления на диалекты / языки с письменной нормой). Сплошным подчёркиванием показаны реконструируемые праязыковые общности, для которых можно предполагать достаточно длительное существование относительно единого праязыка. Пунктирным подчёркиванием – общности, которые представляли собой скорее ряд тесно контактировавших родственных языков. Знак † обозначает мёртвый язык.

Второе отличие схемы на рис. 5 от традиционных – отсутствие волжской (прамарийско-мордовского) праязыковой стадии. Вопрос о правомерности выделения волжского праязыка дискутируется в уралистике давно, и в конечном итоге скептический взгляд, основанный на слишком малом числе марийско-мордовских сепаратных параллелей, видимо, победил силу исторической инерции. Если быть последовательным, то следовало бы, видимо, говорить о прибалтийско-фин-

ско-саамско-мордовской общности и отделять от неё мариийский как самостоятельную ветвь финно-permского: мордовские языки обнаруживают безусловно большее количество сепаратных лексических сходственных и общих черт в морфологии с прибалтийско-финскими, чем с мариийским (см. обзор проблемы в [Берещки 1974; Хелимский 1982: 17-18]), но для столь радикальной перекрошки финно-угорского родословного древа необходимо время и специальная работа. О финно-волжской общности см. также ниже.

В-третьих, наконец, я позволил себе поместить в схеме на *рис. 5* мерянский язык как ветвь финно-волжской общности, близкую хотя бы территориально к марийскому – см. выше данные топонимии, хотя, безусловно, наши фрагментарные знания о мерянском языке позволяют определять его место в финно-угорской группе лишь весьма приблизительно.

Датировки распада финно-угорских прайзыков базируются прежде всего на соотнесении с тем или иным прайзыком определённого слоя индоевропейских (арийских, иранских, балтских, германских, славянских) заимствований. При этом необходимо понимать условность данного метода: во-первых, хронологическая шкала развития, например, иранских языков степного населения Евразии, в свою очередь, достаточно приблизительна, она базируется на анализе состояния древних письменных арийских языков (древнеиндийского, древнеперсидского, авестийского, согдийского, хотаносакского и т.д.) и общих, основанных только на исследовательском опыте и чутье оценок времени, необходимого для достижения той или иной степени расхождения языков, сложения инноваций и т.д. Во-вторых, стратификация, например, арийских заимствований в финно-угорских языках (соотнесение того или иного слова с определённым прайзыком, т.е. с определённым периодом) также зачастую бывает неоднозначна: например, если ППерм **sur* ‘пиво’ традиционно считается старым, допермским заимствованием из очень раннего арийского диалекта (по причине сохранения индоевропейского **s*, переходящего в иранских языках в *h*: др.-инд. *surā* ‘опьяняющий напиток’ при ав. *hurā-* ‘тж’) [Rédei 1986: 76-77], хотя оно имеется только в пермских языках (то есть, в оценке времени заимствования фонетический критерий превалирует над территориальным), что мешает относить к тому же древнему слову, скажем, пермско-марийское **verkz* ‘почка (орган)’ (ав. *veredka*, др.-инд. *vrkka-* ‘тж’) [Rédei 1986: 79-80]? Поскольку слово имеет неспецифический облик, фонетический принцип в данном случае отступает на второй план, и главным становится ограниченное распространение корня в финно-угорских языках, но само по себе такое варьирование подходов вызывает определённые сомнения.

Наконец, в классических работах по этой проблеме [Jacobson 1922; Joki 1973; Rédei 1986] практически не учитывается фактор «языка X» – какого-то паралирийского (о термине см. выше) языка, который, принадлежа к арийской (индо-ирано-нуристанской группе), обладал вместе с тем некоторыми особенностями, отличавшими его как от иранских (например, сохранение древнего **s*), так и, возможно, от других арийских языков, но был распространён в степной зоне Евразии и контактировал с уральскими языками. В реконструированном прайзино-угорском лексиконе имеется не менее двух десятков арийских заимствований. Причём, во многих случаях ПИЕ краткие **o* и **e*, слившиеся уже в прайзиско-угорском в **a* отражаются, как соответственно ПФУ **o* и **e*, например:

- ПФУ **mekla* ‘пчела’ ← ар. **mekla-* > **makla-*: др.-инд. *makṣa-* ;
- ПФУ **orpa(sz)* ‘сирота’ ← ар. **orbha-* > **arbha-*: др.-инд. *arbha-* [Rédei 1986: 49-54].

С другой стороны, в ряде корней ПИЕ **o / *e* > ар. **a* отражено уже как ПФУ **a*, но при этом ар. **ś* и **s* (> индоар. **ś* и **s*; > иран. **s* и **h* соответственно) отражены как ПФУ **ś* и **s* (то есть – как в индоарийском или в праарийском, но не как в праиранском), например:

- ПФУ **asvṛz* ‘господин, богач’ ← ар.: др.-инд. *ásura-* ‘божество’ при ав. *ahūrō* ‘господин’;
- ПФУ **śata* ‘сто’ ← ар.: др.-инд. *śatá-* при ав. *satəm* ‘тж’ [Rédei 1986: 45-59].

Обычно эти факты интерпретируются как свидетельства того, что финно-угорский праязык имел контакты уже с ранними арийскими (доиранскими) диалектами, в которых ещё не произошёл переход ПИЕ **o / *e* > ар. **a*, и эти контакты продолжались позже, уже в собственно праарийскую (индоиранскую) эпоху, когда данный (общееарийский) переход уже завершился, но ещё сохранялись старые ар. **ś* и **s* (до перехода в иран. **s* и **h*) [Rédei 1986: 22-25; Joki 1973: 362-365; Hartmann 1977: 170-175]. Такая трактовка подразумевает, однако, убеждённость в том, что носители финно-угорских праязыков могли контактировать только с прямыми языковыми предками *иранцев* в последовательности: праиндоевропейцы – праарии – (пра)иранцы, исключающую как возможность непосредственных контактов финно-угров с носителями *индоарийских* языков, так и былое существование в степях и лесостепях Евразии параарийцев (см. выше). Эта убеждённость в некоторых случаях выражена и эксплицитно [Jacobsohn 1922:184-222; Joki 1973:364], но без какой-либо аргументации. С другой стороны, значительная часть случаев отражения, например, ар. **a* как ПФУ **o* (по крайней мере в анлауте) может быть объяснена как чисто комбинаторные явления, то есть аргумент особой древности арийский заимствований с **a* отражённым как ПФУ **o* по сравнению с заимствованиями, в которых **a* отражено как ПФУ **a* вообще может быть подвергнут сомнению [Лушникова 1990: 5-6].

Важнейшим дополнительным аргументом, свидетельствующим о том, что арийские заимствования в финно-угорских языках, трактуемые традиционно на основании их «доарийского» фонетического облика как древние происходят не из какого-то «раннеарийского» праязыка, а именно из особого неиранского параарийского диалекта, являются термины земледелия и скотоводства в финно-пермских языках, которые могли быть заимствованы из арийского источника не ранее начала II тыс. до н.э., когда производящее хозяйство начинает реально распространяться в лесной зоне Восточной Европы (на их позднее происхождение может косвенно указывать и отсутствие угорских параллелей):

- ф.-в. **utare* ‘вымя’ ← ар.: др.-инд. *ūdhar-* ‘вымя’ (в иранских языках вообще не зафиксировано!);
- ф.-п. **tarna* ‘трава, сено’ ← ар.: др.-инд. *tṛṇa-* ‘трава, солома’;
- пр.-ф. **terne* ‘молозиво’ ← ар.: др.-инд. *tarṇa-* ‘телёнок’;
- ф.-п. **śuka* ‘зерно, мякина’ ← ар.: др.-инд. *śūka-* ‘зерно’;
- ППерм **sur* ‘пиво’ ← ар.: др.-инд. *surā* ‘алкогольный напиток’ [Rédei 1986: 59-61, 76-77].

Поэтому были предложены альтернативные объяснения происхождения указанных арийских заимствований в финно-угорских языках: из индоарийских диалектов, некогда распространённых также и на севере арийского ареала (в степной зоне) [Абаев 1972: 28-29],

распространённых также и на севере арийского ареала (в степной зоне) [Абаев 1972: 28-29], либо из языка *параарив* – четвёртой арийской группы, исчезнувшей в I тыс. до н. э. [Хелимский 2000: 507-510]. Если при этом допустить, что *все* арийские заимствования в финно-угорских языках восходят к такому источнику, то традиционная датировка распада прафинно-угорского единства третьим тысячелетием до н. э. оказывается ничем не аргументированной.

Тем не менее, такого предположения до сих пор никем не сделано, и традиционно принятой в финно-угроведении остаётся точка зрения о том, что распад финно-угорского прайзыка произошёл после распада праиндоевропейского, в период самостоятельного развития языков арийской ветви, но до сложения собственно иранских языковых форм, зафиксированных в древнеперсидских и авестийских памятниках. В абсолютных датах – между концом IV и серединой II тыс. до н.э.

Важно, что есть другой аргумент, позволяющий отнести распад прафинно-угорской общности ко времени до начала II тыс. до н. э. – до того как в лесной зоне Восточной Европы и Западной Сибири повсеместно распространились развитая металлообработка и производящее хозяйство, поскольку анализ реконструируемой прафинно-угорской лексики не даёт возможности говорить о наличии в культуре носителей прайзыка этих явлений (см. разбор проблемы в [Напольских 1997а: 121-124]). Таким образом, в I тыс. до н. э. финно-угорский прайзык в любом случае уже давно не существовал.

Дополнительным способом датирования прайзыковых распадов является метод *глоттохронологии*, предложенный Морисом Сводешем и базирующийся на идее о том, что замена слов базовой лексики в составленных им диагностических списках (названия частей тела, основных природных объектов и т. п.) происходит в языках мира примерно с одинаковой скоростью: проанализировав разные языки М. Сводеш предположил, что из слов его стословного списка за тысячу лет в среднем заменяется 14%, и, соответственно, вывел формулу вычисления времени расхождения двух языков:

$$t = \lg C : 2 \lg r$$

(*C* – доля общей лексики в двух языках в формате *0,xx*, где *xx* – процент совпадений; *r* – коэффициент сохранности слов на тысячу лет, величина *r* для стословного списка = 0,86) [Сводеш 1960].

Метод глоттохронологии признан отнюдь не всеми лингвистами. Более того, наиболее последовательные его сторонники практически полностью дискредитировали его, пытаясь усовершенствовать: во-первых, было предложено исключать из диагностического списка для какого-либо языка все заимствования [Старостин 1989] – естественно, такое предложение автоматически лишает подсчёты всякого смысла, так как нормальный исследователь не может быть уверенным, что *все* заимствования исключены (см. всё тот же фактор «языка X»). Во-вторых, была предложена изменённая формула [Старостин, Бурлак 2001: 85], результаты подсчётов по которой уводят распад, например, пермского прайзыка в середину I тыс. до н. э. – в то время как в нём имеются булгарские (не ранее VIII в. н. э.) и даже монгольские (не ранее XIII в. н. э.) заимствования! Несмотря на эти «улучшения» и законный скепсис многих лингвистов, следует признать, что подсчёты по традиционной (М. Сводеша) формуле дают – по крайней мере для уральских языков – результаты вполне согласующиеся с получаемыми с помощью других методов (например, для пермского прайзыка – конец X – начало XII вв.) [Raun 1956; Хелимский 1982: 11-15, 38-39]. Поэтому метод М. Сводеша может, видимо, употребляться не только как лексикостатистика –

средство измерения «расстояний» между языками, но и как *глоттохронология* – метод датировки древних процессов языкового распада путём транспонирования этих расстояний на временную шкалу. Последняя и наиболее интересная попытка такого рода проделана в [Taagepera 1994], и результаты её отражены на *рис. 6*. Главное наблюдение, которое можно сделать, глядя на эту схему (при том, что на основании данных об индоевропейских заимствованиях в финно-угорских языках и анализа культурной лексики – см. подробнее ниже – и традиционно принято считать, что финно-пермская и финно-волжская прайзыковые общности существовали с рубежа III / II тыс. до н.э. до начала / середины I тыс. до н.э. [Décsy 1965: 153-155; Гуя 1974: 38-39; Хайду 1985: 172-175; Хелимский 1982: 8-10, 45]): распад «дочерних» западных финно-угорских прайзыков (от финно-пермского, до прибалтийско-финско-саамского) произошёл весьма быстро, практически на протяжении 2-й половины II тыс. до н.э., что хорошо согласуется с предложенной мною более десяти лет назад гипотезой резкого расширения финно-угорского языкового ареала на западе и финно-угризации Восточной Европы вследствие интенсивных социально-экономических процессов вызванных «металлической революцией» (см. выше) и климатическими сдвигами конца суббореала [Напольских 1990].

The Linguistic Distances between Uralic Languages

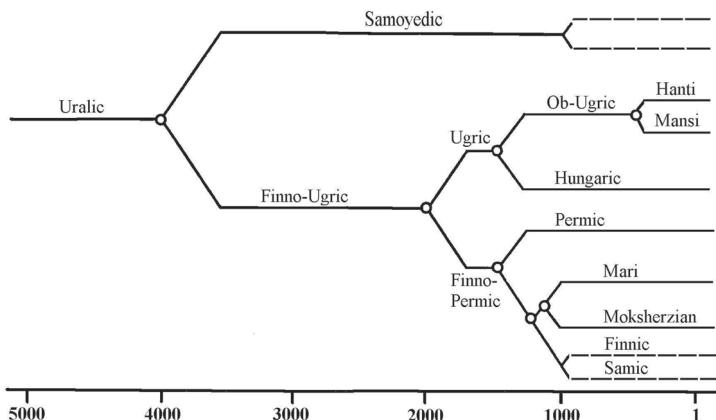

Рисунок 6. Лингвистические расстояния между уральскими языками на временной шкале по методу глоттохронологии – из [Taagepera 1994: 165].

Район обитания носителей языков финно-пермской и финно-волжской общинностей находился уже не в пределах таёжной зоны, как уральская и финно-угорская прародина [Хайду 1985: 154-160; Напольских 1997а: 128-140, 163-167], а по крайней мере в значительной своей части должен был охватывать смешанные и / или широколиственные европейские леса, о чём свидетельствуют следующие названия деревьев:

- ф.-п. *níne ‘лыко, молодая липа’ [UEW: 707];
- ф.-п. *räškz ‘орех (лещина)’ [UEW: 726];
- ф.-п. (мар.-удм.) *nólkz ‘вяз’ (?) [UEW: 715];
- ф.-в. *päkšnä ‘липа’ [UEW: 726]
- ф.-в. *wakštze ‘клён’ [UEW: 812]

– ф.-в. (ф.-морд.) *omz-na / -rz ‘яблоко’ [Joki 1973: 295; UEW: 718]. Последнее слово интересно ещё и потому, что является (восточно-)иранским заимствованием (причём, возможно, из двух восточноиранских языков или диалектов, по-разному отражающих иран.

**amarna* ‘яблоко’, ср., например: вах. *mir* и шугн. *mīn* ‘яблоко’ [Стеблин-Каменский 1999: 241]) и маркирует, таким образом, контакты носителей финно-мордовских языков с восточными иранцами на северной или северо-восточной периферии ареала дикой яблони в Восточной Европе (см. также ниже).

Точнее о времени и обстоятельствах продвижения носителей языков и диалектов финно-пермской и финно-волжской общностей в Восточной Европе на запад позволяют судить следующие этимологии:

– ф.-в. **toma* ~ ППерм. **tupri* ‘дуб’ [UEW: 798] – вероятно, оба корня восходят к ф.-п. **tompa*, которое в западных (дофинно-волжских) диалектах было осмыслено как **tomprū*, где **prū* ‘дерево’ (ф. *рии* и т.д.), с последующим восстановлением «полней» основы, а в восточных (допермских) диалектах имело место нормальное развитие **tompa* > **tub* / **tubpri* (обычный для названий деревьев композит со вторым элементом **ri* ‘дерево’) > **tupri*. Ф.-п. **tompa* ‘дуб’ скорее всего является заимствованием из индоевропейского диалекта, принадлежавшего центральноевропейской общности, точнее – её протобалтскому (балто-славянскому) ареалу, где одним из названий ‘дуба’ было **dombo-*, отражённое в ПСл **dǫbъ* ‘дуб’ < ПИЕ **dhom-bh-*. Северо-восточная граница распространения дуба в Восточной Европе проходит сегодня по нижнему-среднему течению Ветлуги, Вятки и Камы, восточнее юга Среднего Прикамья дуб не известен. В отдельные периоды суббореала возможно было продвижение дуба на север от современной его границы, но едва ли – на восток. Заимствование названия этого дерева, незнакомого носителям финно-угорской речи, происходившим из Западной Сибири, должно было произойти во II тыс. до н. э. на Нижней Каме / в левобережье Средней Волги – именно здесь и в это время следует локализовать первые контакты финно-угров с жившими западнее носителями индоевропейских языков центральноевропейского или протобалтского круга.

– мар. *oško* ‘чёрный тополь, осокорь’ ~ морд. Э *ukso* ‘ясень, вяз’. Распространение осокоря и ясения в Восточной Европе ограничено на севере и востоке Средним Поволжьем (от Ярославля до Казани, в основном – на правом берегу Волги). Данное слово также может быть заимствованием из древнего индоевропейского языка центральноевропейской общности: лит. *úosis* ~ ПСл **jasenъ* ‘ясень’ (сюда же, возможно, и рус. *осокорь*) ~ др.-норв. *askr* ‘ясень’ и т.д. < **oske-* ‘ясень; (?) осокорь’. Данное сопоставление было предложено в числе «иранизмов» [Jacobsohn 1922: 15-16, 54], что неприемлемо, так как в арийских языках рефлексов этого индоевропейского корня нет (см. [Joki 1973: 333]); это сопоставление уже рассматривалось как “древний балтизм” [Казанцев 1985: 58].

– ф.-в. **jäwre* ‘озеро’. Традиционно восстанавливаемая форма **järwe* [UEW: 633] базируется исключительно на прибалтийско-финских данных и неверна (ср. саам. Н *jawre* ‘озеро’ при метатезе *-wr- > *-rw- в пр.-ф. **torve* ‘рог’ ← балт. **taure* ‘тж’: lit. *taurė* и т. д.). Это слово также было заимствовано из протобалтского **jeure-* ‘море’: лит. *jūra* ‘море’ и т. д. < ПИЕ **e̥y̥eri* ‘тж’ [Büga 1959: 273-275] и заменило в западных финно-угорских (финно-волжских) языках старое слово для ‘озера’, ПУ **towe*, сохранившееся в пермских, угорских и самодийских языках [UEW: 533]. Оба эти корня широко представлены в субстратной топонимии Восточной Европы (основы на -*яхр(ъ)* / -*ягр(ъ)* и -*яр(ъ)* / -*ер(ъ)* < *-j̥y̥wr – см. выше раздел о топонимии – и на *-mo* / *-ты* < *-towe), причём граница между ними проходит (если не считать поздних собственно марийских и мордовских топонимов на востоке) по линии Северная Двина – Ветлуга [Матвеев 1991: 13-15], что опять-таки указывает на район Нижней Камы – Средней Волги как наиболее вероятное место встречи восточного финно-угорского и западного протобалтского языковых миров.

Дальнейшее продвижение финно-угорской речи на запад маркируется заимствованиями, истоком которых был уже язык собственно восточнобалтского типа: большинство форм, заимствованных в финно-волжские языки практически выводимы из современных литовских – ср. приведённые выше протобалтские / центральноевропейские этимологии, в которых прототип либо вовсе не зафиксирован в собственно восточно-балтских языках, либо заметно отличается от литовской формы (следует заметить, что и большинство субстратных балтских топонимов в Центре Европейской России отражают скорее не западно- а восточнобалтский язык [Откупщиков 2001: 365]). При анализе этих данных следует, однако, иметь в виду, что классические работы по данному вопросу [Thomsen 1890; Kalima 1936] имеют существенный недостаток: материал рассматривается в них с финской точки зрения, т. е. сепаратные (не имеющие параллелей в прибалтийско-финских языках) балтизмы в мордовском и марийском учитываются скорее случайно, целенаправленного поиска в этом направлении не было. Буквально единичные дополнения из финно-волжских языков (напр. морд. *keŕas* ~ удм. *karas* ‘соты’ ← балт.: лит. *korýs* ‘тж’ [Joki 1973: 268], морд. *akša* ~ мар. *ošo* ‘белый’ < **akša* – если из < **aikšə* ← балт.: лит. *aiškus* ‘светлый, ясный’ [Katz 1985: 102]) были сделаны позднее. Местные учёные неоднократно предпринимали попытки дополнить списки В. Томсена и Я. Калимы новыми балтизмами в марийском и мордовском, но почти все их этимологии крайне неудачны. Гипотеза Б. А. Серебренникова о наличии балтизмов в волжских и пермских языках [Серебренников 1957] интересна, но основана на очень слабой базе (ряд слов из его списка – прауральские, некоторые имеют тюркское происхождение, качество большинства сопоставлений низкое). Интересна попытка Г. С. Кнабе провести стратификацию балтизмов в поволжских финских языках, в частности – указание на то, что ряд слов, традиционно трактуемых как иранские заимствования, с тем же успехом могут быть объяснены и как балтизмы, либо могут восходить к некоему индоевропейскому языку, происходившему из пограничного балто-арийского ареала; там же – некоторые интересные сопоставления с балтскими слов пермских языков [Кнабе 1962]. К сожалению, и эта работа довольно поверхностна и не получила дальнейшей разработки; кроме того, наличие в пермских, мордовском, марийском и поволжских тюркских языках заимствований из языка балто-славянского типа может иметь объяснение в связи с миграцией центральноевропейских групп в Среднее Поволжье в сер. I тыс. н. э. (прежде всего – носители именьковской археологической культуры) [Napol'skikh 1996; Напольских 2006]. В последнее время П. Саммалахти предложил ряд интересных этимологий саамских слов [Sammalahti 2001], которые он сам почему-то называет «(пра)индоевропейскими», что неверно, так как большинство их отражает сатемный индоевропейский язык балтского или арийского типа – таким образом позиция исследователя препятствует реальному введению результатов его работы в научный оборот. В любом случае, здесь речь идёт скорее всего о заимствованиях не из собственно (восточно-)балтского, а из какого-то сатемного языка центральноевропейской общности (подробнее об этих этимологиях П. Саммалахти и о совершенно негодных в большинстве своём, но очень модных в современном финно-угроведении разработках в том же направлении Й. Койвулахто см. [Напольских, Энговатова 2000]). Таким образом, проделанная со временем выхода в свет трудов В. Томсена и Я. Калимы работа в общем не меняет созданной ими картины.

Распределение (восточно-)балтских заимствований в финно-угорских языках весьма показательно: в угорских и пермских языках их, видимо, нет; в марийском – всего несколько слов, имеющихся при этом также в прибалтийско-финских и / или в мордовском; в мордовском – около десятка, причём ряд слов не имеет прибалтийско-финских соответствий;

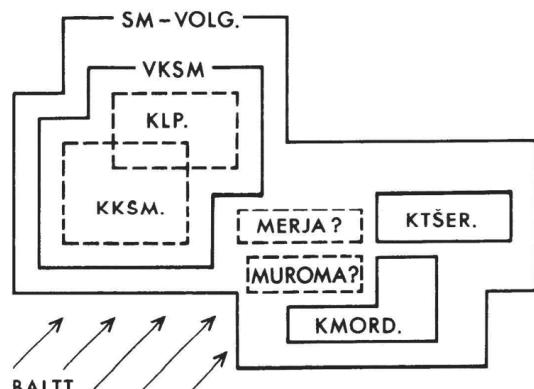
в саамском – около двух десятков, и они имеют параллели в прибалтийско-финских, почему и считаются проникшими в досаамские диалекты прибалтийско-финско-саамской общности не непосредственно, а через доприбалтийско-финские диалекты; в прибалтийско-финских языках количество балтизмов исчисляется сотнями [Thomsen 1890; Kalima 1936; Korhonen 1981: 28-35].

В целом взаимодействие финно-волжских и (восточно-)балтских языков отражено на схеме М. Корхонена – *рис. 7*. Для помещения этой схемы на конкретную географическую карту принципиальное значение имеют названия рыб, заимствованные из балтских языков в прибалтийско-финские:

- ф. *lohi* ~ саам. Н *luossâ* ‘благородный лосось, сёмга’ < **loše* ← балт.: лит. *lāšis* ‘тж’ [Kalima 1936: 133];
- ф. *ankerias* ~ лив. *aŋŋgərz* ‘угорь’ ← балт.: лит. *ungurÿs* ‘тж’ [Kalima 1936: 90-91];
- эст. *eherus* ‘речная форель; (диал.) маленькая речная рыба’ ← балт.: лит. *ešerÿs* ‘окунь’ [Kalima 1936: 92];
- эст. *lest* ‘камбала’ ← балт.: лит. *plēkšnē* ‘тж’ [Viitso 1983].

Эти названия указывают на то, что носители финно-угорской речи познакомились с рыбами бассейна Балтийского моря, отсутствующими в реках бассейна Волги, через посредство восточных балтов, т. е. – к моменту распространения финно-угорских языков западнее водораздела Волги и рек бассейна Балтики на берегах последних уже проживало население, говорившее на восточно-балтских языках (к истории вопроса см. [Ravila 1949; Viitso 1983; Хелимский 1985; Napol'skikh 1993]). С этими же обстоятельствами связано, видимо, и заимствование слова для ‘моря’ из восточно-балтского в прибалтийско-финский (ф. *meri* и т. д. ← балт.: лит. *mārē* ‘море’) [Kalima 1936: 137-138; Vaba 1997]. Хотя, судя по языковым заимствованиям, непосредственное расселение прибалтийских финнов на берегах Балтики и знакомство их с приморскими реалиями происходило уже в ходе интенсивных контактов с германцами. Количество германских заимствований в прибалтийско-финских языках значительно превосходит количество балтских, и они отражают непрерывные контакты, имевшие место в Балтийском регионе как минимум с серединой I тыс. до н. э. (с архаичным германским языком восточно-германского или даже прагерманского облика) до позднейших шведских и немецких заимствований нового времени. Саамский язык также очень рано контактировал с германскими (северогерманским, древнескандинавским) языками. Старых германских заимствований в финно-угорских языках восточнее прибалтийско-финских и саамского, видимо, нет (обстоятельный критический обзор новейших взглядов и гипотез о германских заимствованиях в финно-угорских языках см. в [Ritter 1993]).

Рисунок 7. Схема взаимодействия балтских и финно-волжских языков из [Korhonen 1981: 33]. Сокращения: SM-VOLG. – финно-волжский, VKSM – прибалтийско-финско-саамский, KLP. – общесаамский, KKSM. – общеприбалтийско-финский, MERJA – меря, MUROMA – мурома, KTŠER. – общемарийский, KMORD. – общемордовский, BALTT. – восточно-балтский.

Таким образом, можно сделать следующий вывод: встреча имевших в общем восточное происхождение носителей языков финно-волжской общности с жившими от них в общем к западу носителями (восточно-)балтских языков имела место в финальный период существования финно-волжской общности (см. неравномерное распределение балтизмов и резкое сокращение их числа на востоке), т. е. (см. выше) в конце II – первой половине I тыс. до н. э., в районе близком к водоразделу Волги и рек бассейна Балтийского моря. Таким образом, финно-угорско-балтская граница, устанавливаемая путём анализа субстратной топонимии (*рис. 4: 1*) в основном, видимо, совпадает с границей «встречи» этих языков, сложившейся в начале I тыс. до н. э. вследствие взаимного движения (восточных) балтов с запада и финно-угров с востока, и нет оснований предполагать более древнее присутствие собственно финно-волжского языкового компонента западнее этой границы, и собственно балтского – восточнее, что согласуется и с топонимическими данными. Можно предположить, что финно-угорско-балтская «смычка» происходила за счёт ассимиляции палеоевропейских, индоевропейских (центральноевропейских, протобалтских), палеоевропейских и, возможно, проникавших с юга арийских (иранских) и каких-то парауральских (не собственно финно-волжских) групп.

Для настоящего обзора также важно, что к середине I тыс. до н. э. финно-угорские языки, исторически известные в Центре Европейской России уже должны были выделяться из реконструируемых прайзыковых общностей. Вместе с тем, это не значит, что уже во второй половине I тыс. до н. э., например, древнемарийский язык существовал обособленно: весьма вероятно, что для данного времени можно было бы говорить о сохранявшейся марийско-мерянской общности – если бы у нас было достаточно данных о мерянском языке. Данный вывод в определённой мере снижает возможности языкоznания для реконструкции состояния культуры, общества и уточнения локализации соответствующих языков с сер. I тыс. до н. э.: после реконструируемого на основании сравнения марийских, мордовских, саамских и прибалтийско-финских материалов финно-волжского состояния лингвист может вести речь только об эволюции названных отдельных ветвей, и появляется своего рода пропасть между финно-волжской и поздней собственно марийской, например, стадией.

Наибольшую ценность здесь приобретают данные о внешних контактах западных финно-угорских языков. Картина взаимодействия прибалтийских финнов, саамов и поволжских финнов с балтами и германцами дана выше. Второе направление внешних языковых и культурных контактов, определявших историю финно-угров в Европе в I тыс. до н. э. – I тыс. н. э. – контакты со степным ираноязычным населением. Выше уже шла речь о проблемах, связанных с интерпретацией древнейших арийских заимствований в финно-угорских языках. Важно, что древнейшие (называть ли их *праарийскими* или – более корректно *древними арийскими*) заимствования распределены в финно-угорских языках более или менее равномерно (колебания объяснимы разной степенью изученности разных языков на сей предмет и возможными случайными выпадениями и заменами слов). Распределение же заимствований, определяемых как собственно иранские (древнеиранские) уже не может быть объяснено только разной степенью сохранности старой лексики, но, по-видимому, показывает, что основная область финно-угорско-иранских контактов в это время (VII-III вв. до н. э. по [Harmatta 1977: 176]) находилась в районе расселения носителей поволжско-финских языков / диалектов финно-волжской общности и пермского прайзыка (см. таблицу ниже). Та же картина сохраняется и для среднеиранского периода (последние века до н. э. – первая половина I тыс. н. э. по [Harmatta 1977: 178]), но активные контакты с носителями среднеиранских языков имели и предки угров, видимо на юге западной Сибири и на Урале.

Данные о распределении разновременных иранизмов сведены в приводимой ниже

таблице². Относительно низкие по сравнению с мордовским и пермскими цифры по марийскому языку должны быть скорее всего скорректированы в сторону повышения (по крайней мере в части среднеиранских и восточноиранских заимствований): хотя многие иранские этимологии марийских слов, предлагавшиеся в работах местных авторов не выдерживают критики (помимо просто плохих сопоставлений часто встречаются, например, сравнения с персидскими словами арабского происхождения, попавшими в марийский через тюркское посредство и т. п.), среди них есть и достаточно надёжные иранские этимологии марийских слов, отсутствующие в классических работах А. Йоки, К. Редеи и др. и не учтённые в подсчётах Й. Харматты: прежде всего (даю с дополнениями и необходимыми поправками): мар. (*o*)*nar* ‘великан (мифическое существо)’ ← осет. *nael*, ав. *nar-* ‘самец, мужчина’; мар. *vacē* ‘плечо’ ← осет. *bazyg* ‘рука выше локтя, плечевая кость’, перс. *bāzū* ‘рука ниже локтя’; мар. *rveze* ‘парень, юноша, молодой человек’ ← осет. *“rvad / ærvadæ* ‘брать, родич’; мар. *šör* ‘молоко’ ← осет. *xsyur*, перс. *šīr* ‘молоко’ [Гордеев 1967: 195-199]; мар. *pəzē* ‘мясо’ ← ав. *pitav-* ‘еда’, осет. *fyd* ‘мясо’ [Казанцев 1980: 108]. Поэтому при марийских данных в таблице добавлено “+ 5?”.

Таблица. Репрезентация разновременных иранских заимствований в финно-угорских языках. Составлено по [Harmatta 1977: 174-180]. Цифры обозначают как наличие рефлексов общих иранизмов в отдельных финно-угорских языках, так и сепаратные иранизмы.

	«Праиранские»	«Древнеиранские»	Среднеиранские:	
			всего	в том числе – распознаваемые как специально восточноиранские
саам.	15	7	1	1
ф.	25	10	4	4
морд.	27	19	28	12
мар.	14	12	12 (+ 5?)	1 (+ 5?)
коми	27	33	39	8
удм.	24	25	31	6
венг.	26	6	45	12
манс.	15	9	24	12
хант.	12	8	17	8

Интенсивные контакты древне- и среднеиранского времени с пермянами и волжскими финнами могут быть с наибольшей вероятностью локализованы на Средней Волге – исходя из наших представлений о древнейшей локализации пермян и мордвы и имея в виду следующие две очень показательные этимологии:

– морд. Э *rav* ‘Волга’ ← иран.: 1) ав. *ravan-*, перс. *rōd* ‘река’; 2) ав. *Rajhā-* – название мифической реки на краю мира (Сырдарья? Волга?), скиф. *Ра-* ‘Волга’ (у Птолемея) [Munkácsi 1901: 533; Jacobsohn 1922: 238-242; Joki 1973: 307]. Вторая из приведённых версий представляется более основательной, по-видимому, данное иранское название Волги имело весьма большую значимость в мифологических, космологических представлениях, в силу чего и было заимствовано предками мордвы.

² Таблица составлена по обзору Й. Харматты, со времени появления которого список иранизмов в финно-угорских языках изрядно пополнился. Однако общая картина осталась, по-видимому, той же.

– ППерм **sariž* ‘море, тёплые края на юге’ (сюда же, возможно, и ф. *sarajas* ‘море (в фольклоре), река Похъолы’) ← ар.: ав. *zraya-* ‘море’, перс. *daryā* ‘море, большая река’ [Joki 1973: 349; Rédei 1986: 81]. Таким образом, помимо балтского слова для ‘моря’ (вполне, видимо, конкретного, Балтики) в прибалтийско-финском, в прапермский было заимствовано иранское слово с тем же значением, – но уже как обозначение не конкретной географической реалии, а волшебной страны на юге³.

Приводимые здесь данные позволяют в принципе дополнить схему М. Корхонена (рис. 7), обозначив иранское влияние с юга, охватывавшее непосредственно прежде всего прамордовский и располагавшийся восточнее прапермский, и более точно поместить эту схему на географической карте – примерно так, как это сделано на рис. 4. Что касается датировки этой карты, то в самом общем виде её можно определить как I тыс. до н. э., исходя из принятых датировок распада финно-угорских языков, датировок древнеиранской и среднеиранской стадий развития иранских языков (см. выше) – и данных о культурных и хозяйственных реалиях финно-пермского и финно-волжского периодов, реконструируемых с помощью сравнительно-исторического языкознания (см. ниже).

III.

Реконструируемая лексика финно-угорского и тем более уральского прайзыков не позволяет говорить о знакомстве носителей этих языков с металлами, земледелием и скотоводством [Хайду 1985: 176-188; Напольских 1997а: 121-125]. По всей вероятности, могли иметь место отдельные контакты с носителями этих культурных достижений, но освоение их самими уральцами должно было произойти уже после распада финно-угорского единства. Есть как минимум две любопытных этимологии, свидетельствующие о начале знакомства финно-угров с элементами или продуктами производящего хозяйства (о металлах см. отдельно ниже) в конце существования прайзыковой общности либо вскоре после её распада (последнее наиболее вероятно, но требует предположения о проникновении соответствующих терминов в пражогорский через прапермское посредство, которое невозможно ни доказать, ни опровергнуть). Одновременно эти этимологии указывают на источник соответствующих культурных новшеств:

– ПФУ (п.-манс.) **pušn̥z* ‘мука’ [UEW: 408-409]: удм., коми *pjž* (*pjžn-*) (< ППерм **pūšn-*) ~ манс. *pasēn* и т. д. ‘мука’. Данное слово давно сопоставляли с др.-инд. *piśta-*, ав. *piśtra-* ‘мука’ [Munkasci 1901: 646], однако эти арийские формы не могут быть его источником (см., однако, ниже ф.-в. **pušta* ‘толокно’), на роль которого весьма подходит протобалтское (прабалто-славянское) **pišen-*, восстановливаемое на основе ПСл **přešen̥* ‘пшено, пшеница’ – причастие прошедшего времени от **přxati* ‘пишать, толочь’;

– ПФУ **isče* ‘овца’ [UEW: 541]: ф. *iishi* ~ морд. *isča* ~ удм., коми *jž* ~ манс. *ēs* и т. д. ~ хант. Вах *ač* и т. д. Более точная ПФУ реконструкция: **oča* (по «правилу Генеца» [Genetz 1895] в мордовском **CoCa* > **CuCo*) или даже **očča* (по долгому *u* в финском – уже в [Munkásci 1901: 383]). Формально пражогорское слово для ‘овцы’ настолько очевидно противоречит комплексу реконструируемых реалий пражогорской культуры как охотничье-рыболовческой, что для его объяснения предлагались самые разные, порой совершенно нелепые объяснения (например: “похожее на овцу дикое животное” в [UEW: 541]). Между тем перед нами – очевидное индоевропейское заимствование, для установления конкретного источника которого могут быть предложены две гипотезы: 1) из

³ Совершенно аналогичное название для страны с тёплым морем, где зимуют перелётные птицы в обско-угорских языках обозначает буквально ‘страну морти’ (манс. *mōrtim-mā* ~ хант. *mərlət-tyiš*), где *морти* – очевидное заимствование из иранского **marta* ‘человек, смертный’.

какого-то арийского или протобалтского языка, ср.: др.-инд. *ajah*, лит. *ožūs* ‘козёл’, др.-инд. *aja*, лит. *ožka* ‘коза’ < ПИЕ **ag(a)-* ‘козёл, коза’ (семантический переход ‘коза’ → ‘овца’ в принципе не представляет сложности, в особенности учитывая то обстоятельство, что козы и овцы часто составляют единое стадо, вожаком которого часто бывает козёл) [Напольских 1997а: 122]; 2) альтернативное объяснение этого слова как протобалтского (прабалто-славянского) заимствования из формы типа **ovičā* ‘овца’, соответствующей ПСл **oviča* < **ovikā* / (?) **ovikjā* < ПИЕ **ovi-* ‘овца’ хотя и безупречна по семантике и фонетике (**ovičā* → **ožča* – если долгота *u* в финском имеет этимологический характер), встречает хронологические трудности: она предполагает существование очень раннего (III тыс. до н. э.) протобалтского языка или диалекта, в котором имела место палатализация, аналогичная поздней (I тыс. н. э.) славянской. В то же время следует считаться с тем, что существует как минимум ещё одна этимология, подтверждающая возможность существования в Восточной Европе древнего индоевропейского языка, принадлежащего протобалтскому ареалу, для которого была характерна развитая палатализация славянского типа: ф.-п. **še(c)cēt* ← протобалт. **set̥im-* < ПИЕ **septm-* ‘семь’ [Napolskikh 1995: 120-125]. Наличие же арийско-балтской этимологической альтернативы не должно удивлять: давно замечено, что для целого ряда слов, традиционно рассматриваемых как арийский заимствования в финно-угорских языках в равной мере (а порой и с большим основанием) возможна балтская этимология [Кнабе 1962: 72-73]. Классический признанный случай подобной альтернативы – ф.-п. **porsás* ‘свинья’ – см. ниже, см. также ф.-п. **ajša* ‘оглобля’.

Таким образом, уже в самом конце финно-угорской общности или – скорее – в начале сепаратного развития финно-пермских и угорских языков, когда ещё сохранились тесные ареально-генетические связи прaperмских и праугорских диалектов (т. е., скорее всего, примерно в конце III – начале II тыс. до н. э., носители финно-угорских языков познакомились с первыми элементами производящего хозяйства при посредстве носителей индоевропейских языков протобалтского и / или арийского круга.

В собственно финно-permскую эпоху (рубеж III–II тыс. до н. э. – вторая половина II тыс. до н. э. носители языков и диалектов финно-perмской общности уже должны были освоить производящее хозяйство, прежде всего – скотоводство, о чем свидетельствуют этимологии для названий домашних животных:

- ф.-п. (мар.-п.) **ožz* ‘жеребец’ [UEW: 607];
- ф.-п. (мар.-п.) **uskalz* ‘корова’ [UEW: 805];
- ф.-п. (мар.-п.) **uškz* ‘бык’ (← иран.: ав. *uχšan-* ‘бык’) [Joki 1973: 334; UEW: 806];
- ф.-п. (мар.-п.) **mež* ‘овца’ (← иран.: ав. *taeša-*, перс. *mēš* ‘овца’) [Joki 1973: 285].

Эти четыре этимологии, однако, не обязательно имеют древнее (прафинно-perмское) происхождение, поскольку их рефлексы представлены только в марийском и permских языках: эти понятия могли сложиться в ходе более поздних permско-марийских ареально-генетических контактов. См., однако:

- ф.-п. **porsás* ‘свинья’. Слово заимствовано из индоевропейского источника: иранского: ав. *rərəsō*, хот.-сак. *pā'sa* – или балтского: лит. *pařšas* ‘свинья’, причём возможно, что в разные языки – из разных источников: в финно-волжские скорее из балтского, в permские – из иранского, однако возможность прафинно-perмского возраста этого слова также не исключена [Joki 1973: 303; Rédei 1986: 56; UEW: 736];
- ф.-п. **cónz* ‘молодой самец дом. животного: жеребёнок, бычок’ [UEW: 614];
- ф.-п. **marta* ‘бесплодная (от старости – о корове); яловая’ (?) ← ар.: ав. *marata-* ‘смертный’) [UEW: 699].

Домашние животные использовались для получения не только мяса:

– ф.-п. (мар.-коми) *lūstz- ‘доить’ [UEW: 691];

– ф.-п. (мар.-п.) *sukz ‘щетина’ (← ир.: ав. sūka- ‘игла’) [UEW: 767; Joki 1973: 315].

(см. также ниже *śuka ‘зерно, мякина’).

На наличие гужевого транспорта или использования скота для пахоты указывает:

– ф.-п. *ajša ‘оглобля’ (← ар.: ав. *aēša-‘плуг’), того же индоевропейского корня название для ‘оглобли’ заимствовано в прибалтийско-финские языки из балтских: ф. *aisa* ← балт. *aīsa – ещё один случай параллельного заимствования термина в финно-пермские языки из балтского и арийского (см. выше ПФУ *iše ‘овца’, ф.-п. *poršas ‘свинья’) [Joki 1973: 253-254; UEW: 605].

О способах содержания скота свидетельствуют слова:

– ф.-п. *kentä ‘участок луга, пастище (> хлев)’ [UEW: 658];

– ф.-п. *tarna ‘трава, сено’ (← ар.: хот.-сак. *tarra-*, др.-инд. *tr̥na-* ‘трава’) [UEW: 792].

О земледелии свидетельствуют – помимо слова для ‘муки’ (см. выше) прежде всего термины для ‘хлеба в зерне’, которые в древности могли, видимо, относиться к разным видам злаков:

– ф.-п. *jewä ‘зерно, хлеб в зерне’ (← ар. *jeza- ‘тж’) [UEW: 633-634];

– ф.-п. *kōntz ‘хлеб в зерне, семена’ [UEW: 681];

– ф.-п. (морд.-коми) *norz ‘хлеб в зерне’ [UEW: 710].

Как минимум два вида злаков можно идентифицировать точнее:

– ф.-п. (морд.-п.) *sorз ‘вид злака или сорняк: просо, костёр’ [UEW: 766];

– ф.-п. (морд.-коми) *rānz ‘овёс’ [UEW: 726].

Об обработке зерна можно судить по:

– ф.-п. *pošz ‘сито, просеивать; веять зерно’ [UEW: 738]

– ф.-п. *riye-še ‘рига, овин’ [UEW: 745]

– ф.-п. *śuka ‘ость, мякина’ (← ар.: др.-инд. śūka- ‘тж’, ав. sūka- ‘игла’) [UEW: 777-778].

Вместе с тем следует отметить, что земледелие носило, по-видимому, ещё так сказать «подсобный» характер, и важнейшим продуктом его, возможно, был не столько хлеб, сколько пиво, культура приготовления которого опять-таки – судя по двум важнейшим заимствованиям – была заимствована от иранцев (подробнее см. [Борлукова 1997]):

– ППерм *sur ‘пиво’ ← ар.: др.-инд. *surā* ‘алкогольный напиток’ [Joki 1973: 317; Rÿdei 1986: 59-61, 76-77]. Данное слово, будучи известно только в пермских языках, по своему облику (сохранение старого *s) указывает на очень ранний арийский источник и поэтому должно рассматриваться как заимствование ещё допернского, финно-пермского времени;

– ф.-п. (саам.-п.) *tajka (на самом деле – *takka) ‘кисть, бахрома’ [UEW: 791] ~ ППерм *tag ‘хмель’ ← ир.: осет. *tag* ‘полоса, прядь’, перс. *tāk* ‘виноградная лоза’, афг. *tāke-cīlaj* ‘хмель’ [Борлукова 1997: 21].

– ф.-п. *čože ‘ячмень’ с показательным развитием в ‘солод’ в пермских языках [UEW: 622]. Возможно, что первичное значение ф.-п. *čože – не ячмень (как в мордовском), а именно ‘солод’ (как в пермских) и этот корень связан с ПУ *čače ‘рождаться’ (семантика ‘рождаться, прорастать’ > ‘проросшее зерно’ > ‘солод’ > ‘сырьё для получения солода, ячмень’) и представляет собой семантическую кальку с иранского оригинала:ср. осет. *zad* ‘солод’, букв. ‘проросшее’ [Борлукова 1997: 21];

- ф.-п. **jimā* ‘солод, саламата’ [UEW: 634-635];
- ф.-п. **čamčz* ‘прокисший, перестоявшийся (о молоке или пиве)’ [UEW: 617].

Помимо «пивного» направления земледелие в финно-пермскую эпоху вероятно уже имело значение и как источник сырья для ткачества. Прежде всего здесь значимо название для ‘конопли’:

– ф.-п. (п.-мар.) **käp̩z* ‘конопля; семя конопли’ [UEW: 651] ← ар.: др.-инд. (Атхарваведа) *śaṇaḥ* ‘вид конопли’; перс. *kanab*, *kanaf*, осет. *gæn* ‘конопля’ – наиболее вероятен источник типа осетинского (скифский или аланский). Хотя данный корень присутствует только в пермском и марийском, речь идёт о евразийском миграционном термине, широко представленном в языках разных семей: от russ. конопля, нем. *Hanf*, тат. *kindər* до греч. *kánnabīs*, лат. *cannabis* и шум. *kunibu* ‘конопля’. Морд. Э *kańćť*, М *kańťf* ‘конопля’ также принадлежит к этому кругу слов и независимо заимствовано, видимо, из какого-то иранского языка [КЭСК: 141; Rédei 1986: 70-71; Joki 1973: 270-271; ИЭСОЯ I: 512-513]. Конечный источник евразийского названия конопли неясен, обращает на себя внимание отсутствие наращений в основе **kVn-* в пермско-марийском, древнеиндийском и осетинском, которые, таким образом, выглядят более архаичными, чем даже греческое и шумерское слова. Х. Катц выдвинул остроумное предположение о связи этой основы с удм. *kudž-* ‘опьянеть’ ~ коми *kod* ‘пьяный’ (сопоставление с хант. Тром. *käntəkkə* – якобы ‘быть выпивши’, видимо, ошибка, т. к. на самом деле хантыйское слово означает ‘трезвый, неопьяневший’ [DEWOS: 519]) < ПФУ **kēn-ta-* ‘быть одурманенным коноплён’ и, соответственно, о происхождении евразийских названий ‘конопли’ (изначально – как наркотического средства) из уральских языков [Katz 1985: 173-174], но его гипотеза нуждается в доработке. Дикорастущая конопля была, видимо, известна носителям финно-угорских языков с глубокой древности, ср. ПФУ **rğcz* ‘слой, нить, конопля (мужская)’ [UEW: 412] – причём, судя по значению, уже как источник растительного волокна (об этом же свидетельствует и то, что к тому же корню безусловно восходит и ППерм **reč-* ‘крапива’ [КЭСК: 220], название другого дикорастущего источника волокна). Тогда в ф.-п. **käp̩z* особо важно значение именно ‘семя конопли’: возможно, в финно-пермскую эпоху (если марийско-пермский корень восходит к этому времени, а не является позднейшим аланизмом) коноплю стали выращивать и для получения семян. Тем не менее наличие ткачества в культуре носителей языков финно-пермской общности не подлежит сомнению:

– ф.-п. (мар.-п.) **šürtz* ‘пряжа’ [UEW: 785]. Б. Мункачи в своё время обратил внимание на сходство этого корня с др.-инд. *sūtra-* ‘нить, шнур’ и вах. *žitr* ‘шерстяные нитки, пряжа’ [Munkácsi 1901: 134, 643-644], но эта этимология не была принята исследователями [Joki 1973: 79]. На самом деле предположение Б. Мункачи в конечном счёте может быть верным, но нуждается в корректировке: древнеиндийское и ваханско слово друг с другом не связаны, и, если ваханско действительно восходит к ир. **gaip-tra-* < **gaip-* ‘прядь, скручивать нить’, откуда также вах. *žip-* и слова со значением ‘прядь’ в других памирских языках [Стеблин-Каменский 1999: 446-447], то источником марийско-пермского термина мог быть какой-то восточно-иранский язык с палатализацией **gai-* > **ži-*.

- ф.-п. (мар.-п.) **tokz-rz* ‘холст’ [UEW: 797].

В финно-волжское время (после отделения пермского прайзыка от других европейских финно-угорских) происходило дальнейшее развитие скотоводства, что отражается в увеличении числа терминов для названий разнообразных домашних животных, различающихся по полу и возрасту:

- ф.-в. (ф.-морд.) **oraše* ‘боров’ (← ар.: др.-инд. *varāha-*, ав. *varāza-* ‘боров’) [Joki 1973: 296; UEW: 720];
- ф.-в. (ф.-морд.) **tika* ‘свинья’ [UEW: 796];
- ф.-в. (саам.-морд.) **ältz* ‘самка домашнего животного: воженка, кобыла’ [UEW: 609];
- ф.-в. (ф.-морд.) **wetz* ‘корова, тёлка’ [UEW: 821];
- ф.-в. (ф.-морд.) **leštä* ‘самка домашнего животного: корова, кобыла’ [UEW: 689];
- ф.-в. (ф.-морд.) **akšterz* ‘неплодородный; яловая’ [UEW: 606] ← ар.: др.-инд. *a-kṣetra-* ‘неплодоносящий, невозделанный, заброшенный (о поле и т. п.)’ [Blažek 1990: 40];
- ф.-в. (ф.-морд.) **wača* ‘дитёныш скота: телёнок, воженка’ [UEW: 808];
- ф.-в. (ф.-морд.) **wasa* ‘телёнок’ (← иран.: осет. *wæs*, вах. *wušk* ‘тж’) [Joki 1973: 338; UEW: 814].

О содержании скота и использовании продуктов скотоводства свидетельствуют слова:

- ф.-в. (саам.-мар.) **čačz* ‘стадо’ [UEW: 611];
- ф.-в. **parma* ‘овод’ [UEW: 724];
- ф.-в. **utarz* ‘вымя’ (← ар.: др.-инд. *ūdhar-* ‘тж’) [UEW: 806; Joki 1973: 332];
- пр.-ф. **terne* ‘молозиво’ ← ар.: др.-инд. *tarṇa-* ‘телёнок’ [Joki 1973: 328] – данное слово неизвестно за пределами прибалтийско-финских языков, но его арийское происхождение указывает на как минимум финно-волжскую его древность;
- ф.-в. (ф.-морд.) **pektä* ‘сбивать масло’ [UEW: 728].

Очевидно в этот период возрастает роль земледелия, и оно безусловно носило уже вполне «хлебный» характер:

- ф.-в. **vešnä* ‘полба, пшеница’ [UEW: 821];
 - ф.-в. **śora* ‘зерно, крупа’ [UEW: 776] ~ ф.-в. **śure* ‘каша, суп из зёрен’ [UEW: 779];
 - ф.-в. **jaijša* ‘мука, молоть’ [UEW: 631-632];
 - ф.-в. (ф.-морд.) **kürsä* ‘хлеб (примитивный сорт печёного хлеба)’ [UEW: 679]
- Возможно (сопоставление предложено ещё в [Munkásci 1901: 646], здесь уточняется) заимствование из скифского или даже аланского: осет. *kærzun* ‘лепёшки, повседневный непшеничный хлеб’ < **kær* ‘ячмень’ (← из кавказских языков: груз. *keri*, арм. *gari*, абх. *a-qar* ‘ячмень’ + -зун “непродуктивный ныне формант”) [ИЭСОЯ I : 584-585];

- ф.-в. (морд.-мар.) **pušta* ‘толокно’ (← иран.: ав. *pištra-* ‘толчёное зерно’, перс. *pist*, вах. *pəst* ‘толокно’ [Munkásci 1901: 646; Joki 1973: 306; Стеблин-Каменский 1999: 280].

Важнейшее значение имеет этимология, свидетельствующая о подсечно-огневом характере земледелия финно-волжского времени:

- ф.-в. (ф.-морд.) **śukta* ‘вид дерева; пал, выжига, росчисть при подсечно-огневом земледелии’ [UEW: 788]. Возможно – из иран.: ав. *suxta-*, осет. *syğd* ‘сожжённый’ (сопоставление предложено в [Koivulehto 2001: 256], но предположение Й. Койвулехто о раннеиранском источнике с **ts-* в анлауте здесь излишне: реконструируется не ф.-морд. *č-, а *ś-, источником которого могло быть иран. *ś- / *s-: в осетинском реальном произношении и сегодня такое чередование распространено повсеместно).

На побочные продукты земледелия указывают также этимологии:

- ф.-в. **kešträ* ‘прялка’ (?? ← ар.: др.-инд. *cāttra-* ‘тж’) [UEW: 656] (см. о выше ткачестве);
- ф.-в. (ф.-морд.) **olke* ‘солома’ [UEW: 717].

Для датировки распадов пражзыковых единиц и для восстановления культуры носителей пражзыков важнейшее значение имеют этимологии названий металлов.

Древнейшим таким названием в уральских языках является ПУ **waske* (корень представлен практически во всех уральских языках в значениях ‘меди’, ‘цветной металл’, ‘металл вообще’, ‘железо’, ‘металлическое украшение’ и т. п.) значение которого реконструируется как ‘какой-то (цветной) металл; (?) медь’ с комментарием о том, что речь идёт либо о самородной меди, либо о метеоритном железе, либо о болотной железной руде [UEW: 560-561], либо просто о каком-то (каком – ?) минерале, имеющем яркий зелёный или жёлтый цвет [Katz 1985: 320-321]. Вместе с тем, есть основания видеть в этом слове заимствование из индоевропейского источника, близкого к тохарскому: тох. A *wäs*, В *yasa* ‘золото’ < ПИЕ **H̥es-k-* ‘золото’, которое в свою очередь может быть древним миграционным термином ближневосточного происхождения –ср. шум. *guškin* ‘золото’ [Joki 1973: 339-340]. Переход значения ‘золото’ > ‘меди’ > ‘металл (вообще)’ вполне тривиален (ср. хотя бы ниже о названии меди в обско-угорских языках). Заимствование термина для драгоценного металла могло быть сколь угодно древним, и относиться ещё к дometаллической эпохе (т. е. теоретически – к прауральской древности), но по всей вероятности данное слово было заимствовано в разные уральские пражзыки довольно поздно – уже после распада не только прауральского и прафинно-угорского, но и финно-permской общности (подробнее с литературой см. [Napol'skikh 2001: 374]).

Слова для ‘золата’ заимствовались из индоевропейских языков в финно-угорские ещё неоднократно:

– ПУг **sarańa* (> венг. *arany* ‘золото’, хант. *lorńə* ‘меди’, манс. Пел. *tarəń* ‘меди’ – ср. выше о развитии значения в ПУ **waske*) ← иран.: ав. *zaraniya-* ‘золото’ [UEW: 843];

– ППерм **zarní* ~ мар.-морд. **serńä* ← среднеиран.: осет. *zærīnæ* ‘золото’; пр.-ф. **kulta* ← герм.: нем. *Gold* [Munkácsi 1901: 10, 88, 141-142; Rédei 1986: 82; Joki 1973: 250; UEW: 843], что очевидно отражает не развитие metallurgii, а скорее торговые и социальные отношения.

Названия ‘серебра’ также имеют достаточно позднее и различное происхождение в финно-perмских языках:

– ППерм **ğzves'* / **ezūś* (удм. *azves'*, коми *ezjś* ‘серебро’), а также венг. *ezüst* ‘серебро’ (независимое заимствование из аланского) ← иран.: осет. *aevzīst* < *(*a)vzēste* < **zvēste* букв. ‘звёздный (металл)’ [ИЭСОЯ I: 213, 188; Munkácsi 1901: 246-249]. В финно-угроведческой литературе данное слово рассматривается (в связи с его кажущейся близостью с ППерм **ozves'* ‘олово; свинец’ – см. ниже) и как возможное permское заимствование в венгерском и даже в осетинском (см. с литературой [Joki 1962: 157-158]), что неприемлемо ни фонетически, ни с историко-культурной точки зрения.

Ф. *hopea* и мар. *šij* ~ морд. *šija* ‘серебро’ не имеют финно-угорских параллелей, марийско-мордовское слово может быть связано с перс. *sīm* ‘серебро, деньги’ (< пехл. *asēt* ← греч. *ἀστηρος* (*ἀργυρος*) ‘нечеканенное (серебро)’ [Nyberg 1974: 31, 174]) – заимствование, подобное коми *šajt* ‘(серебряный) рубль’ ← иран.: ав. *šāēta* ‘денеги’ [Munkbcsi 1901: 72; КЭСК: 316].

Интересны названия цветных металлов – компонентов медных сплавов, очевидно отражающие дальнейшее развитие цветной металлургии в эпоху финно-perмскую и финно-волжскую. Прежде всего – одно из немногих, которые могут считаться собственными финно-угорскими инновациями:

– ППерм **ozves'* (> удм. *uzves'*, коми *ozjś*) ‘олово, свинец (с цветовыми обозначениями)’ ~ манс. *ātwēs*, Пел. *oātwēs* ‘свинец’. Видимо, возникший в ходе ареальных

прапермско-мансиjsких контактов композит **ğs-wes'* (со вторым компонентом **wes'* < ПУ **waske*), означавший изначально ‘светлый’ или ‘закаливающий’ металл. Сходство форм этого слова с пермским (древнесетинским по происхождению – см. выше) названием серебра сложилось скорее всего уже в пермских языках, вследствие народной этимологии.

Другие названия цветных металлов обнаруживают широкие параллели в индоевропейских языках:

- мар. *wulno* ~ манс. *ōln* ~ хант. Вас. *olna* ~ венг. *ón*, *ólom* < **wolnz* / **olnz* ‘олово, свинец’ [UEW: 581]. Данное слово может быть заимствованием из индоевропейского языка протобалтского (балто-славянского, центральноевропейского – см. выше о ПФУ **riusn̥z* ‘мука’ и **iče* ‘овца’) ареала, где могла существовать форма **al-n-os* параллельная балт. **al-ug-olis* ‘олово, свинец’ (> ПСл **olvij*: рус. олово ~ лит. *álvas* ‘тж’) < ПИЕ **al-* ‘белый’; аналогичные параллельные образования с расширениями на **-n-* и **-ug-* нередки в балто-славянских языках:ср., например, рус. *пелена* < ПСл **plēna* ~ лит. *plēnē* ‘нежная кожица, кожурка’ – и рус. *плева* < ПСл **plēva* ~ лит. *plēvē* ‘тонкая кожица’ [Напольских 1997а: 123].

- мар. *würyeñe* ‘медь’ ~ ППерм. **ūrgón* ‘медь’ (> удм. *jrgon*, коми *jrgen*). Это слово сопоставляют с осет. *aerxəy* ‘медь’, считая его, таким образом, иранским заимствованием (< среднеиран. **yran(i)-* ‘кровавый (металл)’ или заимствование из кавказских языков: груз. *rk'ina*, лаз. *erkina*, табас. *rugh*, агул. *ruq* ‘железо’) [Munkácsi 1901: 247-248; ИЭСОЯ I: 186; Joki 1962: 151-153; КЭСК: 329]. С другой стороны при этом, однако, не учитывается не менее очевидная балтская параллель: лит. *wārias*, *wāris* ~ прус. *wargien* ‘медь’, хотя это сопоставление известно в индогерманистике очень давно [Schrader 1907: 71-72; Trautmann 1910: 458]. В свете этой параллели имеет смысл с вниманием отнестись к предположению Т. Уотилы о том, что пермское и марийское название меди не связаны друг с другом [Uotila 1930: 170-173], и сопоставлять пермское слово с осетинским (с иранскими или кавказскими истоками), а марийское с балтскими (здесь возможно предположение и о заимствовании из марийского в балтский – имея в виду отсутствие этиологии у балтского названия меди [LEW II: 1200] и принимая гипотезу Т. Уотилы о мар. *würyeñe* как особенно марийской инновации от *wür* ‘кровь’ + суффиксы *-ye-ñe* с первоначальным употреблением в композите типа хант. *vjrti-vox* или эст. *verrev vask* ‘меди’, букв. ‘кровавый металл’ [Uotila 1930: 171].

Названия ‘железа’ в финно-угорских языках представлены модификацией ПУ **waske* (венг. *vas* ‘железо’ и др.) на востоке и германским заимствованием (ф. *rauta* ‘железо’ и т. д.) на западе. В языках от мансиjsкого до мордовского слова для ‘железа’ являются заимствованиями из различных иранских языков, точнее – развитием иранской основы **kārt-* (> ав. *kar^oti* ‘нож’, осет. *kard* ‘нож, сабля’):

- манс. *kēr* < **kīr*;
- удм. *kort* ~ коми *kert* < ППерм. **kört*;
- морд. *kšñi* ~ мар. *kürtño* < **kārt-ni* [Joki 1973: 273; Rédei 1986: 71].

Несмотря на то, что для финно-пермских и даже финно-волжских языков, таким образом, общего названия ‘железа’ реконструировать не представляется возможным, о наличии железа в культуре носителей языков финно-волжской прайзыковой общности могут косвенно свидетельствовать следующие этиологии:

- ф.-п. (мар.-п.) **simz* ‘ржавчина, ржаветь’ [UEW: 758]. Поскольку речь идёт о типичном ареальном марийско-пермском сходении, возводить его к финно-пермскому периоду едва ли стоит, но понятие безусловно древнее;
- ф.-в. (ф.-морд.) **säke* ‘огниво’ [UEW: 771];
- ф.-п. **šēra* ‘оселок, точильный камень’ [UEW: 783-784] – хотя, конечно, использование точильных камней было возможно и в бронзовом веке.

Индоевропейско-финно-угорские контакты финно-волжской эпохи в области социальных отношений и духовной культуры отражены в следующих терминах:

– ф.-в. (ф.-морд.) **ořja* ‘раб’ (← ар.: ав. *airyā-* ‘ариец, арийский’ и т. д.) [Joki 1973: 297]. Речь должна идти о весьма типичном развитии значения ‘иноплеменник, чужак’ > ‘раб’.

– морд. М *pavas*, Э *raz* ‘бог’ ← иран.: ав. *baya-* ‘бог, податель благ’ [Joki 1973: 301];

– морд. Э *pur'giñe* ‘гром’, *pur'giñe paz* – бог грома ← балт.: лит. *Perkūnas* бог грома, то же балтское слово заимствовано в прибалтийско-финский в другом значении: ф. *perkele* ‘чёрт’ [Kalima 1936: 147];

– ф. *taivas* ‘небо’ ← балт.: лит. *diēvas* ‘бог’ [Kalima 1936: 163].

Возможно, что финно-волжское слово для ‘бога’, которое не имеет параллелей в восточных финно-угорских языках, **juma* (> ф. *jumala*, мар. *jumo* и т. д.) [UEW: 638] – также имеет балтское происхождение, ср. лтш. *jumis* ‘двойной колос; полевой дух’.

Сокращения названий языков

Абх. – абхазский, ав. – авестийский, агул. – агульский, арп. – арийский, арм. – армянский, балт. – балтский, вах. – ваханский, венг. – венгерский, герм. – германский, греч. – (древне)греческий, груз. – грузинский, др.-инд. – древнеиндийский, др.-норв. – древненорвежский, индоар. – индоарийский, иран. – иранский, лаз. – лазский, лат. – латинский, лив. – ливский, лит. – литовский, манс. – мансиjsкий (северный по умолчанию, Кон. – Конда, Пел. – Пельм), мар. – марийский (лугово-восточный по умолчанию), морд. – мордовский (М – мокшанский, Э – эрзянский), нем. – немецкий, общесаам. – общесаамский, осет. – осетинский (иранский по умолчанию), п. – пермский, перс. – персидский (новоперсидский), пехл. – пехлеви (среднеперсидский), ПИЕ – праиндоевропейский, ППерм – пра-пермский, пр.-ф. – (пра)прибалтийско-финский, прус. – древнепрусский, ПСл – праславянский, ПУ – прауральский, ПУг – праугорский, ПФУ – прафинно-угорский, рус. – русский, саам. – саамский (Н – норвежский саамский), сельк. – селькупский (тазовско-туруханский по умолчанию), табас. – табасаранский, тох. – тохарский (А – карашарский, восточно-тохарский, В – кучанский, западно-тохарский), удм. – удмуртский, ф. – финский, ф.-в. – финно-волжский, ф.-п. – финно-permский, хант. – хантыйский (ваховский по умолчанию, Тром. – тромьюганский), хот.-сак. – хотано-сакский, шугн. – шугнанский, шум. – шумерский, эст. – эстонский.

Литература

Абаев В.И. 1972. К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов // *Древний Восток и античный мир*. Москва.

Агеева Р. А. 1974. Субстратная гидронимия западной части Калининской области (в границах исторической Деревской пятины) // *Топонимия центральной России / Вопросы географии*. Сборник 94. Москва.

- Альквист А. 1997. Мерянская проблема на фоне многослойности топонимии // *Вопросы языкоznания*. №6. Москва.
- Альквист А. 2000. Меряне, не меряне... (I) // *Вопросы языкоznания*. №2. Москва.
- Альквист А. 2000а. Меряне, не меряне... (II) // *Вопросы языкоznания*. №3. Москва.
- Берецки Г. 1974. Существовала ли праволжская общность финно-угров? // *Acta linguistica Academiae scientiarum Hungaricae*. Т. 24. Budapest.
- Борлукова Н. В. 1997. Удмуртское *sur* ‘пиво’. Терминология пивоварения у финно-угорских народов // *Linguistica uralica*. Т. 33: 1. Tallinn.
- Ванагас А. П. 1977. Максимальный ареал балтской гидронимии и проблема происхождения балтов // *Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов*. Рига.
- Гордеев Ф. И. 1967. Балтийские и иранские заимствования в марийском языке // *Происхождение марийского народа*. Йошкар-Ола.
- Гуя Я. 1974. Прародина финно-угров и разделение финно-угорской этнической общности // *Основы финно-угорского языкоznания*. Т.1. *Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков*. Москва.
- Европеус Д. П. 1874. Об угорском народе, обитавшем в средней и северной России до прибытия туда нынешних жителей. Санкт-Петербург.
- ИЭСОЯ I–V. – Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1-5. Москва-Ленинград, 1958-1995.
- Казанцев Д. Е. 1980. К вопросу о месте и времени проникновения иранских слов в древнемарийский язык // *Вопросы грамматики и лексикологии / Труды Марийского НИИ*. Вып. 47. Йошкар-Ола.
- Казанцев Д. Е. 1985. Формирование диалектов марийского языка. Йошкар-Ола.
- Керт Г. М. 1971. Саамский язык (кильдинский диалект). Ленинград.
- Кнабе Г. С. 1962. Словарные заимствования и этногенез // *Вопросы языкоznания*. №1. Москва.
- Косарев М. Ф., Кузьминых С. В. 2000. К проблеме поисков уральской прародины // *Тверской археологический сборник*. Вып. 4. Тверь.
- Кузнецов С. К. 1910. Русская историческая география. Часть 1. Москва.
- КЭСК – Лыткин В. Е., Гуляев Е. С. Краткий этимологический словарь коми языка. 2-е изд. с доп. Сыктывкар, 1999.
- Лушникова А. В. 1990. Стратификация ирано-уральских языковых контактов. АКД. Москва.
- Матвеев А. К. 1964. О древнем расселении самодийцев по данным топонимики // *Топонимика Востока*. Москва.
- Матвеев А. К. 1964а. Субстратная топонимия Русского Севера // *Вопросы языкоznания*. №2. Москва.
- Матвеев А. К. 1968. О древнейших местах расселения угорских народов (по данным языка) // *Труды Камской археологической экспедиции*. Вып.4 / Учёные записки Пермского университета. Вып.191. Пермь.
- Матвеев А. К. 1968а. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера // *Советское финно-угроведение*. Т. 4, №1. Таллинн.
- Матвеев А. К. 1979. Древнее саамское население на территории Севера Восточно-Европейской равнины // *К истории малых народностей Европейского Севера СССР*. Петрозаводск.
- Матвеев А. К. 1991. К лингвоэтнической идентификации финно-угорской субстратной топонимии // *Uralo-Indogermanica*. Часть 1. Москва.

- Матвеев А. К. 1996. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // *Вопросы языкоznания*. №1. Москва.
- Матвеев А. К. 1998. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // *Вопросы языкоznания*. №5. Москва.
- Матвеев А. К. 2001. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // *Вопросы языкоznания*. №5. Москва.
- Матвеев А. К. 2001а. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть I. Екатеринбург.
- Матвеев А. К. 2004. Субстратная топонимия Русского Севера. Часть II. Екатеринбург.
- Мокшин Н. Ф. 1991. Тайны мордовских имён. Исторический ономастикон мордовского народа. Саранск.
- Муллонен И. 1994. Очерки вепской топонимии. Санкт-Петербург.
- Напольских В. В. 1990. Проблема формирования финноязычного населения Прибалтики (к рассмотрению дилемм финно-угорской предыстории) // *Исследования по этногенезу и древней истории финноязычных народов*. Ред. Л.А. Наговицын. Ижевск.
- Напольских В. В. 1995. Рецензия на книгу: [Муллонен И.И. Очерки вепской топонимии. Санкт-Петербург, 1994] // *Финно-угроведение*. №2. Йошкар-Ола.
- Напольских В. В. 1997. Происхождение субстратных палеоевропейских компонентов в составе западных финно-угров // *Балто-славянские исследования 1988-1996*. Москва.
- Напольских В. В. 1997а. Введение в историческую уралистику. Ижевск.
- Напольских В. В. 2001. “Угро-самодийцы” в Восточной Европе // *Археология, этнография и антропология Евразии*. № 1 (5). Новосибирск.
- Напольских В. В., Энговатова А. В. 2000. Симпозиум «Контакты между носителями индоевропейских и уральских языков в неолите, энеолите и бронзовом веке (7000-1000 гг. до н.э.) в свете лингвистических и археологических данных» (Твярминне, 1999) // *Российская археология*. №4. Москва.
- Напольских В. В. 2006. Балто-славянский языковой компонент в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э. // *Славяноведение*. №2. Москва.
- Откупщиков Ю. В. 2001. *Opera philologica minora* (античная литература, языкоznание). Санкт-Петербург.
- Попов А. И. 1965. Географические названия (введение в топонимику). Москва – Ленинград.
- Поспелов Е. М. 1965. О балтийской гипотезе в северорусской топонимике // *Вопросы языкоznания*. №2. Москва.
- Поспелов Е. М. 1970. Метод географических терминов в анализе субстратной топонимии Севера // *Вопросы географии*. Сборник 81. Москва.
- Сводеш М. 1960. Лексико-статистическое датирование доисторических этнических контактов // *Новое в лингвистике*. Выпуск 1. Москва.
- Седов В. В. 1974. Гидронимические пласти и археологические культуры Центра // *Топонимия центральной России / Вопросы географии*. Сборник 94. Москва.
- Серебренников Б. А. 1955. Волго-Окская топонимика на территории Европейской части СССР // *Вопросы языкоznания*. №6. Москва.
- Серебренников Б. А. 1957. О некоторых следах исчезнувшего индоевропейского языка в центре Европейской части СССР, близкого к балтийским языкам // *Труды Академии наук Литовской ССР. Серия A*. Вып. 1 (2). Вильнюс.

- Серебренников Б. А. 1966. О гидронимических формантах *-ньга*, *-юга*, *-уга* и *-юг* // *Советское финно-угроведение*. Т. 2, №1. Таллинн.
- Смолицкая Г. П. 1974. Картографирование гидронимии Поочья // *Топонимия центральной России / Вопросы географии*. Сборник 94. Москва.
- Старостин С. А. 1989. Сравнительно-историческое языкоизучение и лексикостатистика // *Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока*. Часть 1. Москва.
- Старостин С. А., Бурлак С. А. 2001. Введение в лингвистическую компаративистику. Москва.
- Стеблин-Каменский И. М. 1999. Этимологический словарь ваханского языка. Санкт-Петербург.
- Ткаченко О. Б. 1985. Мерянский язык. Киев.
- Топоров В. Н., Трубачёв О. Н. 1962. Лингвистический анализ топонимов Верхнего Поднепровья. Москва.
- Топоров В. Н. 1972. "Baltica" Подмосковья // *Балто-славянский сборник*. Москва.
- Топоров В. Н. 1977. Балт. **galind-* в этно-лингвистической и ареальной перспективе // *Проблемы этнической истории балтов. Тезисы докладов*. Рига.
- Топоров В. Н. 1989. Балтийский элемент в гидронимии Поочья // *Балто-славянские исследования 1987*. Москва.
- Третьяков П. Н. 1958. Волго-Окская топонимика и вопросы этногенеза финно-угорских народов // *Советская этнография*. №4. Москва.
- Трубе Л. Л. 1966. О балтийских элементах в гидронимии Горьковской области (в связи с определением восточной границы древнего расселения балтийских племён) // *Конференция по топонимике Северо-Западной зоны СССР. Тезисы докладов*. Рига.
- Хайду П. 1985. Уральские языки и народы / Пер. с венг. Е.А. Хелимского. Москва.
- Хелимский Е. А. 1982. Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели (лингвистическая и этногенетическая интерпретация). Москва.
- Хелимский Е. А. 1985. Рецензия на: *Symposium saeculare Societatis Fennou-Ugricae (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne. Vol.185. Helsinki, 1983)* // *Советское финно-угроведение*. Т. 21:4. Таллинн.
- Хелимский Е. А. 2000. Компаративистика, уралистика: лекции и статьи. Москва.
- Хелимский Е. А. 2006. Северо-западная группа финно-угорских языков и её субстратное наследие // *Вопросы ономастики*. №3. Екатеринбург.
- ХЗП – Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. Перевод и примечания В.И. Мутузовой. Москва, 1997.
- Шилов А. Л. 1997. Ареальные связи топонимии Заволочья и географическая терминология заволочской чуди // *Вопросы языкоизучания*. №6. Москва.
- Шилов А. Л. 2001. О мерянских топонимических индикаторах (голос в дискуссии) // *Вопросы языкоизучания*. №6. Москва.
- Ященко А. И. 1974. Языковая принадлежность топонимии и микротопонимии Курской области // *Топонимия Центральной России / Вопросы географии*. Сборник 94. Москва.
- Ahlquist A. 1992. Финно-угорский субстрат в топонимии Ярославского края на материале гидронимных формантов. *Helsingin yliopisto. Lisensiaatintutkimus*.
- Austerlitz R. 1980. Language-family-density in North America and Eurasia // *Ural-altaische Jahrbücher*. Bd. 52. Wiesbaden.
- Blažek V. 1990. New Fenno-Ugric - Indo-Iranian lexical parallels // *Uralo-Indogermanica. Балто-славянские языки и проблема урало-индоевропейских связей. Часть 2*. Москва.
- Būga K. 1958. *Kalbų mokslas bei musų senovė* // *Būga K. Rinktiniai raštai*. T. 1. Vilnius.

- Būga K. 1959. Kalba ir senovė // *Būga K. Rinktiniai raštai*. T. 2. Vilnius.
- Castrén M. A. 1862. Bemerkungen über Sawolotscheskaja Tschud // *Castrén M. A. Nordische Reise und Forschungen*. Bd. 5. Kleinere Schriften. Sankt-Petersburg.
- Collinder B. 1954. Proto-Lappish and Samoyed // *Uppsala universitets Årsskrift*. B.10. Uppsala.
- Décsy Gy. 1965. Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Wiesbaden.
- DEWOS – Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache. Berlin, 1956-1993.
- Genetz A. 1895. Ensi tavun vokaalit suomen, lapin ja mordvan kaksija useampitavuissa sanoissa. Helsinki.
- Häkkinen K. 1984. Wäre es schon an der Zeit, den Stammbaum zu fällen? // *Ural-altaische Jahrbücher. Neue Folge*. Bd. 4. Wiesbaden.
- Harmatta J. 1977. Irániak és finnugorok, irániak és magyarok // *Magyar őstörténeti tanulmányok*. Budapest.
- Itkonen T. 1984. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. Osa 1. Porvoo.
- Jacobsohn H. 1922. Arier und Ugrofinnen. Göttingen.
- Joki A.J. 1962. Finnougrisch im Ossetischen? // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 125. Helsinki.
- Joki A.J. 1973. Uralier und Indogermanen / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 151. Helsinki.
- Kalima J. 1935. Neuere Forschungen über baltisch-finnische und finnisch-slavische Beziehungen. Zu den westfinnischen geographischen Namen in Rußland // *Zeitschrift für slavische Philologie*. Bd. 12:1-2. Leipzig.
- Kalima J. 1936. Itämerensiomalaiset kielten balttilaiset lainasanat. Helsinki.
- Kalima J. 1946. Über die Erforschung russischen Ortsnamen fremden Ursprung // *Sitzungsberichte der Finnischen Akademie der Wissenschaften 1945*. Helsinki.
- Katz H. 1985. Studien zu den älteren indoiranischen Lehnwörter in den uralischen Sprachen. Manuskript der Dissertation. München
- Koivulehto J. 2001. The earliest contacts between Indo-European and Uralic speakers in the light of lexical loans // *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations* / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. T. 242. Helsinki.
- Korhonen M. 1981. Johdatus lapin kielen historiaan. Helsinki.
- Krahe H. 1954. Sprache und Vorzeit. Heidelberg.
- Lehtiranta J. 1986. Zur Verwertung “proto-lappischer” Elemente // *Советское финно-урговедение*. Т. 22:4. Таллинн.
- Lehtiranta J. 1989. Yhteissäamelainen sanasto / *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. T. 200. Helsinki.
- LEW I-II – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1-2. Heidelberg – Göttingen, 1965.
- Munkácsi B. 1901. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. Köt. 1. Magyar szójegyzek. Budapest.
- Napolskikh V. V. 1993. Uralic fish-names and original home // *Ural-altaische Jahrbücher. Neue Folge*. Bd.12. Wiesbaden.
- Napolskikh V.V. 1995. Uralic ‘seven’ // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. Vol. 86. Helsinki.
- Napol'skikh W. W. 1996. Die Vorslaven im unteren Kamagebiet in der Mitte des 1. Jahrtausends unserer Zeitrechnung: Permisches Sprachmaterial // *Finnisch-ugrische Mitteilungen*. Bd. 18/19. Hamburg.

- Napol'skikh V.V. 2001. Tocharisch-uralische Berührungen: Sprache und Archäologie // *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Bd. 242. Helsinki.
- Nyberg H. S. 1974. A manual of Pahlavi. Vol. 2. Glossar. Wiesbaden.
- Pusztay J. 1995. Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische) / *Veröffentlichungen der Societas Uralo-Altaica*. Bd. 43. Wiesbaden.
- Qvigstad J. K. 1945. Dobbelkonsonant i forlyd i lappisk // *Studia septentrionalia*. T. 2. Oslo.
- Raun A. 1956. Über die sogenannte lexicostatistische Methode oder Glottochronologie und ihre Anwendung auf das Finnisch-Ugrische und Türkische // *Ural-altaische Jahrbücher*. Bd. 28. Wiesbaden.
- Ravila P. 1949. Suomen suku ja suomen kansa // *Suomen historian käsikirja*. N.1. Porvoo - Helsinki.
- Rédei K. 1986. Zu den indogermanisch-uralischen Sprachkontakte / *Österreichische Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse. Sitzungsberichte*, 468. Wien.
- Ritter R.-P. 1993. Studien zu den ältesten germanischen Entlehnungen im Ostseefinnischen / *Opiscula fennō-ugrica Gottingensia*. T. 5. Frankfurt am Main.
- Saarikivi J. 2006. Substrata Uralica. Studies on Finno-Ugrian substrate in northern Russian dialects. Helsinki – Tartu.
- Salminen T. 2001. The rise of the Finno-Ugric language Family // *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Bd. 242. Helsinki.
- Sammalahti P. 2001. The Indo-European loan-words in Saami // *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. T. 242. Helsinki.
- Sebestyén I. 1953. Beiträge zum Problem der protolappischen Sprache // *Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae*. T. 3, f. 3-4. Budapest.
- Schmid W. P. 1966. Alteuropa und der Osten im Spiegel der Sprachgeschichte / *Innsbrucker Beiträge zur Kulturwissenschaft*. Bd. 22. Innsbruck.
- Schrader O. 1907. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Jena.
- Schrijver P. 2001. Lost languages in northern Europe // *Early contacts between Uralic and Indo-European: linguistic and archaeological considerations / Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*. Bd. 242. Helsinki.
- Sjögren A. 1861. Die Syrjänen, ein historisch-statistisch-philologischer Versuch // *Sjögren A. Gesammelte Schriften*. Bd. 1. Sankt-Petersburg.
- Sköld T. 1961. Die kriterien der urnordischen Lehwörter im Lappischen. Bd. 1. Uppsala.
- Sutrop U. 2000. From the ‘language family tree’ to the ‘tangled web of languages’ // *Congressus nonus Internationalis Fennō-Ugristarum*. Pars 1. Tartu.
- Taagepera R. 1994. The linguistic distances between Uralic languages // *Linguistica Uralica*. T. 30:3. Tallinn.
- Thomsen V. 1890. Berøringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-leittiske) sprog. København.
- Toivonen Y. 1949. Protolapin ongelmasta // *Suomalaisen Tiedeakatemian esitelmät ja pöytäkirjat 1949*. Helsinki.
- Trautmann R. 1910. Die altpreussischen Sprachdenkmäler. Göttingen.
- UEW – Rédei K. Uralisches etymologisches Wörterbuch. Budapest, 1986-1991.
- Uotila T. E. 1930. Etymologioita // *Virittäjä*. Helsinki.
- Vaba L. 1997. Ostseefinnisches *meri* ‘Meer’ – doch ein baltisches Lehwort // *Finnisch-*

ugrischen Sprachen in Kontakt. Vorträge des Symposiums aus Anlaß des 30-jährigen Bestehens der Finnougristik an der Rijksuniversiteit Groningen 21.-23. November 1996. Maastricht.

Vasmer M. 1932. Beiträge zur historische Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme // *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* Bd. 16. Berlin.

Vasmer M. 1934. Beiträge zur historische Völkerkunde Osteuropas. II. Die ehemalige Ausbreitung der Westfinnen in den heutigen slavischen Landern // *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* Bd. 18. Berlin.

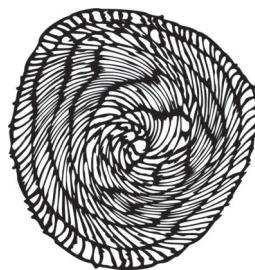
Vasmer M. 1935. Beiträge zur historische Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremissen // *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* Bd. 19. Berlin.

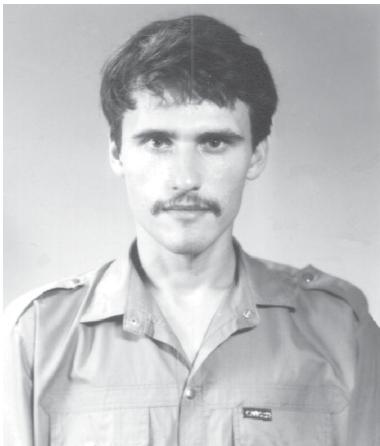
Vasmer M. 1936. Beiträge zur historische Völkerkunde Osteuropas. IV. Die ehemalige Ausbreitung der Lappen und Permier in Nordrußland // *Sitzungsberichte der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse.* Bd. 20. Berlin.

Vasmer M. 1941. Die alten Bevölkerungsverhältnisse Rußlands in Lichte der Sprachforschung // *Vorträge und Schriften der Preußischen Akademie der Wissenschaften.* Heft 5. Berlin.

Viitso T.-R. 1983. Läänenmeresoomlased: maahõive ja varaseimad kontaktid // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* Vol. 185. Helsinki.

Wiklund K. B. 1896. Entwurf einer urlappischen Lautlehre // *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne.* Bd. 1. Helsinki.

Вадим Понарядов

Понарядов Вадим Васильевич родился 22 августа 1973 г. В 1993 г. окончил физико-математический факультет, в 1996 г. — филологический факультет КГПИ. С 1997 г. работает в ИЯЛИ Коми НЦ. Кандидат филологических наук, лингвист, автор ряда статей по сравнительно-историческим реконструкциям сравнительной типологии, истории древнепермской письменности и др.

Проблема датировки распада permского праязыка^{*}

Близость коми и удмуртского языков друг к другу в словаре и грамматике делает происхождение их из общего праязыка вполне очевидным даже без специального лингвистического анализа. Будучи же проведённый такой анализ позволяет реконструировать праязыковую систему в значительных подробностях. Праремская этническая общность, говорившая на этом праязыке, должна была существовать до определённого времени как реальный исторический субъект. Разделение её на отдельные группы, общение между которыми прекратилось в связи с географическом обособлением, послужило причиной распада праязыка на две ветви, на основе которых в дальнейшем сложились современные удмуртский и коми языки.

Однако, на какой территории говорили на пермском праязыке, и когда он распался? В лингвистике разработаны специальные методы решения подобных вопросов. В частности, ответить на них позволяет анализ лексики, заимствованной из других языков, с которыми исследуемые языки могли контактировать в определённое время и на определённых территориях.

В случае с пермскими языками, для использования в этих целях важное значение имеют так называемые булгаризмы. Так принято называть тюркские заимствования характерного «чувашеподобного» облика, обнаруживаемые в значительном количестве как в удмуртском, так и в коми языках. Считается, что этот лексический слой проник в пермские языки в результате контактов с языком волжских булгар — тюркского народа, переселившегося в область слияния рек Волги и Камы из северо-кавказских степей после крушения существовавшего там государства Великая Булгария в середине VII в. н.э. Язык этих булгар изве-

* Доклад, прочитанный на XIV годичной сессии Учёного совета СГУ «Февральские чтения» 15 февраля 1997 г.

стен фрагментарно, но существующих материалов достаточно, чтобы уверенно говорить о его близости чувашскому языку и резком отличии от остальных современных тюркских языков (хотя в древности, как свидетельствуют отдельные тюркские слова в записи византийских авторов, в степях Европы существовали и другие языки, относящиеся к той же «булгарской» ветви).

Факт наличия булгаризмов в коми языке особенно важен, потому что в отличие от удмуртов, продолжающих и сейчас жить рядом с чувашами, коми отделены от последних значительным расстоянием. Между тем, согласно исследованиям И. Вихмана и В. И. Лыткина, около 40 булгаризмов являются в коми и удмуртском языках общими; они связаны теми же регулярными фонетическими соответствиями, которые характерны для общей прайзыковой лексики и, следовательно, были заимствованы в ещё не распавшийся пермский прайзык. Это обстоятельство, безусловно, свидетельствует, что распад прайзыка случился лишь после того, как послуживший источником заимствований язык появился в непосредственном соседстве с местом обитания пермского прарапорода — его прародиной, местонахождение которой, таким образом, определяется, как примерно тождественное современному месту обитания удмуртов, а время распада прайзыка — как VIII—X вв. н.э., когда часть пермского населения, предковая для коми, оторвалась от праремского массива и ушла на север, в бассейн Вычегды и другие места современного обитания [Лыткин 1953; Лыткин 1967].

Этот вывод, в связи с убедительностью положенной в его основу аргументации, поддерживаемый сейчас большинством лингвистов и историков, не пользуется, однако, популярностью в современной коми археологии. В частности, в ряде работ крупнейшего специалиста в этой области Э. А. Савельевой отмечается, что археологические материалы не позволяют говорить о какой-либо крупной миграции из Вятско-Камского региона в бассейн Вычегды во время, указанное В. И. Лыткиным. Подобные переселения были в V—VI вв., но с этнокультурной точки зрения это было не пермское население, а степные скотоводы-кочевники, не оставившие видимых следов в позднейшем этническом ландшафте соответствующих территорий. Таким образом, распад пермского прайзыка и переселение предков коми с юга (если оно вообще было) оказывается нужным датировать ещё более ранним временем — последними веками до н. э. и первыми веками н. э. Более того, специалисты-археологи склонны вообще отрицать факт передвижения предков коми, усматривая для них исключительно местные археологические истоки и, таким образом, говорить об изначально очень широком ареале бытования пермского прайзыка, включающем как бассейны Вятки и Камы, так и бассейн Вычегды [Савельева 1971: 157–176; Савельева, Королев 1990: 27–30].

Разумеется, с точки зрения лингвистики, последний вывод выглядит совершенно неправдоподобным. Редкое древнее население на столь обширной территории никоим образом не могло долго поддерживать единство употребляемого им языка. Пермская прародина — как, в общем-то, и любая прародина любого прайзыка — должна была быть относительно компактной, и сам факт расселения по обширным территориям облигаторно предопределяет распад прайзыковой общности. Кроме того, более южные, чем современное место обитания, истоки коми этноса выявляются и некоторыми независимыми методами —ср., например, недавно предпринятый Е. А. Цыпановым анализ обозначений для «южных» реалий

(яблоко, змея и т.п.), пережиточно сохраняющихся в лексическом фонде коми языка [Цыпанов 2005].

Тем не менее, отсутствие археологических следов предполагаемого переселения предков коми на север в период после появления в Волго-Камье булгар продолжает составлять серьёзную проблему. Возможно, конечно, что в будущем археологи найдут такие следы, и тогда предложенная В.И. Лыткиным датировка времени распада пермского прайзыка триумфально подтвердится. Однако, пока таких следов не найдено, зададимся вопросом: нет ли возможности переинтерпретировать факт наличия общепермских булгаризов таким образом, чтобы результатирующая датировка была в большем соответствии с ныне имеющимися в нашем распоряжении археологическими данными?

Полагаем, такая возможность существует, если мы откажемся от атрибуции источника пермских «булгаризов» как языка исторических булгар — осколков северо-кавказской Великой Булгарии, и предположим, что тюркское население, говорившее на языке, слишком к чувашскому (и, очевидно, предковое непосредственно для чувашей), существовало в Волго-Камье ещё до появления там «настоящих» булгар. В таком случае мы не обязаны датировать отделение предков коми от предков удмуртов временем после этого события: пермские булгаризы могли быть заимствованы от «добулгарского» тюркского населения. Если «доброгородские» предки чувашей появились в Волго-Камье достаточно рано, то и распад пермского прайзыка мог происходить в весьма раннюю эпоху — вплоть до предполагаемого в работах Э.А. Савельевой времени последних веков до н.э.

Однако, чтобы принять высказанное соображение хотя бы как рабочую гипотезу, требуется, как минимум, показать, что оно не вступает в противоречие с тем, что нам известно о древнем тюркском населении Восточной Европы и об этногенезе чувашей. Что интересно — при изучении этого вопроса обнаруживается ряд моментов, которые могут рассматриваться как свидетельства в пользу предложенной нами гипотезы.

Традиционно считается, что тюрки, начальные этапы этногенеза которых связаны с Центральной Азией, впервые появились на территории Восточной Европы в эпоху Великого переселения народов (III–VI вв. н.э.) в составе гуннского племенного союза. Это были как сами гунны (туркоязычие которых, впрочем, устанавливается больше по косвенным соображениям), так и в особенности разнообразные «огурские» племена — *оногуры*, *кутргуры*, *сарагуры* и др., обнаружившиеся на этнической карте Европы как осколки гуннской державы Аттилы после её крушения. Сама их этнонимия, точно соответствующая хорошо известным в позднейших центральноазиатских источниках названиям *он огуз*, *токуз огуз* и *сарыг огуз* [Clauson 1960: 117], представляет ярчайшее свидетельство того, что все эти племена говорили на языках чувашско-булгарского типа, ибо именно для них, и только для них, характерен так называемый ротацизм в соответствии с общетюркским зетацизмом — т.е. регулярная представленность согласного *r* в случаях, когда все остальные тюркские языки демонстрируют наличие согласного *z*. Именно огурские племена были той основой, из которой позже выделились собственно булгары, создавшие северо-кавказскую Великую Булгарию и затем, после её падения, Булгарию Волжскую и Болгарию Дунайскую (причём последняя быстро славянанизировалась).

С «булгароязычием» (т.е. «чувашеподобием») самих булгар, впрочем, совсем не всё ясно. С одной стороны, чувашские черты в сохранившихся на Дунае следах их языка не подлежат сомнению. С другой — традицию называть себя булгарами сохраняют на Волге вовсе не чуваши (язык которых, предположительно, является единственным ныне живым продолжением древнебулгарского), а казанские татары, язык которых (демонстрирующий зетализм и т.п.) генетически вовсе не «булгарский», а вполне общетюркский (в его кыпчакской разновидности). При этом появление общетюркского языка на Волге и Каме не является следствием поздней кыпчакизации, имевшей место в монгольскую эпоху, ибо существуют его письменные памятники, датируемые домонгольским временем. Разумеется, в то же время в том же регионе существуют и памятники языка чувашского типа. Однако это лишь эпитафии, и принадлежность их булгарам ничем, кроме теории о «чувашкости» языка последних, не подкрепляется.

Хуже того: арабские филологи XI–XIV вв., делавшие подробные обзоры современных им языков тюрок, вообще ничего не знают ни о каком языке чувашского типа. Показателен при этом пример чувашского *r* в словах типа *ura* ‘нога’ при общетюркском *айак* ~ *азак* ~ *адак*. Однако Махмуд Кашигарский (XI в.) утверждает, что в языке булгар, так же как кыпчаков, емеков и суваров, в этом случае выступает *з*, в то время как в других тюркских языках — *δ* (у караханидских тюрок) или *й* (у ягма, тухшы, упоминаемых повторно кыпчаков, ябаку, кай, чумулов и огузов). Сходные утверждения имеются у позднейших авторов Абу-Хайяна (который пишет, что булгары произносят в таких случаях *δ*) и Ибн-Муханны (который ничего не говорит непосредственно о булгарах, но считает *δ* характерным для Туркестана в случаях, когда тюрки Ирака произносят *й* или *m*) [Clauson 1957: 40–41].

При этом глottoхронология датирует отделение чувашского языка от остальных тюркских V–III вв. до н.э. Между тем, если бы чувашский язык происходил от языка булгар, то, исходя из возводимости последних в конечном счёте к гуннам, можно было бы ожидать совпадения со временем миграции гуннов из Центральной Азии — II в. н.э. Такое несоответствие убедительно объясняется лишь в случае, если мы предположим, что предки чувашей оторвались от остальных тюрков значительно раньше, чем гунны и происходящие от них булгары. Неизвестно, сколько времени им понадобилось для миграции на современные места обитания, но теоретически предлагаемая глottoхронологией датировка отделения даёт им достаточно времени, чтобы войти в контакт с прaperмянами и передать им лексические «булгаризмы» даже в случае наиболее ранних предложенных археологами датировок распада пермского прайзыка периодом последних веков до н.э.

Наконец, есть ещё один момент, хорошо объясняемый предлагаемой гипотезой. Поскольку булгары до своего переселения на Волгу были типичными кочевниками-скотоводами, закономернымказалось бы заимствование от них пермянами в основном скотоводческой лексики. Однако в реальности она в пермских языках в основном иранского происхождения. Зато основная масса «булгаризмов» — это термины земледелия. Данное обстоятельство необъяснимо, если считать источником заимствования кочевников-булгар, но хорошо согласуется с тем фактом, что в этнографической современности чуваши описываются как «самые ревностные земледельцы» Поволжья. (Характерно при этом, что у казанских

татар, напротив, имеются явные следы скотоводческого прошлого.) Если предки чувашей с самого начала были земледельцами, то заимствование из их языка в праiperмский в основном земледельческой лексики оказывается закономерным.

Таким образом, предложенная гипотеза о нахождении на средней Волге тюркоязычных предков чувашей задолго до появления там булгар позволяет удревнить лингвистическую датировку распада пермского прайзыка, увязав её тем самым с археологической. Заметим, однако, что глоттохронологические подсчёты для самой пермской группы, где общность лексики между коми и удмуртским языками в списке Сводеша достигает 80%, не свидетельствуют в пользу такого удревнения и находятся в лучшем соответствии с традиционной теорией В.И. Лыткина.

ЛИТЕРАТУРА

Лыткин В.И. Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкоznания, 1953, № 5.

Лыткин В.И. О древнетюркских элементах в лексике пермских языков // Вопросы финно-угорского языкоznания. Вып. IV. Ижевск, 1967.

Савельева Э.А. Пермь Вычегодская. М., 1971.

Савельева Э.А., Королев К.С. По следам легендарной чуди. Сыктывкар, 1990.

Цыпанов Е.А. Об исконных «южных» словах в коми языке // Север Евразии: этносоциокультурные и социально-экономические процессы. Сыктывкар, 2005.

Clauson G. The Turkish Y and Related Sounds // Studia Altaica: Festschrift für Nicholas Poppe zum 60 geburstag. Wiesbaden 1957.

Clauson G. Turk, Mongol, Tungus // Asia Major. New Series, Vol. 8, Pt. 1, 1960.

АРТ-ФАКТ

Вениамин Смирнов

*Вениамин Иванович Смирнов.
Художник.
30.08.1937–27.12.1996*

Отрывки из записных книжек^{*}

«В 1964 году состоялась первая зональная выставка «Советский Север». Проходила она в Архангельске. Мы, тогда молодые специалисты, окончившие АХ в Ленинграде, впервые представляли Воркуту на российском уровне. Я участвовал в трёх разделах выставки: скульптура, декоративно-прикладное искусство и графика...

Там же на выставке я впервые встретился с Олегом Константиновичем Комовым¹, и мы потом подружились.

Некоторые из работ, которые участвовали на зональной выставке в Архангельске, потом были показаны на Всероссийской и Всесоюзной выставках.

На этой выставке я познакомился с великолепным человеком Ольгой Порфирьевной Вороновой². Она член двух Союзов: Союза журналистов и Союза художников, как искусствовед была заведующей отделом искусств в газете «Комсомольская правда» и устраивала персональные выставки молодых художников России...

И вот, увидев мои работы, она предложила мне: согласен ли я на персональную выставку в «Комсомолке». Я, конечно, был, как говорится, двумя руками «за».

Она пообещала вызвать меня в Москву телеграммой, как только будет возможность. На том и расстались.

Всё это время мы переписывались. Она мне сообщала московские новости, я писал ей о своих новых работах и дальнейших планах.

* Датируются концом 1994 – началом 1995 гг. Тетради, записные книжки, листочки. Правились автором. (Здесь и далее – примечание составителя.)

И вот настал для меня долгожданный миг: пришел от О.П. вызов из Москвы. Я запаковал в ящик свои работы и отправился поездом в столицу.

Это был апрель–май 19...³ года. У нас в Заполярье было еще холодно, ходили в зимней одежде, мела пурга. И я, соответственно, был одет в шубу. В Москве же в это время стояла жара, было настоящее лето, и я выглядел в своей шубе... как белая ворона. Но это не очень меня, признаюсь, волновало...

Это была командировка от ЦК ВЛКСМ, поэтому впервые я жил в гостинице «Минск», в отдельном номере со всеми удобствами.

Помню, когда я впервые появился в кабинете О.П., один из сотрудников отдела, сидящий за соседним столом, сказал, глядя на меня: «Ну вот и князь Мышикин». У меня было праздничное, радостное настроение. Ведь когда я учился в Академии, нам не разрешалось участвовать в выставках. Так что эти выставки были для меня первыми.

Много позже, когда я приехал в Москву не то на съезд художников, не то на какую-то выставку, я позвонил Лесе, как звали её в редакции «Комсомолки», и она пригласила меня к себе домой.

Я познакомился с её мужем Александром Александровичем Кулешовым, замечательным человеком, он работал в АХ, занимался выставками за рубежом.

И вот утром, когда мы с Лесей мыли посуду, она вдруг сказала:

— Смотри, Вен, какие у меня хорошие когти...

— ?

— Ты не знаешь, и слава Богу, что в сталинских лагерях иголки втыкали под ногти раскалённые. Тогда ноготь уже не вырастает никогда.

Я обомлел, мне стало не по себе. Сказано это было спокойно, просто как факт. Оказывается, Леся была в лагере.

— Оргнабор — 47, — ответила она, когда я спросил её об этом.

На мой вопрос, сколько людей сидело в сталинских лагерях, ответила: «47 миллионов». Я ужаснулся этой нелепой цифре. Тогда о многом и не говорили, замалчивали.

С О.П. Вороновой мы дружили, были близкими по духу людьми, и эту дружбу и самое чистое и добroe чувство к ней, как и к А.А. Кулешову я сохранил до сих пор.

Последняя открытка от Леси была короткой и страшной: «Дорогой Веня, у меня рак желудка. Завтра операция. Леся»⁴.

Так ушёл из жизни замечательный человек, очень необходимый мне, славная Ольга Порfirьевна Воронова. Вечная ей память!

В.Смирнов за работой в мастерской. 1967 г.

Немного позже я получил от А.А. Кулешова каталог работ из собрания подаренных ей, а их было очень много, и авторы работ были все талантливые художники. Там мой 2-метровый батик «Скорбящая». Мне это было очень приятно и ещё то, что А.А., при всей своей занятости, не забыл обо мне.

В 1969 в Голубом зале редакции «Комсомолки», где проходила моя персоналка, ко мне подошёл Алеша Ивкин, сотрудник газеты «Эврика», и сказал, что они хотели бы сделать о моей выставке материал. Я поинтересовался, что у них за газета, т.к. прежде о ней ничего не слышал. Он ответил, что их газета — приложение к «Комсомолке», и, в основном, рассчитана на студенческие стройотряды. Короткое интервью со мной закончилось вопросом, что я хотел бы пожелать стройотрядам, которые будут читать «Эврику». Я ему сказал, что хотел бы ответить на его вопрос заглавием одного из рассказов Сэллинджа:

— Выше стропила, плотники!

Ивкин остался более чем доволен моим ответом.

С этим заголовком, с фотографией моих скульптур вышла статья в «Эврике».

Там же, в Голубом зале, иногда показывали новые кинофильмы. ...Великолепный фильм грузинских авторов «Листопад».

Пока шла моя персоналка, я перезнакомился со многими сотрудниками «Комсомолки». В их числе был Ярослав Голованов, который мне очень понравился. Немного позже мы встретились с ним на квартире у Валерия Тура, московского драматурга, моего хорошего знакомого. Помнится, в тот вечер Тур спросил у меня, не хотел бы я съездить в Переделкино к Ярославу [Александру. Ошибка автора] Галичу. Я, конечно, с радостью согласился. Он тут же позвонил Галичу⁵, тот оказался на месте, и мы договорились о встрече. Но, на моё несчастье, к Валерию (или Вале, как звали его дома) пришли его знакомые, и наша встреча не состоялась. К моему, разумеется, до сих пор великому огорчению.

О.П. Воронова была очень хорошим талантливым искусствоведом. Я могу напомнить такие её книги, как «Владимирские живописцы» (о владимирской школе пейзажа: Ким Бритов⁶, Владимир Юкин⁷... и другие, которых для многих она буквально открыла и не только их одних, великолепная книга о Воловиче⁸ с его иллюстрациями к Шекспиру, о... Мосине и Мише Брусиловском⁹, книга о ненецком художнике и поэте, кто плавал во льдах вместе с Русановым, «президенте Новой Земли» Тыко Вылке).

Конечно же, О.П. писала статьи и о тех художниках, выставки которых она устраивала в «Комсомолке». Так появилась статья обо мне «Север не помеха». Для меня подобные статьи в центральной прессе были, как говорится, золотым запасом.

Перед закрытием моей персональной в «Комсомолке» мне предложили такую же персональную выставку в редакции журнала «Смена». Я согласился.

В «Смене» экспозиционная площадь оказалась значительно меньше, чем в «Комсомолке». Но это меня не очень огорчило. Я развесил свои батики и рисунки в коридоре 6 этажа, где помещалась редакция журнала.

В ходе выставки я понемногу знакомился с сотрудниками редакции журнала. Среди них оказалась Наташа Дмитриева, супруга поэта Олега Дмитриева, обаятельная, милая женщина, и зав. отделом поэзии поэт Александр Богучаров. Кста-

ти, поначалу его фамилия была Морковкин. Псевдоним он взял позже, по совету одного из московских поэтов. Псевдоним этот происходит от его родины, села Богучарово, где он родился.

С А.Богучаровым мы общались каждый день, говорили о многом. И вот однажды в разговоре я проговорился, что пишу стихи.

Он не удивился этому, а просто попросил показать ему стихи. Если мои стихи достойны напечатания в журнале, обещал опубликовать.

На следующий день после нашего разговора я принёс ему рукопись стихов, которую я везде возил с собой, дорабатывая, как мог.

К моему удивлению, прочитав рукопись, А.Богучаров стихи одобрил, сказал, что мне давно надо издаваться и пообещал поставить подборку моих стихов в один из номеров «Смены». Верстались номера журнала, но всё, как говорил А.Богучаров, что-нибудь мешало, и наконец место нашлось в так называемом «сибирском» [выпуске]. Я сказал А.Богучарову, что Воркута в Европе, но он ответил мне, что это несущественно и попросил назвать первый Заполярный город за Уралом. Я назвал Салехард.

— Ну вот, Салехард и оставим. Это не столь важно, были бы стихи подходящие.

Он назвал номер журнала, в котором ожидается мой материал. Это был номер за 1969 год. Как я, Господи, ждал этот номер! И вот я держу его, наконец, в руках. Подборка стихов под рубрикой «Первая встреча с поэтом» с напутственными словами Риммы Казаковой¹⁰ и Николая Старшинова¹¹. Что со мной творилось! Я был счастлив. Такая вот история.

Оказалось, персональной выставкой заинтересовались сотрудники из газеты «Советская культура» и также предложили устроить мою выставку [у] них, в помещении редакции.

Организуя персональную выставку в редакции «Советская культура», я общался с сотрудниками газеты Юрием Бычковым и Олегом Буткевичем, замечательными людьми и талантливыми журналистами. Вообще, думаю, мне везло на хороших людей.

В то время я бродил по Москве, как шальной. Шутка ли, три персональные в столице! Об этом я и не мечтал.

Так что, в родной Ленинград, где жили отец с матерью, а потом в Воркуту я ехал радостный от всех этих событий, нахлынувших на меня нежданно-негаданно.

А ведь началось с... дорогой О.П. Вороновой (Леси). Как мне порой её не хватает в нашей жизни!

Помню, в то время мы с Сашей Белашовым¹² собирались съездить в творческую командировку на Чукотку, даже разработали маршрут. В правлении СХ СССР одобрили нашу затею.

И я как-то в разговоре в редакции «Комсомолки» сказал об этой идее. И что вы думаете? В знак благодарности «Комсомолка» организовала мне такую командировку. Правда, там произошёл один забавный курьёз: Маша Лабузова из ЦК ВЛКСМ вместо Чукотки отправила было меня на Камчатку. Но эту «мелочь» тут же исправили.

И вот, в августе 19⁷³, мы вылетели из Москвы в Чокурдах, что в Якутии. С посадками в Амдерме, Хатанге, мысе Шмидта. Дальше, другим самолётом, на Колыму (Черский) и дальше в Анадырь, б. Провидения и т.д. Наши командировочные удостоверения были подписаны лично начальником КГБ (к сожалению, забыл фамилию этого человека, генерал-лейтенанта).

...В лето 69-го года я на короткий срок улетел в Крым. Там отдыхала моя любимая Марина Кастальская¹⁴. Они с ребятами отдыхали там «дикарями». Взяли палатки, спальные мешки и остановились между Судаком и Новым Светом. Кроме них там никого из «дикарей» не было.

Нам с Мариной ребята выделили отдельную палатку и полуторный спальный мешок, в котором мы спали. Места хватало вполне. Нам с Мариной очень хорошо...

Невдалеке от нашего лагеря, в море, стоял ровный сверху, плоский камень. Однажды мы решили заночевать там. Я вплавь добрался до камня со спальным мешком, и мы с Мариной забрались на ночь в него... Какое это было счастье, не передать: вокруг плескалось море, вверху было только ночное тёмное небо и мы в объятьях друг друга. Такое не забывается.

Вечером мы собирались у костра, пели под гитару песни, балагурили. Вдобавок, каждый день мы ходили в Новый Свет в бывший Воронцовский завод шампанских вин, что находился в скале и к вечеру у нас, как правило, было ведро шампанского, да не какого-нибудь, а самого сухого или брют.

...Однажды мы с Юрий Герштейном, мужем Оли Краминовой, собрались съездить на Ново-Девичье кладбище сфотографировать надгробие Н.С. Хрущёва. Поехали. Юра — великолепный фотограф, т.ч. в определённом смысле это была его работа.

Приехали. Идём среди громадных фигур из полированного гранита — надгробий военноначальников. Среди них кажутся незаметными скромные надгробия Чехову, Есенину и другим славным людям русской земли.

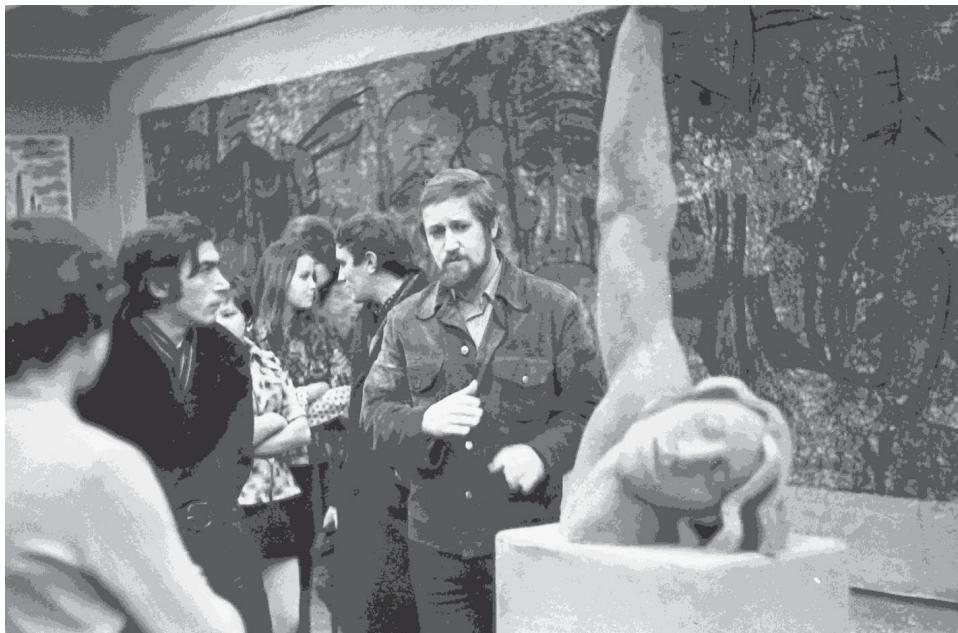
У могилы Хрущёва толпа народу со всех сторон. У подножия памятника, сделанного Э. Неизвестным, цветы в керамических горшках.

Я попросил народ немножко расступиться, чтобы можно было сфотографировать памятник целиком. И вдруг, я вижу, как идут к памятнику двое мужчин. Один ведёт другого под руку, и по тому, как идёт второй, я понял, что он слепой. Слепого его приятель подвёл к памятнику, что-то ему сказал, и тот пошёл вперёд, вытянув вперёд руки, натыкаясь на керамические горшки с цветами. Дойдя до памятника, коснувшись его рукой, он потянулся вверх, к позолоченному бронзовому бюсту Хрущёва. Я глядел на Юру и чуть не кричал: «Снимай, черт тебя побери!». Но Юра, как и все, смотрел на всё происходящее, забыв, что у него на шее висел фотоаппарат.

А слепой дотянулся рукой до бюста Хрущёва, замер на какие-то мгновения и отошёл в сторону к своему приятелю. Они постояли немного, о чём-то поговорили и пошли по дорожке с кладбища.

Как я потом материл Юру Герштейга за то, что он не сделал этот уникальный кадр.

Памятник Н.Хрущёву мы, конечно, сфотографировали, всё сделали, как надо. Но, возвращаясь домой, Юра ругал себя последними словами за свою оплошность.

В.Смирнов на своей первой персональной выставке в Сыктывкаре. 1970-е гг.

По дороге, у дома, мы купили «с горя» бутылку водки и, сидя на кухне, в крайне грустном настроении, чтобы понемногу успокоиться, выпили.

Для Юры это была по-настоящему потеря невосполнимая. И он понимал это.

...Зимой 77-го (а может, 78-го) года я был в творческой группе от СХ РСФСР. Жили мы, как всегда, на Челюскинской, а работали на декоративно-прикладном комбинате (м. ?). Группа, как всегда, была небольшая – 8–10 человек. И, как всегда, работали, как лошади.

Не помню где, скорее всего на посиделках у кого-нибудь из моск. художников, я познакомился с девушкой Леной. Оказалось, она дружна с актёрами из театра на Таганке, вообще, она там «свой человек». Она-то и предложила мне, — чего уж я никак не мог и предположить, — мне очень хотелось посмотреть репертуар этого театра. Да-да, именно репертуар, а не один-два спектакля! Ну надо же! Такое мне и не снилось. Я был очень взволнован и всё не мог поверить, что посмотрю всю знаменитую Таганку, ибо добраться туда было невозможно.

И вот — чего не бывает в жизни? Я стал завсегдатаем Таганки. Я видел «Галилея», «Деревянные кони», «Матушку Кураж», «Пристегните ремни», «Пугачёв» (какой там Высоцкий в р. Хлопушки. Да и весь спектакль!), «Антимиры» и, наконец, «Гамлета». Роль Гамлета исполнена В.Высоцким.

В день спектакля я предложил моей моск. знакомой, скульптору Тане Каленковой¹⁵ (которую я когда-то давно, в 65 г., спасал на Плещеевом озере, она тонула) пойти со мной на Таганку. У меня, мол, билет на 2 лица, так что... Говорить не приходится, как она была рада такой возможности.

Нет нужды описывать все подробности, скажу только, что спектакль в поста-

В.Смирнов. Разорванное сердце.
Памяти В.Высоцкого. 1981 г.

новке Ю.Любимова меня потряс. Это было чудо! Ничего подобного я не видел.

После спектакля, в фойе, несколько успокоившись, я сказал, что должен во что бы то ни стало пройти к Высоцкому, поговорить с ним. Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего. Но я уже направился к служебному входу. Там дежурила женщина, я показал ей удостоверение корреспондента газеты «Заполярье», членский билет члена СХ СССР, сказал свою просьбу и она пропустила меня внутрь. Ну, не чудо ли? Я поднялся на второй этаж, по-моему, в 24 комнату, остановился у двери, чтобы успокоиться. За дверью слышались мужские голоса. Я постучал. Услышав: «Да, да, войдите», — открыл дверь. В.Высоцкий был в одних голубых плавках. В комнате находились ещё два молодых человека. Заметив мою растерянность, Высоцкий улыбнулся и жестом предложил войти. Гримуборная маленькая. Я поздоровался, назвал себя, попросил

его уделить мне буквально минуты две, если можно. Он согласился, сказав: «Пожалуйста. Ну в чём же дело?», — и продолжал переодеваться после спектакля. Молодые люди простились с Высоцким и вышли. Я достал блокнот и ручку.

На письменном столе лежала пачка мятых денег: пятёрки, десятки и пр. банкноты. Я догадался, что эти двое ребят (скорее всего студенты) принесли ему гонорар за выступление. Высоцкий, заметив мой взгляд на стол, подошёл, открыл верхний ящик стола и смахнул туда всю эту кучу денег.

И спросил его: «В.Сем., Вы были в Воркуте?». Он покачал головой:

— Нет, не приходилось.

Я сказал, что воркутинцы очень хотели бы услышать его и увидеть в Воркуте. И спросил В.С., как это лучше сделать. Он ответил, что вызов нужно посыпать на имя директора театра, что вызов должен быть от какого-нибудь крупного завода, объединения или горисполкома, наконец.

Глядя на него вблизи, я заметил в уголках глаз бели. И, вообще, он выглядел очень утомлённым. Высоцкий оделся. Заметив, что он куда-то спешит, я попросил его сказать что-нибудь для воркутинцев. Он протянул руку: «Давайте ваш блокнотик». Я подал ручку и блокнот, развернув чистые листы.

Спросил:

— Воркута на Печоре?

— Ну что Вы, В.С., на Воркуте.

Он усмехнулся с матерком, сказал:

— Век живи, век учись.

И подал мне мой блокнот. Там, косо, в левом верхнем углу листа стояло:

Хотел бы взять билет на ТУ

И в Заполярье, в Воркуту.

В.Высоцкий

Я поблагодарил его и за спектакль, и за этот наш разговор. Мы пожали друг другу руки. И расстались.

В фойе меня ждала Таня Каленкова. Она не поверила, что я только что говорил с Высоцким. Но его автограф доконал и её. «Ну, Веня, ты даёшь», — проговорила она едва слышно, почти шёпотом. И мы вышли из театра.

Потом, возвращаясь в Воркуту, я ликовал, представляя себе, что там будет твориться, какой это будет для всех праздник — приезд В.Высоцкого.

Ну чёрт бы её побрал нашу совместительность! Так и не смогли соответствующие органы сочинить и отпечатать на фирменном бланке заявку на выездные концерты Высоцкого в Воркуте.

Тогда, на Таганке, я думаю, что мог бы договориться о том, чтобы вылепить его портрет. В разговоре, а я очень волновался, это просто вылетело у меня из головы. Теперь я тем более жалею. Я думаю, он бы не отказался. Почему-то я уверен в этом, вспоминая, как мы говорили в его театральной комнате.

Персональная выставка В.Смирнова. Воркута. 1991 г.

И потом! — в 80-м. Как гром среди ясного неба — известие о его смерти. Я тогда был у родителей, в Ленинграде. Ушёл к друзьям-художникам. Двое суток я не был дома.

...Впервые я увидел В.Высоцкого на его концерте в московском химическом институте. Концерт проходил в одной из аудиторий. Народу было, как говорится, яблоку негде упасть. Высоцкий выступал в первом отделении концерта, пел все 40 минут без перерыва. Успех был, как всегда, потрясающий, тем более, что сбравшиеся были, в основном, студентами вузов. Высоцкого принимали очень тепло. Если не ошибаюсь, было это в конце 70-х годов.

...Сегодня видел сон. Летали в небе, светясь, коровы в ночном небе. Потом — храм, для чего-то костёр, и мы по-одному возносимся в небо, растаяв в вышине. Я тоже взлетел, страшно удивившись.

Сначала был день, кончилось всё уже в темноте. Ощущение полета необычайное...

¹ Комов Олег Константинович (1932-1994). Скульптор. Народный художник России. Действительный член Российской Академии художеств, лауреат Государственной премии, профессор.

² Воронова Ольга Порфириевна. Род. в 1924. Умерла ? Искусствовед.

³ Выставка состоялась в 1967 году.

⁴ Открытика сохранилась в архиве Воркутинского межрайонного краеведческого музея.

⁵ Галич Александр Аркадьевич (1918-1977). Поэт, автор песен, драматург.

⁶ Бриттов Ким Николаевич. Живописец. Родился 8 января 1925 г. в пос. Собинка, Владимирской области. Учился в Мстерской профтехшколе (1945-1947) у К.И. Мазина. Участник выставок с 1948. Кавалер Золотой медали Академии художеств России и Золотой Пушкинской медали, Народный художник России.

⁷ Юкин Владимир Яковлевич (1920-2000). Живописец.

⁸ Волович Виталий Михайлович. Род. в 1928 г. График. Живёт и работает в Екатеринбурге.

⁹ В.И. Смирнов учился с ним в Академии художеств.

¹⁰ Казакова Римма Фёдоровна. Род. в 1932 г. Русская поэтесса. Живёт в Москве.

¹¹ Старшинов Николай Константинович (1924-1998). Русский поэт и писатель.

¹² Белашов Александр Михайлович. Род. в 1933. Скульптор. Заслуженный художник РСФСР. Живёт и работает в Москве.

¹³ В 1968 году.

¹⁴ Кастальская Марина Александровна. Род. в 1948. График. Живёт и работает в Москве.

¹⁵ Каленкова Татьяна Ивановна. Род. в 1937 г. Скульптор. Живёт и работает в Москве.

Ольга Орлова

Орлова Ольга Владимировна, заведующая научным отделом Национальной галереи Республики Коми.

«Зачем сжигаю душу я...»

«Художник – это натянутая струна эпохи, звучащая, если даже не тронут пальцами».

«Кто не страдает, тот не видит». *Из рукописей В.Смирнова*

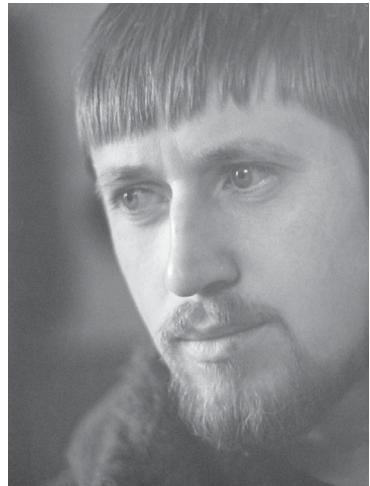
В основе этого биографического этюда о художнике Вениамине Смирнове положены, по преимуществу, дневниковые записи художника, как правило, не опубликованные, которые острее и правдивее помогают понять творчество мастера со счастливо-драматической судьбой.

Вениамин Смирнов — художник и человек ренессансного типа. Скульптура, живопись, графика, декоративно-прикладное искусство, поэзия¹ — всё это есть в его творческом наследии, к сожалению, в большей своей части утраченном². Подвижность пластического языка, восприимчивость, зрелость понимания окружающего и, в то же время, «взгляд ребёнка» — всё это составляло творческую личность В.Смирнова. Вне такой искренности настоящое искусство, как и любовь, не может существовать.

Вениамин Иванович Смирнов родился 30 августа 1937 года в Ленинграде на Выборгской стороне, в рабочей семье. «*Мои родители оставались в Ленинграде и во время блокады — мать³ продолжала работать на заводе, отец воевал на Ленинградском фронте*⁴». В начале Великой Отечественной войны В.Смирнов был вывезен в Ярославскую область, в село Ревятино, где жил у родителей отца. В 1945 году вернулся в Ленинград.

* 24 августа 2007 года в Национальной галерее Республики Коми состоялось открытие выставки Вениамина Смирнова «Пора на крыло!».

Сам Вениамин Смирнов вспоминал, что в детстве мечтал стать лётчиком-испытателем, а рисовал, как все дети. Однако после 8 класса, в 1952 поступил в Ленинградское художественное училище им. В.А. Серова, которое закончил с отличием в 1957. В этом же году, сдав только специальность — скульптуру, композицию, рисунок, — был зачислен в Академию художеств (Институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина). «*Пришёл поздно, абитуриенты сидят по сторонам, центр свободен. Сел. Сбоку натуру рисовать легче, а так или опора на одну ногу не получится, или будет ощущение, что фигура падает. И самое сложное — пальцы ног в фас. На следующий день пришёл смотреть оценки... Вижу, есть одна просто «5». Читаю: «Смирнов!»*⁵.

«Первый семестр окончил на «отлично». Но чувствовал, что леплю не совсем так, как требуют. Но внутренне был уверен, что делаю верно. Во втором семестре конфликты с преподавателем Соколовым⁶ стали явными. «Я не буду тебе подсказывать, показывать. Сам знаешь — сам и делай»⁷. На просмотр приехала комиссия из Москвы, в состав которой входил «представительный Манизер с тростью, у которой был очень крупный набалдашник»⁸. Он «выхватил взглядом мою работу, подошёл, сам покрутил станок:

— Кто?.. Отличная работа».

В.Смирнов сформировался на исходе «хрущёвской оттепели», годы учёбы в Институте пришлись как раз на это время. Это было время новых пристрастий в искусстве, поисков нового художественного языка, когда всё строго академическое было скомпроментировано. Это было время, когда Н.С. Хрущев громил Р.Р. Фалька, Э.И. Неизвестного, П.Ф. Никонова...

Годы учёбы В.Смирнова совпали с увлечением джазом (в архиве сохранилась фотокопия брошюры Дж.С. Уилсона), Н.Рерихом, Р.Гуттузо, Э.Хемингуэем. На молодого Смирнова произвёл огромное впечатление рассказ «Старик и море» с фотографией писателя, «*одетого в свитер толстой, домашней, грубой вязки*». Этот образ стал темой творческой работы третьего курса. «Лепил так: огромные плечи обобщённой формы. Подошло время просмотра.

— А кто это?

— Хемингуэй.

— Какой такой Хемингуэль?

— Американский писатель».

За работу получил двойку.

Учась в Академии, В.Смирнов создаёт ряд станковых работ («Мечта», «Ирина», композицию «Маугли»). На выставках они появились гораздо позднее. «Студентам художественных вузов не позволялось участвовать в выставках, организуемых Союзом художников»⁹.

Во время учёбы, места для прохождения практики и каникул Вениамин Смирнов выбирал экзотические для того, «чтобы набраться впечатлений». Бывал с

археологическими и геологическими партиями в Закавказье (Баку) и Средней Азии (Таджикистан, Бухара), в Сибири и на Дальнем Востоке.

1960-е годы – было временем какого-то всеобщего стихийного движения к свободе, уважению к человеческому достоинству, поворотом к «демократическим ценностям». Не случайно В.Смирнов темой своей дипломной работы выбрал обобщённый образ Человечества, делающего первые шаги к добру, свету. В 1962 г. за гипсовый эскиз к дипломной работе «Радостный», над которой работал год, получил «отлично». Позировал «сотоварщиц по плаванию». Идея обобщённого, философски осмысленного образа, была не понята преподавателем. Почти трёхметровая (2 м 70 см) глиняная фигура «красивого атлетического сложения с цветком в правой руке на уровне плеча» не прошла предварительный просмотр. «В деканате объявили, что работа снята, тема запрещена – формализм и прочее: «Вот если бы это был конкретный человек, идущий к конкретной женщине». Перед самой защитой пришлось сменить тему – фигура спортсмена-молотометеля. В «матвеевщину» не ушел. «Не дали. Взял не очень сложную позу, на руке – перчатка без пальцев и часть рукоятки молота (условно)».

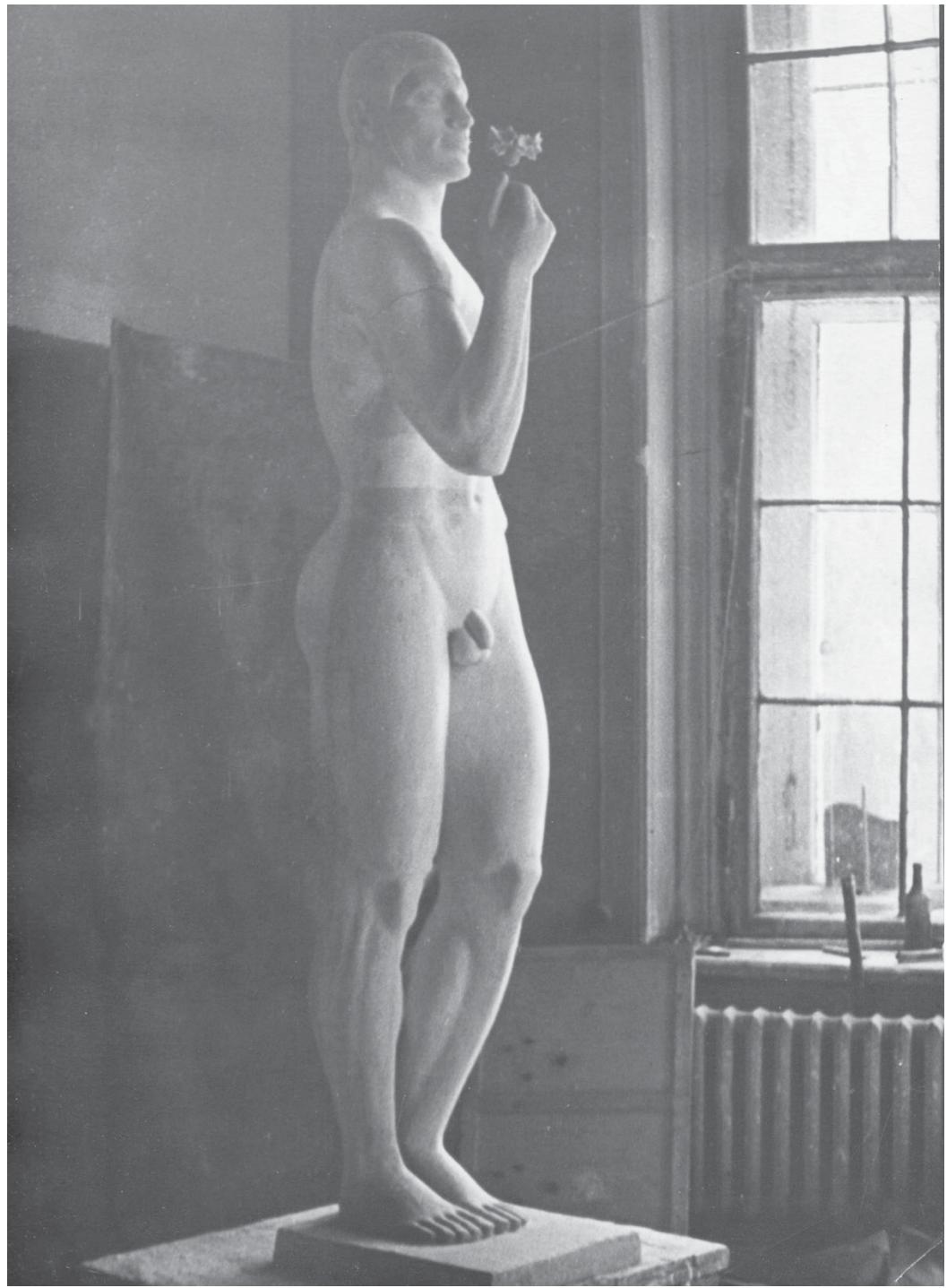
В 1963 г., защитив дипломную работу на тему «Метатель молота»¹⁰ с оценкой

удовлетворительно, получил свободный диплом Института живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина с присвоением квалификации «художник-скульптор»¹¹.

В Воркуту попал по приглашению Рема Николаевича Ермолина, также выпускника Академии художеств, который приехал в Ленинград набирать художников для работы в Коми республике. Согласились ехать в Воркуту четверо: график Анатолий Бухаров¹², живописцы Жора Мороз¹³, Женя Строверайтов¹⁴ и Вениамин Смирнов, позже приехал Виталий Чернозуб. 1 августа 1963 г. В.Смирнов был направлен в Заполярье «в распоряжение Коми отделения художественного фонда РСФСР для работы в должности скульптора». 18 декабря 1963 г. был зачислен в художественные мастерские со сдельной оплатой труда». Квартиры не было, и В.Смирнов поселился в воркутинской гостинице «Север» — «затрапезной, изрядно грязной, с тараканами, ползавшими по стена姆 и прочим...»

В.Смирнов с другом за работой над дипломом «Радостный». 1962 г.

В.Смирнов. «Радостный», 1962 г.

В.Смирнов и Г.Дмитриев с экспедицией в тундре. Конец 1970-х – начало 1980-х гг.

С этого времени вся творческая жизнь В.Смирнова связана с Заполярной Воркутой.

Большое и особое значение для В.Смирнова имели поездки в Дом творчества им. Т.Залькална в Даугавпилс (Латвия). Работа рядом с признанными мастерами из Москвы, Ленинграда, Прибалтики, Армении, непрерывное творческое общение и взаимопроникновение сыграли неоценимую роль в формировании и расширении профессиональных и мировоззренческих установок В.Смирнова как художника.

В Доме творчества были все условия для работы в шамоте. В.Смирнов активно осваивает этот «нескульптурный», как его называли в то время, материал, максимально свободно работая с ним. Художник Александр Мелехин вспоминал: «С глиной он работал очень легко, быстро. Только ручки, ручки, пальчики мелькали. Он буквально колдовал над глиной. Простые самые движения, ничего мэтровского: он сам, станок, а выходило чудо. Не человек, в общем, а песня»¹⁵.

Овладев техникой керамического производства, В.Смирнов создаёт «декоративно-станковые» произведения, естественно соединяя в них выразительные средства разных видов пластических искусств («Кольцо Воркуты», «Синяя ночь», «Сын Севера», «Чёрная пурга», «Женщины Севера»). В конце 1960-х гг. В.Смирнов в творческой группе керамистов в Риге осуществил в шамоте с ангобами ряд панно-стел.

В его творчестве появляется прибалтийский лаконизм, метафоричность, тонкий психологизм. По пластике работы становятся монументальнее. В Коми республике, пока ещё не имевшей собственных традиций объемной пластики, появляется своеобразная точка отсчёта для её развития.

Портреты, выполненные В.Смирновым, крайне обобщёны, наделены какими-то отдельными острохарактерными признаками модели: в одних с абсолютной точностью передана эмоциональная суть модели («Прощай. Портрет Татьяны Вундер», М.А. Зыскин), в других – углублённая сосредоточенность (Георгий Чернов, Лев Воронов), гротесково-заострённая индивидуальность (В.П. Осиний, Э.Э. Танилоо), высокая интеллектуальность (художник К.Н. Бритов, Н.Ф. Суворков), трагизм (узница концлагеря Н.А. Мисурагина, «Соловьи»). Они абсолютно разные по типажу, неоднозначности и интенсивности внутреннего мира. В шамотных портретах В.Смирнов сочетал скульптурную форму с живописным решением поверхности, окрашивая их солями. Цвет, способствующий более объёмному восприятию, В.Смирнов вводил с большим тактом: шамотная масса и цвет составляют в его работах одно целое. В приёмах В.Смирнов, убеждённый приверженец традиционной реалистической пластики. Обнажённость самого пластического хода, динамичная лепка, безусловная художественная честность – всё это составляющие индивидуальной манеры мастера. «*Больше всего меня, пожалуй, интересуют люди. А может, и нет. Не знаю. – Мир как таковой, во всей его целостности. А люди – как часть его. Все мы – время. Отзвук его. Эпохи лики... Служить Человеку!*»

Вениамин Смирнов относится к новому поколению художников-«шестидесятников», драматизм судеб которых известен. Целью их творческих экспериментов было создание такого пластического языка, который представлял бы контраст серости, натуралистичности, бездуховности, ангажированности официального искусства 1950-х. После первых же всесоюзных, всероссийских и зональных выставок работы В.Смирнова были замечены не только зрителями, но и критикой¹⁶.

В 1967 г. скульптор Нина Ильинична Нисс-Гольдман¹⁷ рекомендовала В.Смирнова «как скульптора даровитого и уже проявившего себя в серьёзной творческой работе»¹⁸ для вступления в члены Союза художников РСФСР. В личном деле художника сохранились рекомендации А.Николаева («молодой, талантливый скульптор... проявил себя активным, серьёзным художником»), скульптора Марты Житковой¹⁹, знавшей его с 1965 г. и считавшей его уже тогда «зрелым художником»²⁰ («ищущий, разносторонне одарённый художник». «Мне нравится серия его скульптур – «ненцы», его поиски в текстиле – батики, тонкие и изящные рисунки пера (портреты ненцев)»). 23 апреля 1968 года он стал членом СХ СССР.

Осенью 1968 г. В.Смирнов вместе с художниками Александром Белашовым и Германом Черёмушкиным²¹ выехали в творческую командировку от Союза художников СССР и Главного управления пограничных войск СССР на Чукотку. «Проделав тысячи километров пешком, на собаках, вездеходах, вертолётах, самолётах, вельботах и кораблях... нам удалось наблюдать обычай чукчей и рисовать с натуры экзотических животных, суровые пейзажи края. Мы уча-

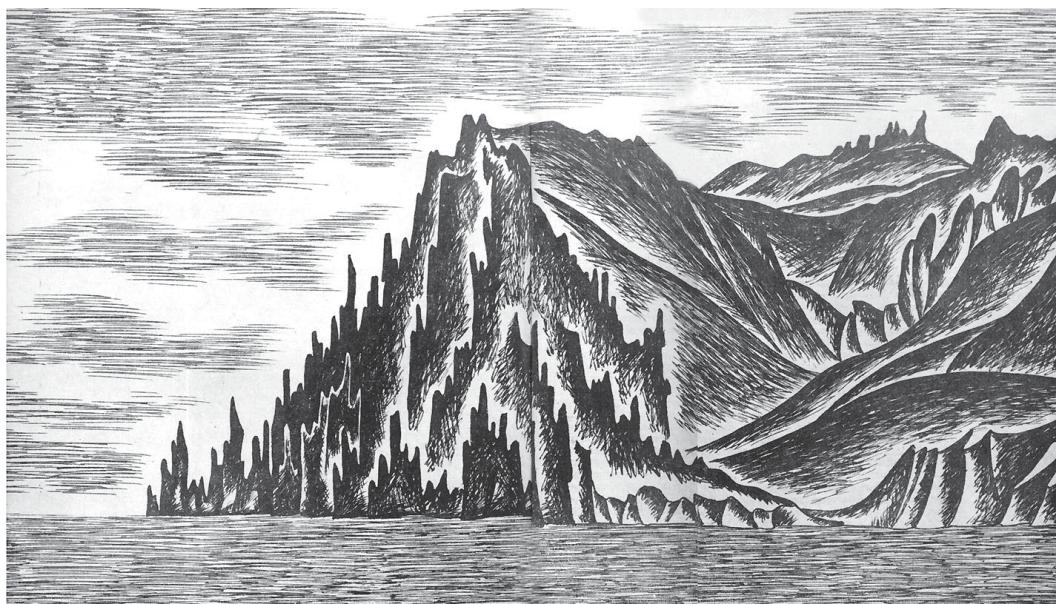
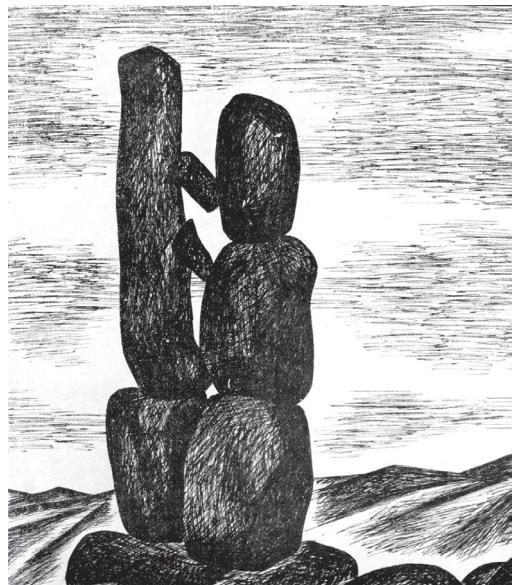

В.Смирнов. 1970-е гг.

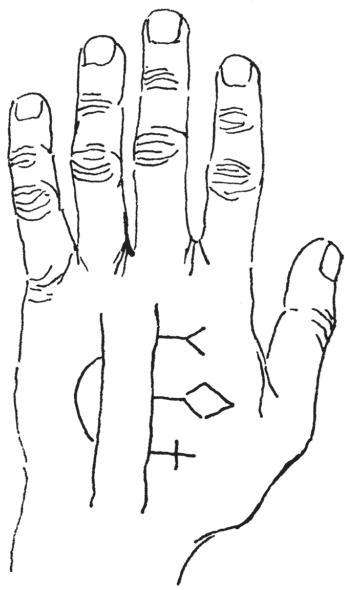
ствовали в охоте на китов и моржей, в отлове оленей, выслеживали зверя вместе со зверобоями, плавали у берегов Аляски. Нам удалось побывать в мало доступных местах Чукотки, мы ночевали в заснеженной тундре, в ярангах и тёплых благоустроенных деревянных домах с паровым отоплением»²². В экспедиции В.Смирнов вёл дневниковые записи (часть из них находится на хранении ВМКМ²³), делал зарисовки, писал стихи. Результаты этого путешествия на протяжении многих лет вдохновляли художника. Гравюры, акварели, рисунки, графические листы из «Чукотской серии», скульптура («Весна», «Тундра»), мно-

В.Смирнов. Иллюстрации к книге «Чукотка». 1968–1973 гг.

В. Смирнов. Иллюстрации к книге «Чукотка». 1968–1973 гг.

гочисленные декоративные пласти и композиции («Отдых оленевода», «Оленевод», «Чукотка», «Чукчанка», «Северянка»), скульптурно-декоративные композиции, созданные после поездки, отличает оригинальная форма, декоративность, монументальность, эпичность, суровость.

В.Смирнов обращается к жгучим международным темам второй мировой войны и узников концлагерей, трагедии Вьетнама («Горящая Земля. Вьетнам»), Чили («Памяти Виктора Хары», «Памяти Альенде»), Хиросимы («Седая Япония»), изыскивая новые формы публицистического воздействия на зрителя. «Горящая Земля. Вьетнам» — три стоящих человеческих торса (как сожжённые, обугленные деревья) с разорванными телами без чрева, без плоти, активно взаимодействующие, создающие и внутри себя, и вокруг сферу активного воздействия. Пространство внутри статуй приобретает ещё одну пластическую форму.

Батики середины 1960-х – начала 1970-х гг. – одна из сильных и интересных сторон творчества В.Смирнова: от небольших камерно-декоративных («Женщина и солнце», «Бабочки и цветы», «Лето», «Птица», «Живое») до огромных, многометровых, многофигурных, с надрывно звучащими темами («Напалм», «Циклон-Б», «Седая Япония» из цикла «Война», «Памяти Юрия Гагарина»). В полотне-картине «Седая Япония», посвящённом жертвам Хиросимы, В.Смирнов смог решить сложную задачу и передать бесконечно-трагичный строй чувств в статичном, неподвижном, застывшем изображении переплетающихся тел-теней-силузтов. Обнажённые фигуры обостряют сцены гибели, беззащитности. Грандиозно-многолюдные композиции в этих полотнах-памятниках («Напалм», «Циклон-Б») воспринимаются как яростный протест против смерти, войны, как памятные монументы-предостережения этим страшным событиям в истории человечества. И этот новый тип политического пафоса-призыва, передающийся и через колористическое решение, в работах В.Смирнова тонок и пронзительно-надрывен. Так непосредственно взятая реальность переросла в батиках В.Смирнова в высокий символ.

Пластическая выразительность впечатляюща и в остальных батиках. «Север» – результат его многочисленных путешествий и наблюдений по Северу. Замкнуто-круговая композиция полотна, развернутая перед зрителем, включает его в созерцание фигур и поз оленеводов, самой немногословной тундры.

Любовь и глубокие познания в истории искусств (этот предмет он знал на «отлично») прослеживаются во многих работах В.Смирнова: будь то Египет («Египетский мотив», стела «Тундра»), Древняя Греция («Одиссей и Сирена», «Икар», «Крылатый кентавр с солнцем»), Восток («Энку»), Древняя Русь («Витязи», «Ладья») или Средневековые («Средневековый мотив»). Художник изучал восточную культуру, его притягивал Восток. Архаическую скульптуру странствующего ху-

дожника-монаха Энку, стремящегося к прекрасному, можно рассматривать как творческий автопортрет скульптора, аккумулирующий в себе «природу творчества» художника – полная отдача себя искусству, поиск своего изобразительного языка.

В произведениях В.Смирнова всегда присутствуют античные понятия гармонии бытия и красоты человеческого тела (батик «Памяти Юрия Гагарина»). В начале 1970-х гг. в творчестве В.Смирнова появляются персонажи, взятые из античной мифологии (Икар, Одиссей, Сирены). Прекрасное обнажённое тело Икара («Падающий Икар», «Икар»). К теме «Икара», появившейся однажды (в 1967), В.Смирнов возвращается неоднократно вплоть до середины 1970-х, воплощая в бронзе, шамоте. По воспоминаниям людей, близко знавших В.Смирнова, Икара он лепил с себя, ассоциируя себя с ним. Конечно, смысл обращений художника к сюжетам мировой мифологии шире интересов злободневности.

Принцип ритмического равновесия и порядка, присущие памятникам египетского искусства, обуславливает строгую красоту стелы «Тундра». Все элементы этой монументальной и предельно лаконичной композиции (орнаментальные ленты росписи с коми орнаментом, врезной рельеф, ритм цвета) соотносятся между собой, образуя единый гармоничный образ. Вечные образы и приёмы архаического творчества (профильность, обобщённость форм, архаичная статика, силуэтность, мерный ритм, композиционные приёмы) помогали философски осмыслить действительность, что делает творчество В.Смирнова глубоко индивидуальным.

1970–1980-е гг., на которые пришёлся творческий взлёт В.Смирнова, стали временем дальнейшего обновления скульптуры, расширения круга тем, образов, жанров, обращения к самым разным материалам. Предметом изображения становятся не только человек, но и пейзаж, природные объекты. Одна из характерных особенностей искусства этого периода – взаимопроникновение и взаимообогащение различных видов пластики. В.Смирнов использует свободный, индивидуальный пластический язык не только в скульптуре, но и в декоративных работах. В.Смирнов находит связи между несопоставимыми, обособленными природными объектами. Это, по словам Генри Мура, являвшегося для В.Смирнова одним из ориентиров в искусстве, соотношение, в первую очередь, «универсальных форм, к восприятию которых каждый подсознательно готов и на ко-

В.Смирнов на своей персональной выставке. Воркута. 1991 г.

Г.Дмитриев с друзьями в мастерской у В.Смирнова.
Воркута. 1980-е гг.

торые способен отреагировать, если его подсознание не заблокировано сознанием», а потом цвета. Произведения скульптора «Эволюция», «Планеты», «Пластины Земли», «Воспоминания о море» превращаются в своего рода аранжировку первозданных природных форм, мастерское обращение с ними.

Творчество В.Смирнова можно рассматривать с точки зрения стилистической и технической. Перемена техники предполагала стилистические изменения. В.Смирнов, как и большинство художников, прошёл в своём творчестве через стадию подражания (влияния не всегда прямые и непосред-

ственное) и к отказу от признанных стилей. Во всём его творчестве ощущается интеллектуальная связь с многовековой традицией мировой художественной культуры, с достижениями выдающихся мастеров (Генри Мур, Джакомо Манцу). В 1970-е гг. возросший интерес к скульптуре малых форм усилил тягу к эксперименту, к разнообразию приёмов, обусловил обращение к бронзе. Как «струнные фигуры» Генри Мура, микромонументальные бронзовые композиции В.Смирнова «Вечер I», «Вечер II», «Джордано Бруно» имеют широкий общечеловеческий человеческий смысл. В малой пластике художник обращается и к такому «аварийному» материалу, как терракота, шамот («После ванны»).

В.Смирнов, пытаясь подойти сам и подвести зрителя к поиску истины, в своих произведениях как бы ведёт со зрителем интеллектуальную игру, полную глубоких значений. Своим творчеством он стремился воссоздать на новом уровне целостную картину мира: рвущимся на части уродливым формам противостоит красота вечных образов и тем.

Творчество В.И. Смирнова чрезвычайно сложное и разветвлённое. Не сохранились его живописные работы. Графика из частных собраний и коллекции Воркутинского межрайонного краеведческого музея немногочисленна. В графике его язык предельно лаконичен, «истинная линия» – результат огромного графического мастерства (серии «Чукотка», около 150 листов; «Усогорские встречи»; портреты друзей).

Манера его рисунка (графика, батик, рисунки на глине, тарелках) отчасти напоминает изображения на античных вазах и отличается ясностью силуэтов, совершенной гармонией. В.Смирнова интересовали разные эстетические каноны, в том числе его увлёк и «свет с Востока». Смутные параллели с китайской пейзажной живописью тушью прослеживаются в «Осеннем пейзаже», выполнен-

ном чёрной акварелью. Бархатисто-чёрный цвет в «чукотских» акварельных портретах придаёт этим суровым образам мягкость.

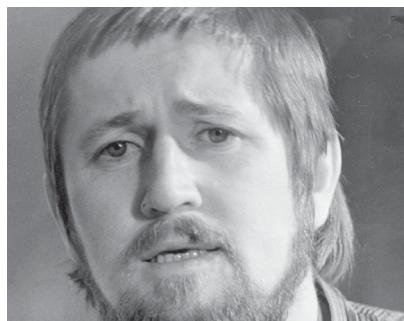
Используя предельно простые средства, В.Смирнов, в первую очередь, старался передать чёткой, округлой линией пластичность обнажённого женского тела, его силу, объём, ритм его движения, не только в графике («Рисунках на глине»).

Влияние сильной индивидуальности В.Смирнова испытывали многие. Между тем собственная судьба художника складывалась трагично.

По воспоминаниям людей, знавших художника, он много говорил о смерти (и в стихах эта тема в 1980-е годы появляется все чаще)... Недописанные стихи, неизданные сборники²⁴, потерянная мастерская и всё это внутри ему хотелось прорвать...

Из письма отца В.И. Смирнову от 6 января 1993 г.: «...прожил ты уже большую половину своей жизни и не научился жить так, как все нормальные люди живут».

Одинокий, измученный... Без друзей, любимой... Без мастерской... Безденежье... Работы на городской свалке... «Рассказывая об этом, художник смотрел глазами больной и сильно побитой собаки»²⁵ ...Наркологическая клиника, психиатрическая лечебница...

*«Вся жизнь – то ль обрыв, то ли круча.
Но вижу сиянье вершин!
Тропа всё опасней и круче,
И рядом со мной – ни души».*

27 декабря 1996 года Вениамин Смирнов умер в Воркуте...

Вестник Сибирь

Нора на крыло!

Друг мой,
нора на крыло нам!
Мы час иные края.
Скафандры с последними поклонами:
— Время настало, земли!

Время час в путь собирается.
Сходит прошлогодние гондолы.
Время проходит и проходит,
и, попрощавшись, мобить —

изданий, где бы ты ни были,
где бы ни находился тебе
под всей изведавшей чадом,
в радости, в горе, в любви,

все эти светлые дали,
трудности долгих дорог,
Север ласкет и предает,
Север, туманен и строг.

В кашдии из час прообразство

Несущий!
Ты — Человек,
и земля, избранный твоим!
Ты — избранник беспричинно избранного.
Ты — бессмертная земля краски и нуды.
Ты — земля прекрасной.
В своих прекрасных
Красотах ты будешь от Бога избранных.
ты — Бог! Ты — Человек,
ты — земля краски,
Любовь

I
...Как ТАКИХ, когда удуша любят...
Как будто раны венчал в группе.
И так — всю любят, терзали и сражали.
А сколько будят были впереди!!!

Да, мне дано колоссальное пребывание
и то, что будет налью, узреть,
как мне дано свободу и несвободу.
Но как мне удобрить своих друзей?

Оставь же, мир, друзья, моих свободных,
не обличай их у мечи, прони, —
тебя мог я принять и чисто сердце блюсти,
нона все в группе своей ножи.

Прости же, мир, что целим отчего,
не легче лице, подать, а гимнами,
за все, что сделан, я за всё отверг,
и что о земи не буду в честь.

— — —

3, 8. 78

Борис

* Рукопись находится на хранении в Воркутинском межрайонном краеведческом музее.

* * *

...Я был один. Я был с друзьями.
 И с умными, и с дураками.
 Не их похмелю потакал –
 Я самого себя искал.
 Я был сто раз судьбою брошен,
 И сам собою огорожен.
 Я был, мечтал, я был унижен,
 Я был неправильно подстрижен,
 Я был уныл, я был, я был,
 Я о себе самом забыл,
 Я никого не предавал,
 Я был талантлив, много знал,
 Любил друзей, имел врагов,
 Бог знает сколько написал стихов,
 Я просто жил на белом свете,
 Я спутал и закаты, и рассветы,
 Сидел, как узник, в одиночестве,
 Сидел и сочинял свои пророчества,
 Утих, восстал, угрюм, неделовит,
 Ни на кого был в жизни не сердит,
 Кроме себя. Виню во всём себя,
 Я, всех людей по-прежнему любя...
 Я был, любил, я был забыт,
 Я был сто тысяч раз убит,
 Я выпил жизнь в один глоток
 Я был, я знаю, вот – что?,
 Я умер и воскрес, живу...

* * *

...Один.
 Один, как перст.
 И не на что надеяться,
 И не на кого больше опереться.
 Летит планета солнечной орбитой.
 Как в мирозданье, – пусто и темно.
 И так же на земле –
 Моеи душе.
 Какая скорбь в моё закралась сердце?
 Страдания других я принял как свои.
 Опять тяжелый гений мой
 Мне не даёт покоя,
 И так – всю жизнь...

Воркута. 23 октября 1980 г.

* * *

...Истерзан дух, я стер, как этот мир.
Но вижу я теперь ясней, чем прежде.
Как создаём мы этот вечный миф,
Себя доверив призрачной надежде?

Вот так и я... Но нет предела мне.
Душа стремиться к высоте и силе,
Чтоб там, на солнцеликой вышине,
Сказать земле вселенское спасибо.

Уже не грозит душе моей смятенье.
Остался миг, ещё один лишь миг,
Остались лишь печаль и вдохновенье,
И наконец во мне покой и мир.

Душе моей, печально одинокой,
Уж не бывать работ былых страстей,
Без стона жизнь свою пройду до срока,
Не ожидая радостных вестей...

Со всем, что было в жизни, попрощаюсь,
Уж полон мыслей и забот иных.

* * *

...Становится всё более мир чужд мне.
Такая на душе печаль...
Слепых фанатиков я вижу пред собой
Герои гибнут, выживают лишь рабы.
Уходят молча в мир иной друзья.
Эпоха боли, видно, наступила.
Но где же возрожденье Человека?..
Мой грустный век творит одно лишь зло.
Я одинок средь этого безумства.
Мне надоело мертвых воскрешать.
О, как душа болит!
И я боюсь: а вдруг и впрямь уйдёт
Прекрасное из мира.

И красота исчезнет.

Что же будет с человеком?!.
О бедная моя любимая земля!
А всё же я верю:
дух сильнее смерти!

* * *

И за что я люблю тебя, Север?
 И зачем я тревожусь, любя?
 Ты так прочно вошёл в моё сердце,
 Что мне просто не жить без тебя.

И о чём твои ветры тоскуют,
 И о чём свои думы поют
 В заполярную ночь, ночь глухую,
 Где вокруг ледяной неуют?

Ведь, наверно, всё это не просто,
 Не случайно тебя полюбил.
 ...Я про осень, про тихую осень,
 Я про милую позабыл.

И теперь меня носит по свету,
 Словно ветер, шальная судьба...
 Ты открай мне, загадочный Север,
 Ну за что полюбил я тебя?

* * *

Словно тысячу раз умираю –
 Я вторую любовь
 В себе убиваю.
 Где песня моя? Лебединая?
 Где ты, любимая?!
 Сердце моё онемело от боли.
 Что с тобой?
 Что случилось с тобою?...

Прощай, моя милая!
 Зелёные рощи, прощайте!
 Белые звёзды, прощайте!
 Птицы ночные, прощайте!
 Прощай, моя милая!
 Травинки весною, прощайте!
 Осенние ветры, прощайте!
 Дожди и туманы, и грозы, прощайте!
 Прощай, моя милая!
 Тебе не воскреснуть.
 Уже – не воскреснуть!
 Рана, открытая рана – весь я.

* * *

Одиночества просит душа, одиночества,
Тех вечерних раздумий, бродя по дорогам лесным,
Задушевной красы предзакатной мне хочется,
Что как память единственной в жизни весны.

Безмятежно принять все земные невзгоды и радости,
Суetu, не держа в откровенною ставшей душе.
Я пройду неспеша под дугу чудо-радуги,
Посмотри на поля, постояв на меже.

И утихает во мне эхо боли, как рана военная,
И родная земля, я уверен, поможет мне вновь
И останется главное, то, навсегда сокровенное,
То нетленное, то, что зовётся «любовь».

* * *

Скажи, дружище, что со мною?
Душе моей всё нет покоя.
И что ночами мне не спится?
И даже милая не снится?
Какую чувствую беду?
Стал сам не свой я, как в бреду...
Тревожно, брат, на свете этом...
Не оттого ль, что мы – поэты?
Куда влечёт нас? Что нас манит?
В какие омуты затянет?..
В душе тревога не проходит...
Вот то со мною происходит?

Друзьям – когда умру

Поговорите обо мне –
Посмейтесь, иль поплачьте,
Иль песню спойте в тишине:
«...госпожа удача...»
Не нужно только суеты
И лживых слов не нужно:
В них не укроешь пустоты,
А пустота – занудна...

¹ В.Смирнов. «Край сердца». Сборник стихов. Сыктывкар. 1981.

² Около 40 произведений сохранил и передал ВМКМ Владимир Владимирович Шаповаленко.

³ Никулина Евдокия Михайловна. Род. 1911 г. Умерла – ? Работала на Ленинградском заводе художественных красок.

⁴ ВМКМ. НВФ. № 3827. Л. 8. Здесь и далее в тексте курсивом выдержки из рукописей В.И. Смирнова.

⁵ Мои «Университеты». Прощая молодость! (Рассказы, записанные Г.Трухиной со слов В.И. Смирнова.) – Республика. 14 января 1999 г.

⁶ Соколов Вадим Николаевич. Род. в 1917 г. Скульптор. Лауреат Государственной премии СССР, доцент.

⁷ Там же.

⁸ Мои «Университеты». Прощая молодость! (Рассказы, записанные Г.Трухиной со слов В.И. Смирнова). – Республика. 14 января 1999 г.

⁹ Архив НГРК. Ф. 2. Оп. 1. Д. 17. Л. 87.

¹⁰ Руководитель дипломной работы профессор Керзин Михаил Аркадьевич.

¹¹ ВМКМ. НВФ. № 3827. Л. 2.

¹² Бухаров Анатолий Павлович (1931–1995). График. Заслуженный деятель искусств Коми АССР. Ухта.

¹³ Мороз Георгий Моисеевич. Род. в 1937 г. Живописец. Санкт-Петербург.

¹⁴ Старовойтов Геннадий Семёнович (1929–2006). Живописец. Сыктывкар.

¹⁵ «Не человек – песня». – Заполярье. 22 января 2001 г.

¹⁶ Смотри дневниковые записи В.И. Смирнова, опубликованные в этом издании.

¹⁷ Нисс-Гольдман Нина Ильинична. Род. в 1893 г. Скульптор. Доцент. Москва.

¹⁸ Архив НГРК. Ф. 2. Оп. 1. Д.17. Л. 21. Копия.

¹⁹ Житкова Марта Дмитриевна. Род. в 1928 г. Скульптор. Москва.

²⁰ Архив НГРК. Ф. 2. Оп. 1. Д.17. ЛЛ. 22-23. Копия.

²¹ Черёмушкин Герман Вячеславович. Род. в 1932. Монументалист. Москва.

²² Белашов А.М., Смирнов В.И., Черёмушкин Г.В. Чукотка. М. 1973. С. 4.

²³ ВМКМ. ОФ-4202/11-12.

²⁴ Сборник В.Смирнова «Пора на крыло!», подготовленный им при жизни, был издан в Сыктывкаре 2007 году.

²⁵ Плешакова О. Уход. – Заполярье. 2007.

с зорством подмеченную художником. Так, в «Натюрморте с петухом» останавливающий после жаркой печи в ожидании гостей каравай хлеба становится свидетелем нешуточного спора петуха с утюгом, а раскалившись до солнечного света утюг в «Золотом утюге» оказался способным перетянуть на свою сторону чайник в общении с чопорным и холодно-бездушным кувшином. Олицетворяя и одухотворяя мир вещей, раскрывая красоту этого мира и интерпретируя её, автор вновь объединяет этическую и эстетическую стороны своего мировосприятия.

Если в жанрах сюжетно-тематической картины, портрета или натюрморта художник достигает образности, опираясь на комплекс своих ощущений, знаний, мыслей, то в пейзаже лейтмотивом становятся различные оттенки авторского настроения. Они могут варьироваться от ощущения захватывающего душу счастья в полноте принятия окружающего мира («Хоздвор. Тёплый вечер») до ностальгии по прошлым воспоминаниям, всплывшим в памяти при новом узнавании уже подзабытого («Зимний пейзаж. Возвращение»). При этом ведущим, как правило, становится то первичное чувство в восприятии мира, которое является для человека сильным и ярким, но в недостаточной степени сконцентрированным, иногда почти неуловимым. Художнику удается остановить на мгновение подобное ощущение, несмотря на мимолётность, и передать его в произведении. Возможно, поэтому среди его работ много этюдов. Сам автор считает, что в этюдах в большей степени отражается глубина мировосприятия художника, именно этюды великих мастеров учат настоящему творчеству. Многие этюды В.Кокачева выполнены во время его творческих поездок. Среди работ, выполненных в «Горячем Ключе» Краснодарского края, – «Последний луч» (1973), «Служащий» (1973). Они написаны темперой: автор нередко предпочитает темперу маслу, в его работах она приобретает яркое, сильное и сочное звучание.

Однако более всего Виталий Кокачев известен как виртуозный мастер акварели. Именно эта грань его творчества в большей степени отражает творческий поиск автора, связанный со стремлением передать тончайшие нюансы в восприятии действительности, первые мимолётные ощущения человека, поражённого красотой окружающего мира. Акварель В.Кокачева на республиканских выставках появилась в начале 1970-х и сразу завоевала признание зрителей и интерес искусствоведов. В ряду ранних работ выделяются «Стога», «Натюрморт с пепельницей» (1972), «Цветы в синей вазе», «Лечебные травы» (1973). Отличительной особенностью произведений является их цветовая насыщенность, построенная на сочетании ярких, контрастных тонов и приближающаяся к декоративности. Вместе с тем и в акварелях приоткрывается завеса над тайной авторского мироощущения, так, в небольшой работе «Дорога на ЛПК. Моросит» (1972) грусть, навеянная дождём, имеет в своём основании и философское принятие конечной временности мира и его пространственной безграничности, переданное в образе дороги.

Есть среди акварельных листов В.Кокачева и реалистические произведения, к ним автор относится как к исполнению должного. Среди них – «Белые ночи» (1978), «Нижний Чов» (1979), «Седое утро. Баньки на Вычегде» (1987) и др. В советские годы, как правило, преобладал так называемый «индустриальный пейзаж», художникам задавались темы пейзажей, которые были связаны с освоением человеком природы, подчинением её своим нуждам. В.Кокачев отдал дань уважения этому жанру, однако для него истинная красота природы заключается в ней самой, в её живом трепете, постоянном самовозрождении, которые человек может и должен наблюдать, черпая из неё свою жизненную энергию. Живительную силу природы автор воспринимает, прежде всего, через её цветовое восприятие. Ему удается воссоздать с помощью колорита «живой» цвет, как будто исходящий от самих бутонов распускающихся на поляне цветов («Праздник цвета»), или весенний ветер, уносящий вдаль аромат цветущих яблонь («Май в саду», 1985), или чувственность человеческой души, просыпающуюся вслед за обновлением природы («Весеннее цветение», 1985).

Наверное, в каждое из произведений В.Кокачева заложено чувство очарования автора окружающим миром, главное для художника – увидеть, понять и передать его красоту,

могущество которой становится очень хрупким рядом с человеком. Прикосновение к природе, к культуре и истории человечества для художника уже есть сам факт осознания красоты мира. Таковы его «Чайки за окном» (1983), запечатлевшие внутреннюю тишину боязьегося вспугнуть прилетевших птиц человека, а также «Вид на домик Чехова» с авторским ощущением благовенния перед человеческим гением. И тогда получается, что хрупкость и чистота – это категории не самого мира, а человеческого его восприятия, которые ещё более усиливаются во взаимоотношениях с другими людьми. В работе «Двое. В тундре» (1981) на первый план выходят чувства человека по отношению к другому человеку, и уже сама природа вторит им, преобразуя бескрайние снежные просторы в удивительное сияние перламутра. Умение работать в сложной бело-серой цветовой гамме, дополнять колорит эмоциональными оттенками ярко выражено в этом произведении и выделяет его среди других работ.

Цветовая гамма произведений В.Кокачева не только стремится к эстетическому совершенству, но и несёт в себе этическое восприятие мира. В ряде произведений особенно значимым становится жёлтый цвет, который необходим художнику для передачи мощнейшей энергии, положительной и созидающей по своей сути. Сам автор в какой-то степени соотносит его с «золотом» икон, с их способностью быть посредниками в общении человека с богом, обращая людей к вере и добру. Не случайно в работе «Зеркало» (1983) жёлтый цвет является доминирующим, передавая преобладание оптимизма и веры в авторском мировосприятии. Введение в композицию ряда работ зеркала («У зеркала») важно для художника не только с точки зрения отражения действительного мира, но и как факт приобщения к внутреннему миру человека. Отражающийся в зеркале букет цветов и мир, формирующий человека посредством своего отражения в нём, – по сути явления одного порядка, в которых шероховатости и изломы приводят к неадекватности. Однако в случае с человеком именно эта неадекватность может стать импульсом к творчеству, выливающемуся в созидание собственного мира.

Нередко в своих произведениях Виталий Васильевич обращается к теме спорта. Эта тема не является чем-то посторонним для художника, она также имеет личностную интерпретацию. В.В. Кокачев – участник многих спортивных соревнований среди инвалидов, как российских, так и международных, имеет золотые и серебряные медали, является неоднократным призёром республиканских соревнований по шахматам. Чувство спортивного азарта, страсти в овладении победой с мобилизацией для этого всех человеческих возможностей неоднократно было испытано самим автором до того, как быть переложенным на бумагу. Именно таково восприятие работы «Велосипедисты», в которой участники действия слились в неразличимое для человеческого глаза скоростное яркое пятно. Удивительно, но и окружающий пейзаж в произведении схвачен не взглядом постороннего наблюдателя, а является мгновенным фрагментом, выхваченным одним из спортсменов. Совсем по-другому в работе «Эхо времени» художник рассказывает о соревновании гребцов. Здесь спортивный азарт отошёл на второй план, а внимание автора привлекло другое – старая крепость, стоящая на берегу. Приобщение к наследию общечеловеческой культуры, уходящему в века и являющемуся связующей нитью для всего человечества, не забвение, но отдаление в человеческой памяти всего прошлого, выражено в произведении своеобразным колоритом, создающим ощущение «припороженности» свето-воздушного пространства.

Деревенская тематика, довольно популярная среди художников Республики Коми, в меньшей степени отражена в творчестве В.Кокачева, уроженца и жителя города. «На ферме» – одно из немногих произведений автора, посвящённое сельскохозяйственному труду. Внимание привлекает эмоциональный, ярко-насыщенный строй полотна, и уже потом взгляд останавливается на отдельных деталях: образах доярок, здании фермы, кипящей работе – подъехавших грузовиках, крану, ведущему строительство. Написанная в годы торжества в искусстве социалистического реализма работа никак не вписывается в его каноны. Создание цветового образа действительности, преобладание индивидуализма авторского видения

доминирует здесь над выделением типичного, характерного, приемлемого для большинства. Ещё один взгляд автора на тему деревни выражен в этюде «Поэзия забытых деревень». Бескрайние просторы лесных массивов, от которых захватывает дух, и раскиданные, но почти затерянные в них коми деревни с потемневшими от времени срубами домов, хранящих в себе тепло человеческой жизни...

Акварельные этюды В.Кокачева часто посвящены передаче какого-либо авторского состояния, которое находится на одной волне с состоянием окружающего мира. Часто присущая в работах внутренняя тишина созерцателя восходит к тишине природы, которую может воспринять и передать чуткий к красоте человек: «Лунная тишина», «Ночь тиха». Но иногда в его произведениях преднамеренно врывается шум. Произведение «Памятник И.А. Куратову» (1979) художник писал, расположившись с этюдником у театра оперы и балета. В композицию работы оказались включенными здание пединститута, улица Коммунистическая, автобусная остановка, вечно спешащие люди. Таким образом, созданная с целью увековечивания памяти о коми поэте скульптура И.А. Куратова (автор памятника – скульптор В.Н. Мамченко) стала вовлечённой в нашу повседневную жизнь. Работа заставляет задуматься о той тонкой нити, которая связывает судьбу и наследие поэта с жизнью наших современников и создаёт пласт культуры народа, без которого невозможно его дальнейшее развитие.

Из работ, выполненных в жанре «ню», – «Обнажённая» (1988). Красота человеческого тела художником воспринимается так же, как и красота букета цветов, без излишней чувственности, с отношением некоторой святости к ней как к творению природы, но и без отрицания её земного происхождения. Допуская возможность сравнения разножанровых произведений, можно соотнести эту работу с натюрмортом «Тюльпаны» (1977). Очевидно, что эстетическое наслаждение, получаемое человеком от созерцания букета живых цветов, является иным, нежели то, которое он испытывает, рассматривая написанный художником с этого букета натюрморт. И несомненно, что существуют такие художественные образы, которые по яркости и глубине ощущения красоты превосходят существующие в реальной действительности оригиналы. Возможно, именно к таким произведениям относится и названный натюрморт, воплотивший в себе неземное буйство красоты букета раскрывшихся тюльпанов.

Если среди акварелей В.Кокачева преобладают натюрморты, то среди натюрмортов – цветы. Каждый из воссозданных художником букетов своеобразен, по-своему красив, несёт в себе эмоциональный заряд определённого настроения: «Солнечные цветы» (1976), «Хрустальный звон», «Натюрморт. Каллы» (1982), «Печаль и нежность» и др. В то же время очарование, создаваемое ими, сочетает в себе как материальную красоту цветов, так и красоту чувства автора, любующегося ими, переданную через художественный образ. Даже обращаясь к теме щедрости и изобилия природы, человеческого радушия и гостеприимства художник включает в композицию произведений букеты цветов: «Натюрморт с красным перцем» (1982), «Изобилие», «Натюрморт с сухим маком». Цветовая гамма этих произведений более насыщена и подчёркивает предметную действительность изображённого.

Есть в творческом багаже Виталия Кокачева и эксклюзивная работа – автолитография «Фигурное катание». Поиски наиболее приемлемых средств выражения своего мироощущения привели художника к технике печатной графики, но её строгость и некоторая «сухость» в выражении чувств не заинтересовали художника в дальнейшей работе. В произведении сохранены авторский стиль и манера письма, однако впоследствии художник не повторил попытку работать в данной технике. Может быть, в наибольшей степени творческое кредо художника отражено в работе «Экспрессия» (1984): стремление уловить всё время ускользающую тайну жизни, которая даёт свежесть и яркость её восприятия, а также возможность выразить в цветовой гамме произведения все оттенки чувств в отношениях человека с окружающим миром.

Вера Морозова

Вера Семёновна Морозова родилась в 1951 году. Театральный критик.

Преподаёт в Колледже культуры. Член Союза театральных деятелей России.

Живёт в г. Сыктывкаре.

Сегодня мы предлагаем вашему вниманию её заметки о театральном фестивале финно-угорских народов в Йошкар-Оле (2006 г.)

Мы интересны друг другу

(«Майатул» – 2006)

С 17 по 26 ноября очередной, шестой по счету, фестиваль театров финно-угорских народов состоялся в Йошкар-Оле. Нашу республику представляли на этот раз кукольный театр из Воркуты во главе с главным его режиссёром А.Алмановым и заместителем директора Т.Любых, режиссёр и заведующая литературной частью Академического театра драмы А.Казакова, а также автор этих строк. Десять дней, насыщенных спектаклями, обсуждениями, встречами с интереснейшими творческими личностями, актёрскими капустниками – пролетели незаметно. По прошествии времени хочется поразмышлять о постановках братских театров, по некоторым из вех проследить творческий «маршрут» коллективов, постараться выяснить уровень финно-угорской драматургии. Задача сложнейшая, но, возможно, сочетание мнений наблюдателей «изнутри» театрального процесса одновременно с мнениями московских критиков помогут прояснить ситуацию. В жюри фестиваля входили московские театральные критики Н.Сорокина и Г.Демин, не раз оценивавшие спектакли «Майатул», а также обозреватель нескольких радиостанций и газет В.Подкладов. Кроме того, в жюри входили представители хозяев фестиваля: историк театра, автор книги о национальных актёрах Н.Кульбаева, культуролог Г.Шкалина и искусствовед В.Кудрявцев. Все прочие высказывались в формате общественного жюри.

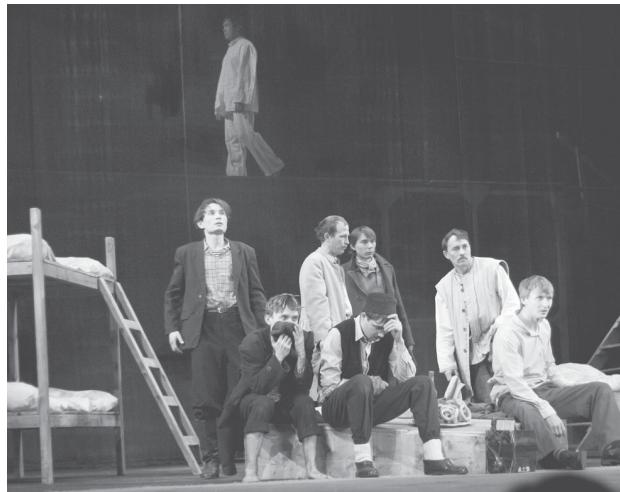
Открывался фестиваль спектаклем марийского Театра юного зрителя по пьесе М.Горького «На дне» в постановке главного режиссёра Олега Иркабаева-Этайна. Не секрет, что в финно-угорских регионах процент русскоязычного зрителя больше, чем марийского. Поэтому, если в репертуар ТЮЗа предлагается произведение, изучаемое по школьной программе литературы, то спектакль рассчитывается на долгий, а значит – двухязычный прокат. К примеру, «На дне» в театре начали играть на русском языке, а позже – в переводе В.Абукаева – на марийском. В случае с «Грозой» – было наоборот. Переход исполнителей с одного языка на другой требует дополнительных репетиций, но дело того стоит. Оказывается, спектакль в результате может обрести «второе дыхание» и дольше не сойдёт с афиш.

* Фотосъёмка сцен из спектаклей произведена Е.Никифоровым (Йошкар-Ола).

Во время фестиваля артисты ТЮЗа играли на марийском языке свою премьеру. Осложнялась она ещё тем обстоятельством, что фестивальная сцена театра им. М.Шкетана была по размерам больше родной площадки, поэтому не вся декорация М.Юзыкайна в неё вместилась, в результате изменились и некоторые мизансцены. Те, кто видел спектакль в ТЮЗе, считают, что спектакль что-то потерял. С другой стороны – возможно, обрёл нечто новое. Может быть – широту обзора, свободу выражения. Впрочем, если говорить о свободе самовыражения, то она проявилась у исполнителей в полной мере лишь во второй части спектакля, что выявило интереснейший зрительский эффект.

Дело в том, что в первом акте персонажи М.Горького в спектакле О.Иркабаева до определённого времени не спешат обозначаться в социальном статусе обитателя городских трущоб. Поначалу проститутка Настя (Л.Андрянова) в своей блузке с воротничком под горлышко и скромной шали выглядит, как курсистка с картин Ярошенко. Бездомный странник Лука (А.Андрянов) в своих чистеньких беленьких одёжках смотрится празднично-лубочным крестьянином. Содержательница ночлежки красавица Василиса (С.Гладышева) в венке из кос и крупными бусами на точёной шее, словно сошла с полотна Кустодиева. Васька Пепел, которого она мечтает прибрать к рукам – в красной атласной рубахе (одного пошива с её платьем, видимо) – кажется небедным и уверенным в себе парнем, который вполне мог позировать Репину. Бубнов (Б.Дмитриев), с тщанием проверяющий свой точный и тонкий инструментарий, носит лихой матросский чуб и тельняшку под тёплой рубахой. Другие герои выглядят хоть и помятыми жизнью, но не в свинском состоянии нынешних бомжей. Кое у кого из них иногда водятся денежки – и они собираются с друзьями в трактир с тем же подъёмом, что иные в ресторан. У всех свои дела, все чем-то интересуются, с подъёмом вспоминают прежнюю жизнь. Вот только Анна (И.Петухова) угасает на своей кровати – и никто не спешит ей хоть чем-то помочь... Никто из них не замечает или старается не замечать окружающей обстановки – того, что сразу же отмечает зритель. Задник спектакля и широкие, косо стоящие две кулисы выкрашены в мрачно-серый цвет с вкраплениями багрового, зелени и фиолета. На его фоне – нары из неокрашенного дерева и посередине – высокий топчан, одновременно служащий хоть постелью, хоть столом, хоть трибуной для откровений героев. В сопоставлении цвета и бесконечной высоты стены возникает образ ровно и отвесно выкопанной ямы для живых ещё людей. Здесь не меняется свет даже во время подъёмов и спусков персонажей по худосочной лестнице: слишком высоко расположена дверь на вольный воздух. Слишком глубоко герои засели здесь. Попали в ловушку жизни. Пропали... После смерти Анны – на глубокой напряжённой паузе – в вышине, за подсвеченным и ставшим прозрачным задником, где-то над головами персонажей совершенно неожиданно возникает женский образ в белых одеждах: он медленно проходит от одной кулисы к другой, будто прощааясь с каждым из героев, и тихо удаляется. Таким же образом пройдёт над всеми Душа покончившего с собой Актёра (И.Актуганов).

Во втором акте спектакля, когда все поминают Анну – герой будто распахиваются друг перед другом, сбрасывают покровы и оказываются теми, кем и считают их там – в выс и

Сцена из спектакля «На дне».

дали оставленной жизни – людьми *дна*: ворами, бандитами, шулерами, сутенёрами. Но при этом не исчезает и некое чувство доверия, которое своим поведением или высказываниями герои вызвали в зрителях во время первого действия. Публика видела с начала постановки безлично-литературные образы, а затем ощущала наличие в них крови и плоти, увидела живых людей, не потерявших окончательно чувства сопереживания и совести. Чтобы это вполне обнаружилось – суждено было погибнуть Актёру. Если *душа* Анны могла кому-то просто почудиться, то *душа* Актёра закрепила представление о существовании какого-то другого, идеального мира, в котором всякий живущий – наособицу, в котором нет места равнодушанию, и существует счёт за каждого.

Музыкальное сопровождение спектакля (В.А. Захаров) нигде не подчеркивает уголовной подкладки сюжета – хоть этим можно было бы дополнительно развлечь публику. Музыка в постановке тяготеет к передаче мотивов бытийных, не бытовых. Жизнь героев суётся, поступки их мелочны, а мощный многоголосный звуковой фон взвывает к чему-то высокому. Во время общих спевок герой иногда взмывает над «дном», но очень быстро снова оказываются в привычной среде обитания. Утешающие беседы Луки так же возносили людей над реальностью, но большинство из них смирилось со своей долей после краха мечты. Большинство – но не Актёр.

О.Иркабаев считает, что людям свойственно избегать трагического в жизни. Тем не менее, театр решился обратить зрителя к трагедии лицом, чтобы человек не привыкал бояться её, чтобы определялся по жизни без страха. Встречая где-то на улице тех, кого зовут бомжами, обычно отводишь стыдливо взгляд, сторонишься их, а между тем за каждым – шлейф прошлой жизни, своя история, которая неотвратимо привела на дно.

Мордовский государственный национальный театр драмы привёз на фестиваль спектакль, составленный из инсценировок рассказов В.Шукшина. Считается, что Василий Макарович – русский писатель, лишь немногие знают, что половинка села Сростки, из которой

происходил Шукшин, называлась по преобразланию переселенцев из других краев «Мордва». Это означает – вполне может быть, что в его родословной окажутся мордовские корни. Во всяком случае, спектакль оказался органически связанным с творчеством известного писателя: он – «свой».

Начинается это народное представление (режиссёр И.Кузьмин) ещё до третьего звонка: по фойе проезжает на велосипеде почтальон (А.Анисимов) и всем желающим вручает конверты (программы к спектаклю). Он связывает своим присутствием все рассказы воедино. Он вместе со всеми жителями – свидетель всего происходящего в селе – будь это установка крыши, приезд столичного гостя и ёрничание по этому поводу, умственные метания совхозного механика по толкованию «Мёртвых душ», семейные скандалы, суд над коварным зятем, богохульство

В.Шукшин наблюдает за жизнью своих героев.

расстриги... Сопричастность односельчан судьбам соседей концентрирует форму спектакля. Но важнее всё же линия, проходящая сквозь сюжеты: убеждённость писателя в наличии мощного творческого потенциала у провинции, неуспокоенное нутро её «чудиков», нравственная чистота и открытость чувств. Сам Василий Макарович постоянно присутствует на подмостках: он глядит с фотографии во весь рост со страницы огромной книги его расска-

зов и улыбается чуть лукаво и довольно – не подводят, мол, такими я их и помню... Другая страница книги-дома составлена из полос вертикальных жалюзи: из её щелей и сходят на сцену герои рассказов, а потом входят обратно – по окончанию представления. И начинается, и заканчивается спектакль под песни группы «Любэ», что задало спектаклю точно выверенный ритм, подвело к замыслу: «От Волги до Енисея...»

В оформлении сцены, таким образом, соседствуют откровенно условные и привычно-реалистические детали: бревно с воткнутым топором, стол с меняющимися с каждым новым рассказом скатертями, телега, груда каких-то запчастей. Отдельного внимания потребовал к себе сортир: его художник (А.Алешкин) разместил в центре композиции, как универсальную и непотопляемую по сей день примету негородского быта. С театрально выразительной пёстротой костюмов героев (Е.Грачева) оформление бежит от натурализма, что отвечает жанру спектакля, который можно было бы обозначить как народное представление с органично присущими ему элементами гротеска. При этом в актёрском исполнении нередки очень точные по психологии поведения и очень трогательные моменты. К примеру, в инсценированном рассказе «Бессовестные» до прозрачности проступают мотивы поведения героев. Им сочувствуешь – и не знаешь, на чью сторону встать. Вдова красного командира должна быть верна до смерти мужу – так велит ей принципиальность, впитанная в пору идейной юности. При этом ей очень хочется человеческого тепла, мужского участия – тем более от друга молодости (В.Гудожников), когда-то в неё влюбленного. А тот ждёт её непосредственного участия в сватовстве к другой. Долг посредницы требует дипломатичности, но живые чувства пересиливают, и, не помня себя, она начинает чуть ли не дрожащим голосом (может, от поруганных чувств, а скорее – от жалости к себе) обличать их в оскорблении общественной нравственности: видано ли – в их возрасте – жениться! А «невеста», которая тоже стесняется сначала необычного для её возраста положения, прячет глаза, свёртывается чуть ли не в шар – потом решает откликнуться на призыв деда улыбкой. Она в момент делает её удивительно молодой, что в конце концов и выведет из себя непо-грешимую в глазах общественности вдову. Больше всех жаль в этой ситуации деда: не разглядел за формальностями поведения чувствительного сердца. Всё в его голове смешалось – но, видимо, теперь, после страстной отповеди праведницы, существующее положение вещей уже не перемениится никогда...

Потрясающе изобретательно проводит сцену «разоблачения» сбежавшего от деревенских трудностей односельчанина артист Д.Мишечкин в роли Глеба Капустина. Народ сбежался как обычно: потеха назревает! Ему (народу) даже не столь важно, чтобы выиграл именно Глеб: главный манок – сам процесс спора! Чувствуя на себе одобрительное зрительское внимание, Глеб шаманит, кричит петухом, прыгает обезьяной, всех окружающих вовлекает то в импровизированный оркестр ложкарей, то в сочинённый на ходу «танец планет» – когда вручает сельчанину, обозначающему Марс, вилы, играющего Венеру – бюстгалтер, Луну – серп... В общем, «срезает» он в споре перебежчика напрочь! Тот и не знает, как дальше вести себя – с одной стороны, логики в действиях Глеба нет и в помине, но вот страсть обличения, ораторский артистизм – покоряют.

Удивительно современно прозвучал рассказ «Забуксовал». В нём тракторист Роман Звягин (Т.Чудаев), которого «заклинило» на отрывке из «Мёртвых душ», пока его сын учил уроки, – не может оторваться от мысли, что народ по-крупному обманывается: мчится Россия вперёд подобно птице-тройке, а правит тройкой мошенник! И ведь главное – долго считаешь, что едешь правильно и живёшь правильно – а потом оказывается: дудки! И сколь же долго этому продолжаться... Школьный учитель (Н.Чепанов), пытаясь спустить его мысль из заоблачных далей в привычное для него хрестоматийное русло, приводит Роману всяческие доводы, обходя его при этом со всех сторон, подобно спортсмену в сеансе борьбы, который должен нащупать слабые стороны противника; подобно врачу он пытается прояснить душевное здоровье бывшего ученика, но, похоже, вцепился тот в классика надолго и «отайдёт» нескоро.

Кульминацией представления становится суд над зятем, укравшим у государства машину дров. Деревенский люд рассаживается в зрительном зале, пока на сцене вершится правосудие, всячески выказывая при этом подсудимому своё положительное отношение: все понимают, что его засудят, а таких всегда жалко. Когда объявляется приговор с условным сроком, – ликование народа нет конца: а бывает же и на земле праведный суд!

К сожалению, последний в серии рассказов – «Верую», что называется, выпал из общей обоймы. Критик Н.С. Сорокина прозорливо заметила, что проблемы, поднятые в нем Шукшиным, настолько серьёзны, а высказывания его героев столь противоречивы, что, возможно, сам постановщик ещё не определился точно, чью сторону принять. Поэтому добротная в техническом отношении игра артистов (Т.Чудаев, Н.Ямашкин) не убеждает в целом. Умом зритель понимает: в жизнь земную верует бывший поп больше, чем в жизнь загробную – так в тексте Шукшина сказано – но до художественно убедительного обобщения сцена не поднимается. Играя богатыря в почти балаганном ключе, артист низводит до анекдота и уровень проблематики.

Столь же неубедительно исполнена была роль в амплуа *травести*. Похоже, что сегодня женщины в роли мальчика зрители просто перестали доверять: теперь в профессиональном театре проблематичным становится использование сюжетов с участием подростков, если при нём нет какой-либо театральной студии. К слову, во время фестиваля проводился и семинар драматургов финно-угорских регионов. Одну из пьес, к которой очень благосклонно отнеслось жюри, написала мордовский драматург Валентина Мишанина – «Девочка из племени перепёлки». В ней рассказывается трогательная история девочки-подростка, которая мечтает о том, чтобы в семью вернулся отец. В пьесе участвуют ещё одна девочка и мальчик – одноклассники главной героини. К сожалению, с подобным раскладом ролей пьесе трудно будет попасть на профессиональные сценические подмостки, хотя актуальность проблематики пьесы очевидна, как и интригующе выстроенный сюжет и убедительные характеры.

Во время пятого фестиваля в 2004 году театр из Мордовии представлял спектакль на основе национального эпоса «Тюштя», который запомнился красивым пением и... однообразно-плоскостным решением фольклорного содержания. Постановка нынешнего года разительно отличается от предыдущей. В ней есть любопытнейшие характеры, интересная форма, жанровая определённость, подтверждающаяся в актёрском исполнении и в оформлении. Она – живая.

Театр из Воркуты заявил в афише «Майатул» спектакль по мотивам коми-пермяцкого эпоса «Тайна Хэсте» (автор пьесы А.Клейн), но по причине болезни исполнителя спектакль был заменён. Артисты продемонстрировали в новой интерпретации сказку со злоключениями Зайца, про то, как его обманула хитрая Лиса, но потом выручил справедливый и храбрый Петух. В заглавии пьесы названы имена героев сказки, но постановочное решение В.Афанасьева, скорее, предполагает другое название. К примеру – «Фокусник и клоунесса». Именно они, а не сказочные персонажи – главные герои спектакля. Грустный фокусник (А.Алманов) пытается показать детям кукольный спектакль, но манипуляции с атрибутами этого спектакля постоянно его задерживают. Случившаяся рядом весёлая и энергичная клоунесса вызывается ему помочь. Они достают кукол и, играя ими, совместными усилиями организовывают постановку с ледяным и лубяным домиками. При этом они часто обращаются за какой-либо помощью к зрителям – и те с удовольствием с ними общаются. Публика ни на минуту не отвлекается от происходящего на сцене. Возможно, именно это обстоятельство – важнейший итог спектакля. Другое дело, что идея сказки оказывается за пределами постановки, будучи отведённой на второй план. Сочувствия к Зайцу дети не успевают проявить, восхититься Петухом – тоже. В конце концов, фокусник с клоунессой должны были стать лишь одним из приёмов спектакля. Подобным же приёмом можно решать и другие кукольные сюжеты. Но если «взрослые» персонажи при

этом от кукол возьмут на себя львиную долю внимания, тогда, можно предположить, и другие по внутреннему сюжету спектакли по главной мысли будут одинаковыми.

Можно отметить, что воркутинские артисты, – или из-за понятного волнения или из-за того, что не знали точного уровня акустики зала Марийского театра кукол при наличии публики, – невольно форсировали голоса, и характер спектакля некоторым образом сбивался к агрессивному. Но в целом было понятно, что дебютантам фестиваля «Майатул» очень хочется запомниться маленьким зрителям. Так и случилось.

Хочется поделиться своим восхищением от посещения Марийского театра кукол: огромное здание театра с запоминающимися формами, прекрасным уютным зрительным залом, просторным двухэтажным фойе, в котором нашлось место маленькому фонтанчику с Дюймовочкой и влюбленно взирающим на неё сыночком Жабы, витринам с куклами и многочисленными фотографиями, художественной выставке, а на подиуме с буфетом и столиками поместились стена с несколькими аквариумами. На лестничной площадке дети с удовольствием фотографируются рядом с громадными фигурами крокодила Гены и Чебурашки.

Перед началом каждого спектакля со зрителями разговаривает педагог, не устающий повторять правила поведения во время просмотра. С одной стороны, это успокаивает потенциально беспокойную аудиторию, с другой – учит культуре восприятия.

Тепло встретила публика гостей из Венгрии, выступавших с народными песнями: обаятельнейших Ильдиго Бардоси, обладательницы прекрасного голоса, и скрипача Миклоша Молнара. Они очень гармонично дополняли друг друга – два улыбчивых человека, влюбленных друг в друга и в народную музыку. Среди зрителей присутствовал первый секретарь посольства Венгрии г-н Иван Хорват. По отзывам венгерских гостей, Йошкар-Ола – это центр объединения финно-угорских театров с прекрасной организацией фестивального процесса.

Ильдиго Бардоси и Миклош Молнар из Венгрии.

Видеоверсии своих спектаклей, поставленных не на сцене, а на фоне природного ландшафта, привезла на фестиваль режиссёр из Эстонии Анне Тюрнпу. В одном случае она поставила инсценированный отрывок из «Калевалы» про красавца-воина Лемминкяйнена, в другом – пьесу полузабытого даже на своей родине автора, творившего в 20–30-е годы ушедшего века Р. Реймана – «Кузнец-ворожей и незнакомые». О подобных проектах студенты, изучающие историю театра, узнают по учебникам, освещющим творчество англичанина Петера Брука, который со своей интернациональной труппой ставит театральные эксперименты на фоне песков, скал, озёр... Анне Тюрнпу продолжает и по-своему развивает его опыты вместе с Евой Клеметс и своим учителем Яном Тоомингом.

Впечатления даже от видеосъёмок – грандиозные: задником служит натуральный лес, между площадкой-сценой (специально выстроенной художником Л. Тепанд) на поляне и зрительскими местами на траве – болотистая полоса. Повсюду расставлены шесты-факелы (художник по свету А. Эрас). Музыкальное сопровождение производится народными инструментами с преобладанием разнообразных ударных. В таких случаях особое значение приобретает голосо-речевая подготовка актёров. Сама Анне – преподаватель театрального училища и работает со студентами по особой технологии, которая вбирает в себя гим-

настику югов и другие системы. Её актёры имеют сильные голоса необычайно глубокого тембра – их великолепно слышно даже на фоне природных шумов.

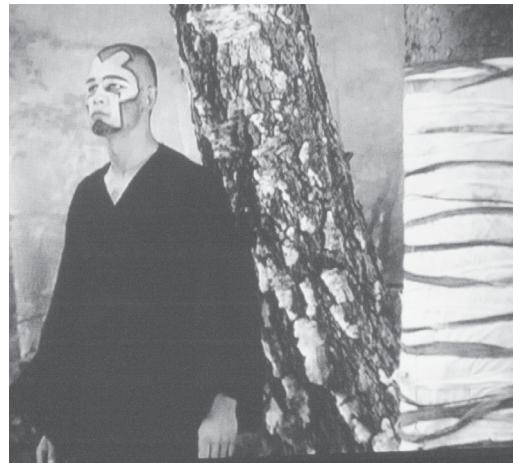
Естественно, речь идёт не о простом перенесении обычного спектакля в ландшафт. Сюжеты спектаклей, трактовка их, характеры героев – всё предполагает органичное включение в космогонические объёмы и многоголосие. Несмотря на очевидную режиссёрскую заданность постановки, – исполнители являются неотделимой частью природного пространства, представляются вышедшими из её глубин, рождёнными ею.

Сначала зрители «своим ходом», т.е. пешком минут 40 добираются до места представления. Это важно для постановщиков: таким образом зрители отрещаются от своих общих проблем, постепенно включаются в атмосферу предстоящего спектакля. В это же время по обеим сторонам дороги, у берега реки, на лугу, в чащобе кустов размещаются герои будущего спектакля про ворожея-кузнеца. Пластические группы больше интригуют, чем дают исчерпывающие характеристики. Но появившаяся затем сцена – из двух площадок – сразу обнажает противоборство между жителями деревни и кузнецом с необычайными знахарскими способностями. Назревает конфликт, разворачивается борьба и проливается кровь, причём кровопролитие только обозначается, но необыкновенно эффектным театральным способом: краской обливается стеклянная плоскость меж деревьями.

Очень лаконичными, монтажными средствами с использованием символических образов показана история Лемминкайнена, которого Анне со своими исполнителями трактует как обаятельного и красивого негодяя, приходящего в чужие земли, как в свои, и проявляющего себя завоевателем. И если в контексте «Калевалы» разрублённого на куски героя мать молитвами и заговорами оживляет, эстонский театр в своём рассказе останавливается на том месте, где она в отчаянии прижимает к себе останки сына и с плачем уходит в глубь леса...

Оба спектакля вызывают эмоциональнейший отклик зрителей.

Театр Карелии привёз спектакль на финском языке под необычным названием – «Есть ли тигры в Конго?» по пьесе шведов Бенгта Олфорса и Юхана Баргума. Режиссёр В. Михельсон признался, что пьесу с публицистической основой он ставит впервые. Ему было интересно, справится ли он с ней при существующем мифе о том, что профессионал может поставить даже телефонную книгу. Проблема, которая рассматривается авторами – СПИД. Двум литераторам (их играют А. Куйка и Я. Тохканен) заказывают комедию о ВИЧ-инфицированных героях. Почему комедию? Потому что следует показать, как страх заразиться может принять истерические формы, а смех – кратчайший путь к пониманию любых проблем. Чтобы в срок выполнить заказ, они начинают экстраполировать ситуацию на себя, апеллируя к фактам личной жизни друг друга, фантазируя на их основе. Поначалу они просто перебрасываются шутливыми репликами, комикуют, даже примеряют клоунские костюмы (художник по костюмам В. Сидорова) – и таким образом достаточно активно погружаются в проблему. Далее всё оказывается сложнее. Привычная самоирония, «подкалывания» друг друга вскоре напрочь их оставляют. Напряжение растёт, ситуация взвинчивается: проблема «забирает» целиком. В какой-то момент она просто заставляет их «танцевать под свою дуду»: партнёры закружатся в безумном танго (муз. оформление – И. Субботин,

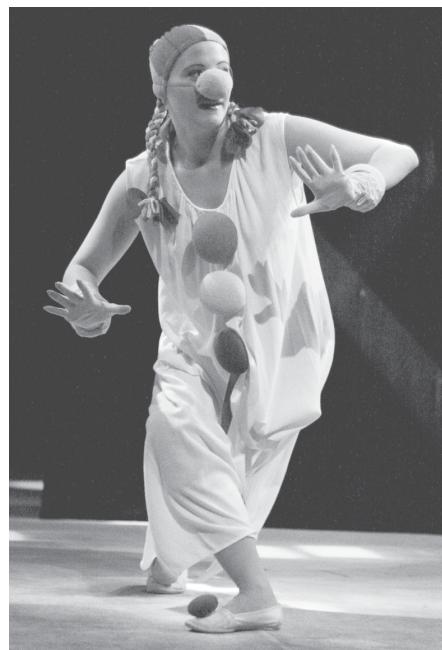
Сцена из спектакля А. Тюрнпу «Кузнец-ворожей...».

танцы – Р.Калинкина). Этим чрезвычайно интересным зрелищным приёмом режиссёр убеждает: друзья уже не могут бросить предложенную им тему, безразлично отойти от неё в сторону. Исполнение танго изматывает их, они утирают пот со лба, пытаются убежать из «танцзала», но музыка своими тревожными завихрениями снова и снова призывает к работе, заставляет выполнять положенные «па».

Владимир Михельсон ввёл в постановку третий персонаж – Женщину, которая в случае с одним партнёром инфицирует его, а в случае с другим – оказывается в трагической ситуации: заразивший её остаётся практически здоровым, а ей предстоит погибнуть. Роль эта виртуальная по постановочному замыслу. Женщина (Р.Уймонен) проявляет себя так, будто она существует лишь в фантазиях авторов будущей комедии: когда она нужна – её вызывают, не нужна – уводят в глубь сцены, на ступени (по которым и сами они ступают – то вверх, то вниз). Тем страшнее финал её роли: игрушка в руках судьбы, красавица в лапах безжалостного чудища. Комок подступает к горлу, когда наблюдаешь: она в белом больничном одеянии, рядом с ней – пришедший навестить её герой – в защитном плаще, высоких ботах, с противогазом, укрывающим лицо. И с розой в руках!.. Кроваво-красный занавес отрезает её от авансцены – мира, в котором останутся здоровые. Останется и роза – Женщина не примет её.

По поводу спектакля во время обсуждения началась своеобразная полемика. Когда критики отметили заказной характер постановки, имея ввиду грантовую её основу, то публика принялась постановку защищать: один молодой человек демонстративно покинул зал, а взволнованная школьная учительница принялась благодарить карельский коллектив. Жанр интеллектуальной клоунады, который продемонстрировал В.Михельсон, непривычен на профессиональных подмостках, но зритель готов его принять. В данном случае постановка выразительно проиллюстрировала теорию эпического театра Б.Брехта с его положениями об *отчуждении* исполнителя от роли, отказом от перевоплощения, с содержанием пьесы как поводом к общественному расслоению во мнениях. Не создавая привычной настроенно-эмоциональной атмосферы на сцене, жанр этот побуждает к активнейшей работе мысли.

И ещё одну постановку на финском языке увидела мариийская публика: антреприза дуэт «Маари и Илари» представила проект «Финские искатели приключений», в котором с помощью мультимедиа, музыкально-вокального сопровождения, театрализованных диалогов и монологов рассказала о трёх героях, финских исследователях-путешественниках. Рассказ этот своей документальной основой и просветительским характером был ценен более, нежели художественными достоинствами. Публика отметила необычайную музыкальность исполнительницы, её прекрасные голосовые данные, но она держалась, что называется, в тени, всячески выдвигая на первый план партнёра по сцене. А партнёру, к сожалению, просто не хватило природной актёрской энергетики, чтобы драматическим исполнением удержать внимание зрителя. К тому же, само композиционное построение представления нуждалось в большей логической упорядоченности.

Сцена из спектакля
«Есть ли тигры в Конго?»

Поскольку девизом нынешнего фестиваля стала формула – от Софокла до Вампилова – классика в афише «Майатул» превалировала. Удмуртский театр показал в Йошкар-Оле два станичных водевиля в переводе Ф.Суворова – «Дочь русского актёра» П.Григорьева и «Беда от нежного сердца» В.Соллогуба. Причём, по замыслу режиссеров А.Сергеева и В.Садаева предполагалось, что актёрская дочка Верочки, избежав в первой части спектакля нежеланного замужества, поступает в театр и во втором водевиле играет как профессиональная актриса роль воспитанницы Насти. К сожалению, постановочная идея дальше заявки не пошла: *спектакль в спектакле* по пьесе «Беда от нежного сердца» не получился. Естественно, играть одновременно две роли молодой актрисе С.Ложкиной непросто. Для её природных данных естественнее оказалась роль скромной, чистой светлой натуры Настеньки. Для Верочки – дерзкой озорницы и выдумщицы – ей не хватило, что называется, перчинки. И если учесть, что движущей силой водевиля является сшибка характеров, то в первой части спектакля исполнение заглавной роли было неубедительным. В постановке были задуманы положенные водевилю куплеты с танцами, но виртуозности исполнения добиться не удалось. Казалось, что актёры постоянно боялись сбить дыхание. Тем не менее, критика отметила объёмные образы, исполненные актёрами старшего поколения – Л.Романовым, Г.Владыкиной, Ф.Будиной. Все тонкости кажущегося лёгким жанра ими были сబодены. Из молодых отмечена была актриса в роли Марии Петровны (красива, умна), актёр А.Моисеев в роли Ушицы (жертва – не привычный хищник, а скорее обведённый Верочкой вокруг пальца старый жених).

Оформление спектакля (В.Белых) было решено в павильонном стиле станичных театров: ажурные, напоминающие о парковых беседках белые ширмы, французские занавеси сочных ярких цветов, минимум мебели – тоже ажурно декорированной. Костюмы – несерьёзно пёстрые и кокетливые. Постановщики словно решили показать современному зрителю: вот так ставили и играли водевили в старину. Тем не менее, игра была предсказуемой и без намека на стилизацию.

Два года назад художественным руководителем Горномарийского драматического театра был назначен Б.Р. Веркау, работавший ранее в русском драматическом театре в Йошкар-Оле. До сих пор он живёт в общежитии, семью оставил в столице, но творческие цели режиссёра перетянули все бытовые неудобства. Театр в г. Козьмодемьянске был организован менее двух десятков назад и уровень спектаклей оставлял желать лучшего. Борис Рихардович начал плотно заниматься с труппой мастерством, стал убеждать учиться в высших учебных заведениях – да мало ли какие секреты нашлись в запасе у ветерана режиссуры, прирождённого педагога? Одним словом, после фестиваля «Майатул-2004», перед которым был назначен ещё и новый директор – Горномарийский театр не узнать. На нынешнем фестивале коллектив показал спектакль, поставленный ведущим актёром театра – А.Сильвестром (он же художник) «Две с половиной свадьбы» по трём одноактным пьесам классика марийской драматургии М.Шкетана. Постановка объединена героем, проходящим через все произведения – секретарём сельского совета, бюрократом Пайгуским. Его и исполняет А.Сильвестр: шебутным, любвеобильным, несчастным – оттого, что никто в нём потенциального мужа не признаёт – больно несолидный...

Все прежде виденные мною спектакли этого театра в сравнении с новым показались вымученными и тяжеловесными. А «Две с половиной свадьбы» – искромётно лёгким, изобретательным в актёрских средствах. Несмотря на некоторую «перегрузку» сцены вещами, функционально необходимыми действию, – вместе со стенами дома, впечатляюще оформленными скреплёнными между собой зыбкими полосами обоев, – декорация передаёт образ времени, сопутствующего становлению советской власти с преодолением разрухи, пренебрежением бытовыми удобствами, вниманием к формальным вопросам: недаром в finale первого действия деловые бумаги дождём сыплются откуда-то с небес...

Зритель отмечает интересные актёрские работы, исполняемые, причём, с видимым удовольствием. К примеру – поссорившуюся супружескую пару, пришедшую в сельсовет

разводиться, но в конце концов смиряющуюся с претензиями друг друга и довольными уходящую обратно. Или влюблённую парочку, которая приходит подать заявление – молодые люди не просто воркуют – выпевають объяснения друг другу, не могут друг на друга наглядеться до такой степени, что не понимают, кто и зачем их в данную минуту окружает. Инструктора из района (В.Алехина), явившуюся с проверкой ведения делопроизводства – комиссара в кожанке, требующую беспрекословного подчинения особым правилам, которые известны до конца лишь ей одной.

Следует отметить, что труппа театра из Козьмодемьянска очень невелика – поэтому несколько ролей исполняются одними и теми же актёрами – им такое привычно. О.Искокиной приходится сначала выйти в образе бабки, а позже – в образе хулиганского деревенского парня. Преображение разительное. Трансформирует свою внешность и В.Гусянов – в трёх ролях за спектакль. Удивительное впечатление производит М.Сильвестр – сначала в роли полуграмотной председательши сельсовета, всего боящейся, скованной из-за своей робости перед секретарём, умеющим вести документацию, а позже – в роли деревенской красавицы, пренебрегающей подкаблучником-мужем, предпочитающей общество весёлых разбитных парней. И в той, и в другой роли исполнение одновременно органичное и в средствах соответствующее комедийному жанру. Словом, в спектакле труппа продемонстрировала недюжинный творческий потенциал, заставила поверить в своё будущее.

Театр им. Горького из Кудымкара показал марийскому зрителю спектакль «Жениться, так жениться!» по пьесе В.Климова, в основе которой лежит старинный свадебный обряд коми-пермяцкого народа с его специфическими особенностями. В спектакле участвует – кроме труппы театра – филармонический ансамбль под названием «Шондібан» (музыкальный руководитель Е.Жарков, хормейстер – В.Денисенко), которому пришлось многое изменить в манере поведения на сцене, чтобы органично влиться в драматический коллектив с его требованиями неповторимых и убедительно исполняемых характеров. Режиссёр С.Мещангин вывел на сцену толпу народа, которая различается по типажам, воспринимающим происходящее очень заинтересованно, будто впервые. В спектакле много подлинных вещей из домашнего обихода, а в особенности из одежды. Невеста, ставши женой, покрываются удивительно красивым и необычным по форме головным убором, на женщинах – сарафаны из пестряди, рубахи мужчин повязаны самоткаными поясами-оберегами, все обуты в лапти поверх узорчатых вязаных носков. Песни схожи по звучанию с песнями коми-зырян. А вот танцы – отличаются (балетмейстер – А.Гесь). Другое дело, что особенности их трудно передать на словах. Любопытны и новы детали свадебного обряда. К примеру, невеста во время рукобитья, когда сваха подходит к ней с шёлковым платком, неожиданно для зрителей хватает печной ухват и начинает отбиваться от платка и от всех, кто представляет сторону жениха. В конце концов её удается поймать и усмирить, то есть надеть на неё платок – она в тот же момент и успокаивается. При этом свидетели происходящего – подруги невесты – оживлённо принимаются обсуждать, насколько сильно отбивалась невеста и кому да куда от неё ухватом попало.

Сцена из спектакля
«Две с половиной свадьбы».

Г.Кудымова играет невесту любопытной и не очень-то скрывающей желания выйти замуж. Понятно, что детали обряда ей давно известны. Она нисколько им не противится – послушно плачет и причитает, говорит положенные слова, дарит собственноручно сделанные подарки мужчиной родне, даёт покрыть себя убором замужней женщины. При этом она прелестно непосредственна («Что – опять плакать?») и верит в своё счастливое будущее, как любимое всеми и любящее дитя, совсем недавно вышедшее из возраста неведения. Зрители же видят то, что она не замечает или то, что для неё привычно: семья мужа – дружная, но не богатая, в избе не так-то много места, на полатах – куча младших детей. Ожидает её жизнь многотрудная. Свадьба в этой жизни – может быть самый яркий и самый счастливый эпизод, который будет долго помниться всеми его участниками. И зрители запомнят – многоопытную и знающую себе цену сваху (её убедительно играет А.Власова), бойкую и не упускающую возможности ухватить свою толику счастья в этой жизни подругу невесты (Г.Никитина), её родителей – темпераментную и громкоголосую мать невесты (Н.Голева) с послушным ей во всём мужем (Н.Крохалев). Вполне возможно, что новая пара будет чем-то схожа с ними: так восторженно внимает жених своей суженой, такую лукавинку нет-нет да и обнаружит в своём поведении невеста...

Драматический сюжет связан с приходом в избу Туна, местного колдуна – нежданного гостя. Н.Софронов играет его разительно отличающимся от всех – будто сидит в нём глубоко какое-то знание, какая-то особенная сила, схожая с гипнотизмом. При первом появлении он ещё не желает никому плохого: просто просит помочь. Но двум семьям – не до

его проблем. Тогда он заходит в другой раз и уже намеренно попытается помешать свершению обряда. Один из родственников, позднее других зашедший в гости, видит странную картину: кто-то прыгает зайцем, кто-то ведёт себя, как волк и медведь... Догадавшись чьих рук это дело, он крестным знамением заставит колдуна уйти. Молитвы и заговоры довершат начатое, очищают предстоящее действие от влияния Туна.

Оформлена сцена художником (Ю.Жарков) по эскизам этнографического и фольклорно-сказочного характера: деревянная

Сцена из спектакля «Жениться, так жениться!»

изба с печью, полатями, старинной утварью, мощные ворота. Из окна виднеется церковь, над всем оформлением – одновременно месяц и солнце – как на лубочных изображениях. Декорация выдержана в серо-голубоватых тонах, что выгодно оттеняет костюмы и разнообразие самого обряда.

«Сон в летнюю ночь» в постановке Олега Иркабаева показал марийский театр имени М.Шкетана. Спектакль, исполненный почти избыточной красоты, игровых трансформаций, лёгкого юмора, поэтичности и молодой чувственности. Афинский герцог готовится к свадьбе со своей возлюбленной. В преддверии этого события простой мастеровой люд решает сделать ему поздравление в форме любительского спектакля. К герцогу между тем обращается гражданин с жалобой на дочь, которая противится его воле и не хочет выходить замуж за назначенного жениха: любит другого. А в того, как на грех, страстно влюблена подруга невесты. За мытарствами парочек, за высокими творческими муками ремесленни-

ков следят эльфы из волшебного леса, которые, решая неподдельные личные проблемы, попутно помогают распутать любовные узы людей – и без шалостей, без чудес здесь не обходится. В конце концов венчает свадебное торжество трёх счастливых пар наивно-романтический спектакль про возвышенно-трагическую любовь с увлечёнными по-настоящему, хотя и неискушёнными исполнителями.

Актёры, исполнители шекспировских героев удивительно похожи на сегодняшних молодых людей: они раскованны, пластичны, открыты в желаниях. Множество похожих персонажей мы встречаем на городских улицах: они носятся воодушевлёнными стайками, бродят парами в элегическом настрое, подчас энергично разговаривают сами с собой... А одеты герои в костюмы, будто только что отобранные с модельного подиума. Поэтому, наверное, художник спектакля не захотел оставлять героям нижнее бельё в стиле шекспировских времён – не вязалось оно с постановочной задумкой. Кроме того, переводчик пьесы В.Абукаев дал героям классической пьесы марийские имена,озвучные авторским, – увеличив тем сходство героев с сидящими в зрительном зале: Тезей превратился в Мазия, Агий – в Эгея, Лизандр – в Лузгана и т.д. Одна из самых игровых шекспировских пьес на этот раз ставилась ради того, чтобы убедить: настоящее чувство способно творить чудеса, поскольку сильные и искренние желания торят дорогу к цели. Наверное, многим из молодых открылось, что из самых запутанных любовных и других житейских ситуаций можно найти достойный выход, если проявить терпение, волю и великодушие.

Удивительно, что при страстных признаниях героев постановка отдает дань чувствам целомудренным, решениям разумным и мудрым. Удивительно потому, что нынче время такое, – стыдливость и робость в проявлениях чувств не ценятся совершенно. Наоборот – покровы срываются, тайны открываются заранее, и вообще – можно позволить поддаться любому искушению. В спектакле театра им. М.Шкетана – не так. В одной из запоминающихся сцен влюблённая Гермия (Ошвица) не позволяет жениху лечь рядом с собой до свадьбы. Не позволяют себе того же и герцог со своей будущей женой. А она, между тем, – предводительница амазонок.

Афинский лес решён художником (Б.Голодницкий) из пластикового, прозрачного как стекло, материала, перенимающего цвет софитов и играющего всеми цветами радуги. Эльфы, которые не должны быть видимыми героям – в начале сюжета оказываются внутри кристаллического сооружения, будто подтверждая свою прозрачность. Потом это сооружение рассыпается – как большая капля на мелкие – и всё пространство подмостков заполняется его сколами. Они образуют то гряду из скал, то брызги сказочно-крупных снежинок – к одной из них подвешивается ложе Титании (Онавы), царицы эльфов. А на самой сцене расположились два бассейна-озерца, в которых плещутся влюблённые герои, остужая свой пыл или выражая восторг. Именно в таком лесу возможны чудесные превращения – он объединяет мир людей с миром сказочных героев, убеждая в том, что любовь – действительно чувство волшебное, побуждающее к саморазвитию, к «познанию самого себя».

Сцена из спектакля О. Иркабаева «Сон в летнюю ночь».

Как уже упоминалось выше – во время фестиваля параллельно ему шло обсуждение пьес финно-угорских драматургов. На этот раз в семинаре приняли участие автор из Удмуртии Анатолий Григорьев, из Мордовии – Валентина Мишанина и марийский автор Александр Петров. Многие произведения разбирались не в художественном переводе, а по подстрочнику, тем не менее, составить впечатление по ним удалось.

А.А. Петров, самый молодой из авторов, представил пьесу «Пороки людские, или Опять стучатся в дверь» в жанре фарса – достаточно хлёстко оценивающую нынешние времена с засильем коррумпированных чиновников и их круговой порукой. Журналист по основной профессии, А.Петров, видимо настолько часто встречается с подобной информацией, что переполненность впечатлениями естественно привела его в театр. В тексте пьесы ещё наблюдается некоторое однообразие авторских средств, но её постановка (она уже идёт на сцене) востребована зрителем, – фарс с его жесткими, подчас язвительными приёмами слишком редкий «гость» на подмостках.

В.И. Мишанина привезла несколько произведений: уже упоминавшуюся «Девочку из племени перепёлки», а также «Куйгород» и «Босиком по облакам». Интересен в её пьесах органичный сплав быта и лирики, склонность к романтике. По мнению московского критика Г.Г. Демина, жанры её пьес колеблются в рамках притчи и сказки.

А.Л. Григорьев отдал на суд жюри с успехом идущую уже несколько лет комедию «Поросёнок и женихи», а также первоначальный вариант драмы «Опалённые инеем». Автор вполне естественно чувствует себя в комедийной стихии. Его юмор возникает, кажется, на ходу, из обычного повседневного быта сельских жителей – он ограничен, лёгок, не натужен. При этом пьеса написана не ради смеха: в ней рассказывается о том, что пенсионеры ищут применения своему не угасшему с годами творческому потенциалу и зачастую попадают

в «нештатные ситуации», а потом выбираются из них. Что касается драмы, то замысел автора пока не реализовался в тексте полностью.

Жюри отметило, что при встречающемся зачастую многословии, то есть, известному недоверию к возможностям актёров, которые многое могут сыграть «на паузе» без слов, а также не всегда определяющимися по текстам характеристикам героев и неуверенным финалам, – у финно-угорской драматургии есть подкупдающее свойство, которое можно обозначить, как целомудрие и чистота помыслов. Отсутствием данного свойства многие современные российские драматурги просто бравируют, предлагая зрителю и откровенно жестокие сцены, и тексты с привычно употребляющейся ненормированной лексикой. Финно-угорские драматурги не идут на подобные приманки для зрителей.

Нынешний фестиваль оказался смотром художественно зрелых коллективов. Вероятно, в ожидании фестиваля руководство театров многое предпринимает для того, чтобы предложить вниманию братских народов самое лучшее и интересное из репертуара, смело привлекает новую режиссуру, коллективы ищут и пробуют свежие постановочные и исполнительские средства. Фестивальные залы были полны каждый вечер: мы интересны друг другу, растут наши возможности, внутри театрального процесса выделяются лидеры, – как среди коллективов, так и среди постановщиков.

Московский театральный обозреватель П.В. Подкладов, первый раз участвовавший в жюри фестиваля, признался, что раньше считал: национальные спектакли по-настоящему тронуть сердца могут только зрителей из родной среды, но «Майатул» представил несколько по-настоящему взволновавших его постановок и убедил в наличии недюжинного художественного потенциала.

* * *

Журнал «Арт», отмечая 10-летний юбилей, приносит искренние слова благодарности всем своим авторам и читателям во всех уголках нашей любимой республики, а также в Кудымкаре, Ижевске, Саранске, Йошкар-Оле, Петрозаводске, Москве, Санкт-Петербурге, Таллинне, Будапеште, Хельсинки, Ханты-Мансийске, Нарьян-Маре, Перми, Минске, Софии, Нью-Йорке, Риме, Австралии, Канаде...

Спасибо Правительству Республики Коми, Агентству Республики Коми по печати и массовым коммуникациям, Министерству культуры и национальной политики Республики Коми, Национальному музею Республики Коми, Национальной галерее Республики Коми, Национальной библиотеке Республики Коми, представительствам Республики Коми в гг. Москве и Санкт-Петербурге, Управлениям образования гг. Ухты, Усинска, Сыктывкара, Печоры, Прилужского, Ижемского, Троицко-Печорского, Удорского, Усть-Цилемского районов, Ухтинскому государственному техническому университету, Сыктывкарскому государственному университету, Колледжу искусств Республики Коми, Гимназии искусств при Главе Республики Коми, Центрам Коми культуры в Эжве и Сыктывкаре, Сыктывкарскому педколледжу № 1 им. И.А. Курапова, Тартусскому университету, Коми научному центру УрО РАН, Обществу «Коми войтыр», Обществу А.М. Кастрена (Финляндия), «Оптом-Пресс», ООО «ИВИС» (Москва), Издательству «Дик» (Москва).

Мы благодарны за поддержку ООО «Севергазпром», ОАО «Сыктывкарский ЛПК Монди Бизнес Пейпа», ОАО «Северная нефть».

Спасибо тем, кто печатал журнал «Арт»: Кировской областной типографии и Коми республиканской типографии (с июня 2005 г.).

Журнал «Арт» поздравляет Вас с праздником и надеется, что мы и впредь будем плодотворно сотрудничать со всеми Вами!

*Главный редактор
журнала «Арт» Г.Бутырева*

SUMMARY

The 29th of November – is the date when ART celebrates its 10th anniversary.

During all these years «ART» has been publishing works of the classics of Komi Literature and young poets and prose writers, as well as historians, ethnographers, art critics and other scientists. «ART» congratulates all its authors from Udmurtia, Mordovia, Moscow, St. Petersburg, Finland, Hungary, Canada, and of course from our native Komi Republic.

We sincerely hope for further cooperation with you!

The fourth issue, 2007 includes the final chapters of A. Vourdov's novel «Rodovoye Nachalo» («Ancestral origin»). The Poetry section of the magazine contains selections of verses of two talented authors: «Affection for independent thought» by A. Popov and «Home» by V. Lodygin.

The admirers of ancient things can find interesting material from articles of renowned Komi and Udmurt scientists, published in the section «Antiquities».

«ART-Fact» section presents the creative works of two artists: V. Kokachev and V. Smirnov, alongside with contemplations of a literary critic V. Morozova in connection with Finno-Ugric festival «Mayatoul – 2006».

Translated by Anastasia Atrashkevich

* * *

Вышли новые книги:

1. Евгений Афанасьев. «Вежласяна поводдя». ГУ РК Редакция журнала «Арт», г.Сыктывкар, 2007 г.
2. Алексей Вурдов. «Сирвойт». ГУ РК Редакция журнала «Арт», г.Сыктывкар, 2007 г.
3. Майя Бурлыкина. «А.С. Сидоров. Жизнь и творчество». ГУ РК Редакция журнала «Арт», г.Сыктывкар, 2007 г.
4. «Юрий Лисовский и Павел Микушев». Альбом. ГУ РК Редакция журнала «Арт», г.Сыктывкар, 2007 г.
5. Тамара Ломбина. «Дневник Васи Петина и Пети Васина». Издательский Дом «Азбука-классика», С.-Петербург, 2007 г.
6. Евгений Плаксин. «Записки хирурга». ООО «Издательство «Кола», г.Сыктывкар, 2007 г.